

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИДЕТ ВОЙНА ХОЛОДНАЯ

**Стенограмма 29-го заседания
Русского интеллектуального клуба
9 июня 2015 г. с приложением других материалов**

Под научной редакцией доктора философских наук,
профессора, академика Российской академии военных наук
И. М. Ильинского

Издательство Московского гуманитарного университета
2015

ББК 66.4(2Рос)
И29

И29 **Идет война холодная** : стенограмма 29-го заседания Русского интеллектуального клуба 9 июня 2015 г. с приложением других материалов / под науч. ред. проф. И. М. Ильинского. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. — 150 с.

ISBN 987-5-906822-01-7

Книга содержит стенограмму заседания Русского интеллектуального клуба по теме «Холодная война: новый этап», прошедшего 9 июня 2015 г. в Московском гуманитарном университете, и три статьи президента Русского интеллектуального клуба, ректора Московского гуманитарного университета, доктора философских наук, профессора И. М. Ильинского, опубликованные в «Литературной газете» и в журнале «Наш современник».

ББК 66.4(2Рос)

ISBN 987-5-906822-01-7

© Московский гуманитарный университет, составление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	4
Стенограмма 29-го заседания Русского интеллектуального клуба «Холодная война: новый этап»	5
США: Честный взгляд на Украину из... 1948 года	91
Правда о «цене Победы»	99
Белая правда Бунина (Заметки о бунинской публицистике)	109

От научного редактора

К стенограмме заседания Русского интеллектуального клуба по теме «Холодная война: новый этап» приложены три мои статьи, опубликованные в «Литературной газете» — «Правда о “цене Победы”» (2015. № 18 (6508). 6 мая), «США: Честный взгляд на Украину из... 1948 года» (2015. № 32 (6520). 5 августа) и в журнале «Наш современник» — «Белая правда Бунина (Заметки о бунинской публицистике)» (2011. № 3). Возможно, у некоторых читателей возникнет вопрос: «Зачем?» Однако прочитавшему текст стенограммы не покажется странным, я думаю, даже литературоведческая статья «Белая правда Бунина», тем более две другие — противостояние Востока и Запада, холодная война между ними — состояние извечное. Когда-то Россия была «варварской страной» в глазах Западной Европы, мнившей себя единственной цивилизацией на планете, теперь на эту миссию претендуют США, а Европа стыдливо и со страхом свыкается с ролью охотничьей собаки у ноги сердитого хозяина с хлыстом...

И. Ильинский

**СТЕНОГРАММА
29-го ЗАСЕДАНИЯ
РУССКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КЛУБА
«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: НОВЫЙ ЭТАП»**

*(Московский гуманитарный университет,
зал заседаний Ученого совета, 9 июня 2015 г., 11.00)*

Присутствуют члены Русского интеллектуального клуба:

Ильинский Игорь Михайлович, президент Русского интеллектуального клуба, ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, академик Академии российской словесности, Российской академии естественных наук, Российской академии военных наук, других российских и иностранных академий.

Луков Валерий Андреевич, вице-президент Русского интеллектуального клуба, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, вице-президент Международной академии наук (IAS, Австрия).

Аверьянов Виталий Владимирович, директор Института динамического консерватизма, член Центрального совета движения «Народный собор», доктор философских наук.

Алёшкин Петр Федорович, главный редактор журнала «Наша молодежь», член правления и секретарь правления Союза писателей России, член Президиума Литературного фонда России, генеральный директор издательства «Голос-Пресс», доктор исторических наук.

Болдырев Юрий Юрьевич, государственный и политический деятель, публицист, экономист, член наблюдательного совета «Союзнефтегазсервис».

Журавлев Юрий Иванович, академик Российской академии наук (РАН), председатель секции РАН «Прикладная математика и информатика» Отделения математических наук РАН, заместитель директора Вычислительного центра РАН по научной

работе, иностранный член Испанской королевской академии, Национальной академии наук Украины, Европейской академии наук, доктор физико-математических наук, профессор.

Колин Константин Константинович, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, вице-президент Аналитического центра стратегических исследований «Сокол», заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, академик РАЕН и Международной академии наук (IAS, Австрия).

Даниленко Игнат Семенович, профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор философских наук, профессор, генерал-майор в отставке.

Межуев Вадим Михайлович, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор.

Фурсов Андрей Ильич, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегического анализа, кандидат исторических наук, академик Международной академии наук (IAS, Австрия).

Для участия в обсуждении темы приглашены:

Батчиков Сергей Анатольевич, директор Центра проблем управления крупными социально-экономическими системами, кандидат экономических наук.

Горелов Анатолий Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Дашкин Юрий Алексеевич, начальник кафедры Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, первый заместитель начальника Главного управления воспитательной работы ВС РФ (2009–2011 гг.).

Ивахненко Евгений Николаевич, заведующий кафедрой социальной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор.

Кошкин Руслан Петрович, президент Аналитического центра стратегических исследований «Сокол», академик Академии военных наук и Международной дипломатической академии, член-корреспондент РАЕН, доктор технических наук, профессор.

Кондрашов Вячеслав Викторович, вице-президент Центра стратегических исследований и разработок «Звезда», доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, генерал-лейтенант.

Овчинский Владимир Семенович, советник министра внутренних дел Российской Федерации, генерал-майор милиции в отставке, доктор юридических наук.

Тройнин Александр Евгеньевич, вице-президент Центра стратегических исследований и разработок «Звезда», кандидат военных наук.

Шабаев Евгений Олегович, официальный представитель общественного движения «Донецкая Республика» в РФ, председатель Антифашистского антимайданного совета, эксперт Совета при Президенте РФ по международным отношениям, президент благотворительного фонда поддержки ветеранов боевых действий «Отрада».

Шабалов Михаил Павлович, начальник отдела геополитической информации Аналитического центра стратегических исследований «Сокол», член-корреспондент РАЕН, кандидат военных наук.

Председательствует — президент Русского интеллектуального клуба, ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор И. М. Ильинский.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Доброе утро, уважаемые коллеги!

За исключением членов клуба Юрия Ивановича Журавлева, выдающегося математика, академика РАН, Гусейнова Абдусалама Абдул-Керимовича, директора Института философии РАН, академика РАН, и Лиханова Альберта Анатольевича, президента Всероссийского детского фонда, академика Российской академии образования, остальные члены клуба присутствуют. Юрий Иванович приехал на заседание, но попросил разрешения покинуть его по объективным обстоятельствам. Мы можем начинать работу. На заседании клуба традиционно присутствует группа экспертов. Список экспертов, как и повестка дня, у всех имеется.

Присутствуют, кроме того, деканы, заведующие кафедрами, преподаватели профильных кафедр нашего университета, которые так или иначе занимаются вопросами политологии, философии, социологии, а также аспиранты, студенты, активисты студенческого научного общества и члены студенческого интеллектуального клуба.

На повестке дня три вопроса: 1. Доклад президента клуба «Холодная война: новый этап» и дискуссия. 2. Прием новых членов в состав Русского интеллектуального клуба. 3. Выборы вице-президента. Есть ли какие-то изменения, дополнения, замечания по повестке дня?.. Нет.

Прежде чем представить собравшимся свой доклад, должен сказать, что за время, пока мы не собирались (а мы по целому ряду обстоятельств не собирались довольно долго), из жизни ушли три члена нашего клуба — видные ученые, выдающиеся граждане нашей страны, замечательные люди. Назову их имена и очень коротко скажу о каждом.

19 декабря 2014 г. ушел из жизни Игорь Николаевич Родионов — государственный, общественный, военный деятель

СССР и России. Он был министром обороны Российской Федерации в 1996–1997 гг., затем создал Народно-патриотическую партию России, был ее руководителем (2002–2007 гг.) и депутатом Государственной Думы двух созывов (1999–2007 гг.).

5 марта 2014 г. скончался Владимир Андреевич Луков — выдающийся советский и российский филолог, литературовед, культуролог, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Бунинской премии, директор одного из центров Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

14 декабря 2014 г. ушел из жизни Леонид Иванович Шершнева — общественный и военный деятель, президент фонда «Русские», руководитель Фонда социальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», генерал-майор в отставке. Должен сказать, что в отставку Леонида Ивановича отправили еще в советское время. Он работал тогда в Главном политическом управлении Вооруженных сил СССР и настаивал на том, что холодная война — это настоящая война, а значит, руководству страны и вооруженных сил надо действовать адекватно. За слишком настойчивую позицию его тогда и отправили в отставку... Леонид Иванович активно работал в нашем клубе с самого начала. Инициатор многих проектов, которые в конечном счете были приняты нашей властью. Позвольте мне не перечислять их. Активный участник оказания помощи в борьбе народов Донецкой и Луганской республик.

Прошу почтить память Игоря Николаевича Родионова, Владимира Андреевича Лукова и Леонида Ивановича Шершнева вставанием и минутой молчания.

Спасибо. Присаживайтесь.

Теперь по вопросу приема новых членов. Андрей Ильич, пожалуйста, вы первый.

ФУРСОВ А. И.

Уважаемые коллеги, хочу представить в качестве кандидата в члены Русского интеллектуального клуба Сергея Анатольевича

Батчикова, человека очень известного в различных кругах, как научных, так и практических. Сергей Анатольевич — известный ученый и организатор науки. Он, безусловно, государственный патриот, который доказал это не только своими публикациями, но и своей многолетней деятельностью на благо нашей страны на совершенно разных фронтах. Думаю, что его присутствие в нашем клубе будет более чем уместно. Рекомендую принять Сергея Анатольевича Батчикова в состав нашего клуба.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Спасибо. Есть ли у членов клуба другие мнения? Есть вопросы? Нет. Кто за то, чтобы принять Сергея Анатольевича Батчикова в состав клуба? Против? Воздержавшиеся? Нет.

Пожалуйста, Валерий Андреевич.

ЛУКОВ В. А.

Я рекомендую для включения в состав членов Русского интеллектуального клуба Евгения Николаевича Ивахненко. Евгений Николаевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии Российского государственного гуманитарного университета. Уже десять лет он возглавляет эту кафедру. Его жизнь богата событиями. Десять лет он прослужил как офицер вооруженных сил, уволился в звании майора. Последняя его армейская должность — заместитель командира войсковой части на Байконуре в Казахстане. Работал в Кабардино-Балкарском государственном университете на разных должностях, начиная от лаборанта и кончая профессором кафедры. Теперь уже двенадцать лет он трудится в Москве. Не один раз участвовал в наших заседаниях, поэтому мы, как члены клуба, имели возможность узнать его позицию, его мнение. Он также активный участник дискуссий, которые ведутся на телевидении. Мне представляется, что это один из тех людей, которые могли бы по праву носить звание члена Русского интеллектуального клуба.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Спасибо. Кто может еще что-то добавить? Вопросы есть? Нет вопросов. Кто за то, чтобы принять Евгения Николаевича в состав клуба, прошу проголосовать. Против? Воздержавшиеся? Нет. Константин Константинович Колин, прошу.

КОЛИН К. К.

Уважаемые коллеги! Я рекомендую принять в члены нашего клуба Руслана Петровича Кошкина, президента Аналитического центра стратегических исследований «Сокол», академика Академии военных наук и Международной дипломатической академии, члена-корреспондента РАЕН, доктора технических наук, профессора. Руслан Петрович в последнее время работает в области проблемы национальной и глобальной безопасности. Он является учредителем и главным редактором двух журналов: «Стратегические приоритеты» и «Военно-стратегический анализ». В первом из этих журналов уже опубликовали свои труды члены нашего клуба Игорь Михайлович Ильинский, Андрей Ильич Фурсов, Валерий Андреевич Луков. Я надеюсь, что и другие члены нашего клуба посмотрят на тематику и того, и другого журнала. Руслан Петрович — истинный патриот России, человек с аналитическим складом ума. На мой взгляд, его участие в деятельности клуба будет уместно, так как он знает те аспекты проблем, которые тоже сейчас становятся важными, приоритетными в деятельности нашего клуба. Он имеет звание генерал-лейтенанта Вооруженных сил России, знает специфику геополитических проблем, которые сегодня назревают и которым в ближайшем будущем, я думаю, наш клуб будет уделять существенное внимание. Свидетельством того является тематика сегодняшнего заседания. Прошу поддержать данную кандидатуру. Спасибо.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Какие-то вопросы есть у членов нашего клуба? Нет вопросов. Кто за то, чтобы принять Руслана Петровича в состав членов нашего клуба? Против? Нет. Воздержавшихся тоже нет.

И еще раз, Андрей Ильич Фурсов, пожалуйста.

ФУРСОВ А. И.

Уважаемые коллеги! Я представляю еще одну кандидатуру, моего близкого друга — Владимира Семеновича Овчинского — в качестве кандидата в члены нашего клуба. Владимир Семенович — известный ученый-криминолог, автор очень многих трудов. Так же как и Сергей Анатольевич, он человек не только сферы научной, но и практической. Владимир Семенович долгое время защищал и до сих пор защищает интересы нашей Родины по линии Министерства внутренних дел. Это борьба с коррупцией и очень, очень многое другое. Можно сказать о нем еще много, но я думаю, что вполне хватит и этого. Это очень достойный офицер, генерал-майор милиции, который неоднократно блестяще доказал свои интеллектуальные, профессиональные и политические качества. Думаю, что его присутствие в нашем клубе будет тоже более чем уместным.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Многие, наверное, знают Владимира Семеновича как активного участника ряда телепередач. Пожалуйста, есть вопросы? Кто за то, чтобы принять Владимира Семеновича в состав нашего клуба? Против? Нет. Воздержавшихся нет.

У нас в повестке — выборы вице-президента. Предлагается избрать вице-президентом Русского интеллектуального клуба Андрея Ильича Фурсова.

Андрея Ильича знают многие, однако я все-таки зачитаю биографическую справку о нем.

Андрей Ильич Фурсов, 1951 г. р., Московская область, город Щелково — место его рождения. Историк, социолог, публицист. Окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1997 по 2006 г. руководил работой организованного им Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, возглавлял «Русский исторический журнал», вел семинар-клуб «Универсум». Сейчас — директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований наше-

го университета (с 2007 г.), заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН (с 1990 г.), главный редактор научного журнала «Востоковедение и африканистика (зарубежная литература)», руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма (с 2009 г.). Постоянный участник заседаний нашего клуба с 2000 г. В 2010 г. стал членом Союза писателей России. Опубликовал более 400 работ, включая 11 монографий. Принимал участие в 150 российских и международных научных конгрессах, конференциях и семинарах. Читал лекции в университетах Венгрии, Германии, Индии, Канады, США (Нью-Йоркском в Бингемтоне, Колумбийском, Йельском и Дикинсон-колледже).

Предлагаю проголосовать.

Кто за то, чтобы избрать Андрея Ильича Фурсова вице-президентом Русского интеллектуального клуба? Против? Нет. Воздержавшихся нет.

Андрей Ильич, поздравляем!

ФУРСОВ А. И.

Коллеги, большое спасибо за такую честь и такие уважительные слова. Ну, как говорили в свое время, поскольку я советский офицер — служу Советскому Союзу. В данном случае — служу Русскому интеллектуальному клубу. Спасибо.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Позвольте мне перейти к докладу, который я представлю вашему вниманию. Он назван мною так же, как обозначена повестка нашего заседания: «Холодная война: новый этап».

Уважаемые коллеги!

Прежде чем мы начнем дискутировать о новом этапе холодной войны, думаю, следует коснуться вкратце некоторых вопросов ее истории.

Принято считать, что холодная война — это феномен XX в. и началась она после речи У. Черчилля в Вестминстерском колледже города Фултон Соединенных Штатов Америки 5 марта 1946 г. В определенном смысле это так и есть. Хотя начало

холодной войны можно отнести от этой даты почти на тридцать лет назад, когда после Первой мировой войны США стали делать первые заявки на мировое господство, а можно и гораздо дальше.

И после Великой Октябрьской социалистической революции промышленные круги Запада, в том числе США, считали, что с Советским Союзом, обладающим огромными природными ресурсами и обширным рынком сбыта товаров, необходимо развивать экономическое сотрудничество. Однако политические власти не хотели признавать Советское государство. Не случайно дипломатические отношения между США и СССР были установлены только в ноябре 1933 г.

Большинство западных стран долгое время проводили политику **экономического бойкота СССР**. Разного рода техническое оборудование, столь необходимое в годы ускоренной индустриализации аграрной страны, продавалось ей только за чистое золото или зерно. И советское правительство было вынуждено торговать на этих условиях даже в годы неурожая и голода. Это было не что иное, как **экономическая война**. Советский Союз долгое время находился в положении осажденной крепости, на грани выживания. Это дает право сказать, что **первым «железный занавес» вокруг СССР опустил Запад**, надеясь, что разруха и голод, межпартийные и внутривнутрипартийные схватки, множество трудно разрешимых противоречий и проблем, вставших перед только нарождающимся государством нового типа, сами по себе приведут его к гибели. Именно в ту пору И. В. Сталин произнес слова, известные присутствующим на нашем заседании: «...Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Если мы не преодолеем этот период за 10 лет, нас сомнут».

На мой взгляд, не будет большим преувеличением сказать, что после окончания в 1922 г. жестокой Гражданской войны внутри Советского Союза до начала Великой Отечественной войны продолжалась скрытная, но не бескровная, холодная гражданская война. Война неизбежная, более того — необходимая. Происшедшая революция требовала полного слома существовавшего экономического, общественно-политического и госу-

дарственного уклада и создания нового, прямо противоположного прежнему. Шла (и не могла не идти) классовая борьба. Как далеко за грань необходимого зашла партийно-советская власть во главе со Сталиным, для меня до сих пор вопрос открытый. Что «палку перегнули», об этом говорил и сам Сталин в одном из разговоров со Ждановым. Однако это крайне сложный и, как мне кажется, до конца неразрешимый вопрос. Я не буду развивать эту тему, она лежит за рамками нашей повестки дня.

Вопреки всем обстоятельствам Советский Союз выжил, создал прекрасную систему образования, мощную индустрию, одержал победу над нацистской Германией в Великой Отечественной войне. Кроме природной любви к своей земле и стране, своей семье и своему народу, источником духовного и эмоционального вдохновения, сыгравшего огромную роль в этой Великой Победе, была также идея коммунизма — многовековая мечта человечества о «светлом и справедливом будущем».

Принято считать, что в холодной войне 1946–1991 гг. победил Запад, ведомый США. Более того, победили США, а поражение потерпела система социализма, которую возглавлял Советский Союз, т. е. побежден СССР. Можно сказать, что рассуждения по этому поводу бессмысленны, поскольку Советский Союз исчез с карты мира, системы социализма не существует, идеал коммунизма посрамлен, и, как говорят многие, навеки. О чем тут, казалось бы, спорить и рассуждать? И зачем?

Осмысливать историю холодной войны необходимо, чтобы Россия не проиграла новую и, возможно, последнюю битву в этой войне.

Необходимо **признать главное**: Советский Союз не «развалился», как пишут многие российские и зарубежные исследователи, и прежде всего американские. Советский Союз **был уничтожен** объединенными усилиями внешнего противника, «пятой колонны» внутри СССР и предательством известной тройки из высшего руководства КПСС: Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе.

Пробежимся по основным этапам холодной войны.

Послевоенное руководство Советского Союза **сталинского периода** холодной войны, возможно и сам Сталин, не в полной мере отдавали себе отчет в том, что схватка двух антагонистических систем — социалистической и капиталистической — вовсе не гарантирует автоматическую победу социализма; что советская власть, подобно капиталистическому миру, несла в себе зерна своего собственного распада, и они давали разного рода ростки наподобие метастаз.

Надо отдать должное уму и стратегической расчетливости американцев. Они нащупали самое слабое звено, ахиллесову пяту в советском обществе: **нарастающую отчужденность между властью и основной массой народа**, которая возникла сразу после Великой Отечественной войны. Народ-победитель, настрадавшийся за годы войны, ждал повышения уровня жизни, а власть снова призвала его «подтянуть ремни». Надо было восстанавливать тысячи городов и сел, разрушенное хозяйство, создавать атомное оружие, которым уже владели американцы. Сталину было известно то, о чем не знал народ: об операции «Немыслимое» по развязыванию третьей мировой войны с 1 июля 1945 г., подготовленной Черчиллем еще весной — летом 1945 г., о неоднократных намерениях президента США Трумэна атаковать СССР атомными бомбами. Недовольство народа внутри страны росло.

Надо признать, что главный противник вел наступление грамотно, эффективно. Цели и задачи холодной войны американцы четко обосновывали, планировали и постоянно корректировали. При этом они использовали самое опасное оружие: **игру на слухах и сплетнях, молве и недомолвках, клевете и выдумках, фальсификациях и лжи**.

Доктрина Совета национальной безопасности № 68 от 14 апреля 1950 г. была построена на абсолютно ложной посылке, будто основным планом Кремля являлось **«уничтожение США как единственной преграды на пути установления новой коммунистической веры во всем мире»**¹.

¹ Главный противник. Документы внешней политики и стратегии США в 1945–1950 гг. : пер. с англ. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. С. 379–380.

Западные страны и США знали, что Сталин давно отказался от троцкистской идеи «перманентной революции», выдвинул идею о «возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране» и усиленно претворял ее в жизнь. Разрушенному и обессиленному в ходе Великой Отечественной войны СССР было не до новых сражений. Даже Черчилль, перепугав мир «коммунистической угрозой» в своей фултонской речи, в конце ее заявил: «...Я даже не допускаю мысли о том, что новая война неизбежна, тем более в ближайшем будущем... Я не верю, что Советская Россия хочет новой войны»¹. Но войны, хотя бы холодной, жаждал президент США Г. Трумэн, стоявший на трибуне рядом с Черчиллем, когда тот произносил свою хитроумную и провокационную речь.

Для ведения холодной войны на Западе, особенно в США, была создана **мощная научная база**. Изучением различных аспектов холодной войны, и прежде всего скрытого управления настроениями, мышлением и поведением человека, в крупнейших университетах США были заняты институты, научные центры и лаборатории, сеть которых постоянно расширялась. В 70-х годах XX столетия в США действовало около 300 советологических центров².

Первая совершенно секретная директива СНБ 20/1 от 18 августа 1948 г. «Цели США в отношении России» содержала несколько принципиальных положений, определявших стратегию и тактику холодной войны. В ней рассматривались варианты как **вооруженного нападения** на СССР, так и свержения советской власти **несиловым путем**. В частности, в директиве 20/1 говорилось: «...Нет никаких временных ограничений для достижения наших целей мирным путем. Нет какой-либо строгой периодичности между войной и миром, которая заставляла бы нас добиться поставленной цели к определенной дате, — в противном случае — война... Мы точно не знаем, приведет ли достижение поставленной цели к развалу СССР, так как не знаем, когда это произойдет. Вполне возможно, что с течением

¹ Черчилль У. Мускулы мира. М. : Эксмо-Пресс, 2002. С. 487.

² Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. М. : Вече, 2003. С. 341–352.

времени и под влиянием определенных обстоятельств некоторые из первоначальных идей коммунистов претерпят серьезные изменения...»¹.

Согласно совершенно секретной директиве СНБ-68 от 14 апреля 1950 г. **холодная война была возведена в ранг государственной политики**. В завершение этой многостраничной директивы говорилось: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько **наше правительство**, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что **холодная война — это на самом деле настоящая война**, в которой на карту поставлено выживание свободного мира»².

Еще одной, быть может, важнейшей особенностью прошедшего этапа холодной войны являлся ее **двойкий характер**: наступление на СССР и социалистические страны велось **как извне, так и изнутри**. «Пятая колонна» и агентура влияния формировались как спонтанно, самопроизвольно, так и спецорганами западных стран, прежде всего американских.

18 июня 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву СНБ 10/2 «Об отделе специальных проектов». Действуя в структуре ЦРУ, этот отдел получал право проводить операции, подразумевающие «любые **тайные действия**, связанные с пропагандой, экономической войной, превентивными активными действиями, включая мероприятия по саботажу, анти-саботажу, уничтожению и эвакуации, подрывной деятельностью против враждебных государств, **включая помощь нелегальным движениям сопротивления, партизанам и освободительным группам в изгнании и поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся под угрозой странах свободного мира**»³.

Советский Союз **начал проигрывать холодную войну с самого ее начала**, когда она носила еще в основном идеологический характер: идеологии марксизма противостояла идеология **верховенства** экономических, рыночно-либеральных ценностей.

¹ Главный противник. С. 183–184.

² Там же. С. 451.

³ Там же. С. 137–139.

В борьбе с противником чрезвычайно мешали догматизация марксизма и слепая вера в то, что коммунистическая идеология сама по себе похоронит «загнивающий капитализм». Внешняя пропаганда и контрпропаганда внутри СССР не сумели эффективно использовать огромный международный политический и нравственный капитал, накопленный СССР в ходе строительства нового общества, и особенно — в годы Великой Отечественной войны. Это случилось главным образом из-за еще низкого в те годы уровня образования и профессионализма работников органов пропаганды.

Хрущевский период холодной войны — это, надо думать, бессознательное подыгрывание главному противнику, отступление с уже завоеванных геостратегических позиций СССР.

В октябре 1954 г. Хрущев решил передать Китаю город Дальний и военно-морскую базу Порт-Артур, вывести все советские войска с Ляодунского полуострова. Между тем в тот момент в Южной Корее стояла 8-я американская армия и соединения 15 государств, введенных туда по решению ООН. Дальневосточные рубежи СССР были оголены...

Уничтожались боевые корабли, тяжелая и стратегическая авиация. Был взят курс на создание ракет стратегического назначения, что само по себе было правильно, однако вовсе не требовало отказа от авиации. За пять лет (с 1955 по 1960 г.) численность вооруженных сил была сокращена почти на 4 млн человек. Непродуманные реформы в экономике (как в промышленности, так и в аграрной сфере), эксперимент по разделению КПСС на две части — промышленную и сельскую — создавали иллюзию перемен, а на самом деле тормозили развитие страны, разрушали ее.

Самым вредным по своим последствиям деянием Хрущева было его выступление на XX съезде КПСС, в котором горькая правда была густо замешана на злонамеренной лжи о прошлом этапе жизни страны и особенно — о Сталине.

Хрущев (некогда ярый сторонник Троцкого), вовремя переметнувшийся в окружение Сталина, теперь после смерти вождя мстил ему, пытаясь выставить себя в светлых тонах. С этого момента и после постановления ЦК КПСС «О преодолении культа

личности и его последствиях», принятого в июне 1956 г., усилиями отечественных и зарубежных историков, писателей и журналистов стали создаваться «черная история» Великой Октябрьской социалистической революции, советской власти, коммунистической партии, Великой Отечественной войны и особенно — изуродованный образ Сталина. С этого момента в СССР и в мире началось идейное разуверение многих людей в марксистской теории, отторжение от высоких идеалов построения справедливого общества, начался психологический надлом в народных массах, в компартиях Советского Союза и других стран, их руководящих органах снизу доверху. Все это чрезвычайно облегчало задачи противника в пропаганде западных, либеральных ценностей. Именно тогда, в пору так называемой оттепели (может, лучше сказать, «слякоти»?), в стране стали разгораться кухонные споры, резко возрос интерес к разного рода зарубежным радиоголосам: «Голосу Америки», «Свободной Европе», «Би-би-си» и прочим. Семья идейного, духовно-нравственного саморазрушения начинала давать всходы...

Хрущев настоял принять на партийном съезде явно утопическую третью Программу КПСС, в которой обещалось к 1980 г. построить в СССР коммунизм, чем еще более разочаровал всю страну... Хрущев стучал ботинком по трибуне Генеральной ассамблеи ООН и кричал ошарашенным представителям капиталистического общества: «Мы вам покажем кузькину мать!», перепугав весь мир. Хрущев «организовал» Карибский кризис и чуть было не спровоцировал третью мировую (ядерную) войну...

Всех фактов «субъективизма и волюнтаризма», за которые Хрущев и был снят с должности, не перечислить. Этот человек много чудил, но плохо руководил страной.

Говорят, когда в ноябре 1964 г. в английском парламенте праздновали 90-летие Черчилля, кто-то предложил за него тост как за самого ярого и последовательного врага России. Черчилль бросил фразу: «К сожалению, имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев. Давайте похлопаем ему!...»

Оставлю без комментариев период так называемого застоя, якобы случившегося при Брежнев, краткие этапы руководства страной Андроповым, которого некоторые называют истинным зачинщиком перестройки, и, конечно, Черненко, от которого и нельзя было ничего ожидать.

Поговорим о периоде холодной войны, когда страной правил Горбачев и когда, как считают многие, эта война закончилась победой США.

Особенность этого периода состоит в том, что Запад (и прежде всего США) стремился как можно скорее **победить**, т. е. **уничтожить**, Советский Союз, в то время как руководство СССР в лице «тройки», и прежде всего Горбачева, мечтало как можно быстрее **закончить** холодную войну, капитулировать прежде, чем народ поймет истинные замыслы «перестройщиков».

Да, поначалу идея «перестройки» была встречена в народе с энтузиазмом. Было что перестраивать, безусловно. Многие и сейчас говорят: «Перестройка была нужна, но не такая. Заплатили и до сих пор платим дорогой ценой за ее хаос и **непродуманность**».

В этой правильной в целом оценке, в этой фразе есть одно ошибочное и потому лишнее слово: «непродуманность». На самом деле перестройка была весьма хорошо продумана, имела глобальный разрушительный замысел, внятный стратегический план, о котором в полной мере поначалу знали лишь двое — Яковлев и Горбачев, а немного позже — Шеварднадзе. В мемуарах Яковлева, в том числе в книге «Перестройка», где собраны документы, которые он создавал во время работы в ЦК КПСС, до и после этого, есть так называемая диктовка и записка Яковлева, датированные 1985 г. В них и изложен общий план, стратегия «перестройки». Горбачев был ознакомлен с ними и не отверг, а сказал: «Рано».

Я уже более двух лет одну за другой читаю книги Яковлева, Горбачева, Шеварднадзе, членов Политбюро, работников ЦК партии из их ближайшего окружения, мемуары зарубежных политических и государственных деятелей.

Осилит уже более сотни работ, реконструировал события прошлого — с 1983 г., когда Горбачев, будучи секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, семь дней находился в Канаде, где послом СССР в тот момент работал Александр Николаевич Яковлев. Уже тогда Яковлев был ярким антикоммунистом и антисоветчиком и, вполне вероятно, агентом влияния США.

Надо сказать, что я познакомился с Яковлевым еще в 1976 г., когда как слушатель Дипломатической академии МИД СССР находился на трехмесячной преддипломной практике в Посольстве СССР в Канаде. Яковлев был моим неофициальным консультантом по дипломной работе. Мы не раз беседовали с ним в Оттаве, потом в Москве. Я встречался и беседовал не раз с Горбачевым, однажды — с Шеварднадзе.

Реконструкция замысла так называемой перестройки закончена еще не полностью, но мне, как я думаю, и многим из находящихся в зале уже давно ясно: по своей сути «перестройка» была государственно-политическим заговором с целью уничтожения СССР; это была контрреволюция, именовавшаяся на партсъездах и пленумах «революционной перестройкой».

Однако фактически месяц за месяцем нарастал не слом негодного и устаревшего, шло не созидание, а разрушение государства, разбазаривание великой страны-победительницы — СССР. Шла сдача ее позиций на международной арене, обострялись внутренние конфликты, взрываясь в Алма-Ате и Тбилиси, в Нагорном Карабахе, возле телецентра в Вильнюсе... Растаптывалась ее история, шельмовались настоящие герои, великую многонациональную культуру теснили китч и похабщина. Кое-что, конечно, менялось к лучшему и прорастает до сих пор. Но неизмеримо больше очернялось, фальсифицировалось, перечеркивалось. Не только дурное, но и праведное. Армия и флот стали изгоями, уничтожались.

Многие чуяли: происходит что-то не то, но не понимали — «что», не находили сил и союзников, чтобы поменять курс «перестройки». Кто-то публично сжигал партбилеты, молился новым богам. Большинство беспокоилось, как бы просто выжить.

За шесть с половиной лет перестройки от могучей страны мало что осталось. И в декабре 1991 г. она перестала существовать как субъект международного права. Последствия ощутимы по сей день, и долго будут аукаться.

Мог ли устоять СССР, когда против него, как «империи зла» (Р. Рейган), шла открытая война объединенных сил Запада — война дипломатическая, политическая, экономическая, информационно-психологическая? При умном, честном и ответственном руководстве страной, уверен, смог бы.

Мог бы устоять СССР при условии внешнего натиска и попытки осуществить **внутреннюю контрреволюцию** в целях восстановления капитализма во главе с «**пятой колонной**»? Думаю, смог бы, как это уже было в годы Гражданской войны. При том же условии: если бы во главе страны стояли умные, честные и ответственные руководители.

Но в том случае, о котором идет речь, когда контрреволюцию возглавляли высшие руководители партии и государства, сохранение прежней системы было невозможно. Две силы — внешняя и внутренняя — сложились в одну. Можно предположить, что на первом этапе они действовали в одном направлении, но без уговора, однако на последней, активной фазе холодной войны и «перестройки» (контрреволюции), не зафиксированный ни в каких документах, **существовал, по сути дела, сговор** на уровне первых лиц двух государств.

В своих книгах Яковлев многократно говорит о том, что жил тройной жизнью: думал одно, говорил другое, а делал третье. Как он выражается, «лукавил», «маневрировал», а сказать попросту — врал.

Можно привести немало примеров о решениях и поступках Яковлева, Горбачева и Шеварднадзе, которые нельзя квалифицировать иначе как измену Родине.

Существует немало именно таких оценок даже со стороны самих американцев.

Опубликована книга под названием «Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами»¹.

¹ Бешлосс М., Тэлботт С. Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М. : Алгоритм, 2010.

Ее авторы — М. Бешлосс, крупный американский политолог, а также (главное!) С. Тэлботт — заместитель Государственного секретаря США, который все годы «перестройки» курировал СССР. Эта книга — приговор главным «перестройщикам».

Издана такого же рода книга Джека Мэтлока «Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза»¹. Прочитую несколько выдержек из этой книги.

«Мы были приятно удивлены, — пишет Мэтлок, — обнаружив, что становимся в Москве **частью советского общества**. Гости, в основном советские, собирались в нашей резиденции Спасо-Хауз **по десять и больше раз в неделю** на концерты, фильмы, художественные выставки, завтраки и обеды, а потом и **на обсуждение политических и экономических проблем**. С образованием нового парламента его члены часто дискутировали за обеденным столом в Спасо-Хауз по вопросам, которые **только еще подлежали официальному обсуждению**. Советские руководители общались с нами более открыто, **обсуждали свои планы, надежды, иногда даже спрашивали совета**, особенно по части становления демократических институтов и процедур. Благодаря **энергичным дипломатам** нашего посольства мы познакомились буквально со всеми видными политическими деятелями в Москве и со многими влиятельными людьми в районах за пределами столицы»².

Мэтлок воспроизводит речь Горбачева на встрече с Бушем в мае 1991 г. за обедом в американском посольстве в Лондоне. Самым любопытным в этой речи кажется вопрос Горбачева, заданный Бушу: «Каким хотят Соединенные Штаты видеть Советский Союз?» И далее: «И вот странно: нашлось **сто миллиардов долларов**, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (война Ирака с Кувейтом. — *И. И.*), деньги находятся и для других программ, а здесь речь идет о таком проекте — **изменить Советский Союз**, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового

¹ Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза : пер. с англ. М. : Рудомино, 2003.

² Там же. С. 16.

сообщества, **не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы**. Это задача беспрецедентная»¹.

Присутствовавший на этой встрече Мэтлок отмечает в своей книге: «Это был всхлип отчаявшегося человека...» Далее он пишет: «Горбачев **не мог заставить себя сказать напрямик, что занимало его мысли**, по крайней мере, с 1989 года. Он был психологически не способен высказать свою **затаенную**, возможно, подсознательную **мечту**, а если бы он это сделал, тем самым он подписал бы себе, как политическому деятелю, **смертный приговор**. Но что бы он сказал, если бы мог? Никто не знает этого наверняка...

Будучи человеком, близко наблюдавшим его на протяжении нескольких лет, я полагаю, это было бы что-то вроде нижеследующего — во всяком случае, **95 процентов из приводимого мной я в то или иное время от него слышал, а 5 процентов являются моими догадками**»².

И вот Горбачев говорит словами Мэтлока: «Я никогда не смогу сказать это публично, **но я действительно хочу перестроить мою страну по вашему образцу... Мы должны покончить с нашей старой системой...** Большинство населения либо **не понимает меня**, либо выступает против — особенно те, кому старая система что-то дала. Мне придется **маневрировать, перехитрить** последних и **воспитать первых**, поэтому некоторые мои действия могут показаться странными... Трудно сказать, кто победит, но не думайте обо мне плохо, если порой мне придется **говорить разными голосами...** Я пытаюсь сделать то, о чем вы молились со времени окончания Второй мировой войны: **ликвидировать советскую военную угрозу**, сделать мое общество открытым... двинуться к рыночной системе — так ваши идеологи предпочитают именовать **капитализм**, но, надеюсь, вы понимаете, что я не могу пользоваться таким языком, во всяком случае, пока. А ведь это как раз то, о чем **вы мечтали десятилетия**, но безо всякой надежды, что это когда-либо произойдет.

¹ Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. С. 468.

² Там же. С. 469.

Я преисполнен решимости, чтобы это произошло, но не потому, что вы этого хотите. Я поставил себе такую цель¹.

«Плод воображения? Конечно. А насколько точный? Я в этом **абсолютно уверен**»².

В конце книги Мэтлок говорит: «Горбачев, Рейган и американские союзники — все они в полной мере заслуживают признательности за необходимый вклад, внесенный каждым **в этот процесс**. Никто в одиночку его не вытянул бы, и нет такого человека, кто в одиночку сделал это. **Однако сценарий был написан в Вашингтоне, и сомнительно, чтобы он мог писаться в Москве — даже таким искусным руководителем, как Михаил Горбачев**»³.

Что верно, то верно. Эту работу вели Бюро стратегического планирования Госдепартамента США во главе с Дж. Кеннаном, объявленным персоной нон грата в СССР еще при Сталине, после того как в журнале Foreign Office была опубликована его «Длинная телеграмма» № 511 от 22 февраля 1946 г. Эту работу сделали 293 советологических центра, различных университетов США, а также институты Германии, Франции и других стран. На мой взгляд, вполне вероятно, что к этой работе был привлечен и Яковлев, в результате чего и родилась его записка «Императивы политического развития», переданная им Горбачеву в конце 1985 г.

Теперь, наконец, о новом периоде холодной войны.

Почему, как я думаю, можно говорить о продолжении холодной войны, о ее очередном этапе, когда лидеры США и СССР почти тридцать лет назад заявили о ее окончании?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, определяется пониманием типологии холодной войны как феномена не только XX в., как считают большинство исследователей, но и всей истории человеческих войн. По **структуре своих целей** холодная война, как и война «горячая», является одновременно войной политической, дипломатической, войной за жизненное пространство, войной экономической, финансовой, войной

¹ Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. С. 469–470.

² Там же. С. 472.

³ Там же. С. 576.

за сырьевые ресурсы, войной за рынки сбыта, войной идеологической, сходной по своей сущности с религиозными войнами, которые происходили в прошлом и ведутся в наши дни. Но в отличие от «горячей» войны холодная война — это **прежде всего война геополитическая**. Она может длиться десятилетиями, с перерывами на «горячие» локальные войны (Корея, Вьетнам и т. д.), как длилась холодная война 1946–1991 гг., а может — и столетиями.

В холодной войне нашло свое выражение извечное противостояние Востока и Запада, Суши и Моря. После Второй мировой войны СССР объединил вокруг себя огромную массу континентальных евразийских и восточноевропейских государств, а США стянул главным образом морские державы, а также частично (и на мой взгляд, временно) некоторые страны Западной Европы, скажем Германию.

С уничтожением СССР и распадом Восточного блока европейских социалистических государств геополитический баланс изменился в пользу Запада во главе с США. Однако главным противником для Запада и США осталась Россия, вокруг которой снова начинают концентрироваться евразийские и другие государства. Для Запада и США Советский Союз, СССР всегда олицетворялся с Россией, а его многонациональное население — с русскими.

Совсем не случайно первый документ стратегического характера НСБ 20/1, который я цитировал, назывался «Цели США в отношении России». **Столь же не случайно**, рассмотрев все варианты исхода войны с СССР, его авторы писали: «Однако перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с **некоммунистической** властью, которая может быть установлена на части или **на всей территории России** как следствие военных действий».

Прежде всего, стоит отметить, что **вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима** и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться **идеалов либерализма и демократии**, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше.

То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально **дружественным по отношению к нам**, мы должны будем обеспечить следующее:

- а) Отсутствие у подобного режима большой военной мощи.
- б) Его сильную экономическую зависимость от внешнего мира.
- в) Соблюдение им прав национальных меньшинств.
- г) Отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, **борющимся с коммунизмом** и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий **не было для него унизительным**. Однако в той или иной форме нам все-таки придется **следить за их соблюдением**, если мы хотим мира и стабильности во всем мире»¹.

И они следили, да еще как! Позволив себе малость передохнуть, повесив на себя медали «За победу в холодной войне», американцы не забыли о пятнадцати республиках бывшего СССР, ставших суверенными государствами, и прежде всего — о России. Они стали усиленно «помогать» им «встать на ноги», обращать в свою ультралиберальную веру.

Давайте вспомним, каким образом они «помогали» России в «лихие 90-е», в годы правления Ельцина... Разве это не было дальнейшим разрушением новообразовавшихся государств? Иначе говоря, разве это не было **продолжением холодной войны** с использованием прежних и новых инструментов — шоковая терапия, займы МВФ, ВБ, советники США при каждом министерстве и губернаторе? Да, разрушительная работа велась уже руками российских чиновников, но по советам и указам из Вашингтона. «Победители» откровенно грабили Россию и другие республики уничтоженного Советского Союза, размещали военные базы там, где им позволяли, и придвигали НАТО поближе к границам России.

За годы ельцинского правления экономика и Вооруженные силы России были разгромлены, страна посажена на продовольственную иглу, запряжена в упряжку международной политики

¹ Главный противник. С. 175–211.

США, войска НАТО придвинуты к российским границам на расстояние полета ракет средней и ближней дальности.

Совершенно не случайно свое выступление на закрытом заседании Объединенного комитета начальников штабов тогдашний президент США Клинтон завершил словами: «...В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- **расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;**
- **окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;**
- **установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.**

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США».

Внешняя политика В. В. Путина начиная с Мюнхенского саммита 2008 г., когда он резко выступил против однополярного мира, вызвала раздражение США и всего Запада, но они терпели. Однако, когда весной 2014 г. Крым и Севастополь вошли в состав Российской Федерации, наши бывшие союзники по Великой Отечественной войне — Соединенные Штаты Америки и Великобритания, а вместе с ними и Евросоюз взбесились: «Аннексия!..» Начали давить на Россию экономическими и политическими санкциями...

А тут еще Донецкая и Луганская области Украины объявили себя независимыми от центральной украинской власти республиками. На Украине вспыхнула гражданская война. Киевские власти, США и Евросоюз увидели за этим «руку Москвы». Санкции усилились.

А тут еще уже созданные БРИКС, ШОС, единая экономическая зона с Казахстаном, Белоруссией, Киргизией и Арменией, а тут еще Евразийский союз. Оценка США однозначна: у России разыгрались имперские настроения.

4 декабря 2014 г. Конгресс США принял резолюцию № 758. В ней президенту США и Госдепартаменту было рекомендовано усилить санкционное давление на Россию в связи с событиями на Украине:

заморозить визы, активы и вводить санкции против России и ее руководства; принять меры по ограничению возможности России оказывать экономическое и политическое воздействие путем энергетического экспорта и торговых барьеров; оказывать правительству Украины необходимую поддержку оборонными и разведывательными средствами; пересмотреть действующие соглашения в рамках НАТО; разработать стратегию распространения новостей и другой информации на русском языке в странах, имеющих существенную долю русскоязычного населения.

Кроме того, Конгресс США призвал членов НАТО и его партнеров прекратить военное сотрудничество с Россией.

Президент США Обама принял эти рекомендации к исполнению. Выступая на круглом столе журнала Wall Street Journal, он заявил, что США вместе с Евросоюзом будут стремиться к тому, чтобы **изолировать Россию** на международной арене¹.

20 декабря 2014 г. Обама подписал законодательный «Акт о поддержке свободы Украины — 2014», который расширял санкции в отношении России и предусматривал возможность оказания Украине **военной помощи**. В этом законе содержится пункт о снабжении украинской армии противотанковым оружием, артиллерийскими радарными и боеприпасами на сумму в 350 млн долл. Позднее Конгресс США принял решение о выделении 1 млрд долл. на вооружение Украины. 20 млн долл. выделено на поддержку «демократических институтов» в России и создание программ на русском языке в американских СМИ. Планируется также увеличение вещания радиостанций «Голос Америки» и «Свобода» в странах бывшего СССР для противодействия российской пропаганде.

В феврале 2015 г. принята новая Стратегия национальной безопасности США, которая на ближайшие годы будет являться основным доктринальным документом, определяющим принятие американским руководством глобальных решений в областях национальной безопасности и внешней политики.

¹ Музалевский Д. США приняли резолюцию против России // Утро.ru. 04.12.2014. URL: //mobile.utro.ru/articles/2014/12/04/1224504.shtml

В Стратегии, в частности, говорится: «Мы будем наращивать издержки для России посредством санкций и прочих мер, противопоставляя лживой московской пропаганде ничем не прикрашенную правду. Мы будем сдерживать российскую агрессию, бдительно наблюдая за ее стратегическим потенциалом, а при необходимости поможем в перспективе нашим союзникам и партнерам противостоять российскому принуждению. В то же время мы будем держать двери открытыми для расширения сотрудничества с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес, если она решит пойти иным путем — путем мирного сотрудничества с уважительным отношением к суверенитету и демократическому развитию соседних государств». Иными словами, ожидать восстановления полноценного сотрудничества США с Россией не стоит даже в отдаленной перспективе. Что же это означает? Только холодную войну. Пока — холодную...

На этом я закончу свой доклад. Если есть вопросы, я готов ответить на них.

МЕЖУЕВ В. М.

У меня вопрос. Игорь Михайлович, какой период русской или советской истории вы считаете нормой для России? Мне просто это интересно. Какой период нашей истории, российской или советской, вы считаете для будущей России нормой? Вот весь вопрос.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Советский или нынешний?

МЕЖУЕВ В. М.

Да. Или дореволюционный, или послереволюционный... Вот какой период вы хотели бы восстановить?

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

А я не готов ничего восстанавливать. Я не говорил о восстановлении...

МЕЖУЕВ В. М.

Ну, на что ориентироваться?

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Вы задаете вопросы, отвечая на которые мы утонем в дефинициях, деталях и забудем о повестке дня. Во-первых, о какой норме, как руководящем начале устройства общества, мы будем говорить? В октябре 1917 г. произошла социалистическая революция. Я убежден: это была именно революция, а не переворот, как сейчас утверждают многие. Убеждают меня в этом итоги Гражданской войны, в которой участвовали десятки миллионов человек, с двух сторон, а победили все-таки большевики. При том что, как говорили прежде, «белых» поддерживали иностранные государства, их войска. Руководящими началами прежнего, царского общества были монархия (как государственная идеология) и частная собственность (как основа экономики). В результате революции эти руководящие начала были отвергнуты.

Я не считаю, что Россия была «банановой республикой», страной сплошной нищеты и бедности, сплошной безграмотности и культурной темноты.

Экономика России конца XIX и начала XX в. развивалась, временами быстро. По темпам развития даже быстрее большинства западных стран. Почему? Главным образом потому, что ее индустрия росла от нулевого значения. Россия была империей, а не полуколонией. В области некоторых достижений науки, литературы, искусства она стояла неизмеримо выше тех же США и множества других стран. Но это была в основном страна аграрная, с примитивным сельским хозяйством, большинство населения которой составлял сельский люд, недавнишние крепостные, проще сказать — рабы. Индустрия России только начинала развиваться, особенно такие отрасли, как металлургия, машиностроение и т. п. Здесь она уступала передовым индустриальным державам во много раз. Доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. составляла всего 5,3%, а США — 35,8%, Великобритании — 14%, Германии — 15,7%.

Еще хуже обстояли дела при расчете индустриальной продукции на душу населения. Надо признать, что Россия в начале XX в. только вступала в фазу перехода от аграрного общества к обществу индустриальному.

Говорю об этом подробно, потому что исключительно мрачному образу царской России, который господствовал в идеологии советского времени, последние лет 20–25 противопоставляется образ предреволюционной России как страны всеобщего благоденствия, где разве что булки на деревьях не росли. С чего бы это народ восстал против процветания и почти пять лет убивал друг друга?..

Руководящие нормы царского общества (монархия и аграрная экономика) тормозили развитие страны и выход из преобладающей нищеты и бедности населения к более высокому уровню жизни. Поэтому и свершились в феврале 1917 г. буржуазно-демократическая, а в октябре — социалистическая революции. Замечу, кстати, что в самом начале XX в. в экономическом развитии России случились длительный застой и депрессия, которые длились до 1909 г. Так что «отец застоя», как принято считать, не Брежнев и советский строй, а царь Николай Второй и монархическая система. Но Николай Второй в 1909 г. застой преодолел, брежневский застой посчитали непреодолимым. А потому взяли да и уничтожили страну. Но разве потенциал России 1909 г. можно сравнивать с потенциалом СССР 70-х годов? Тут разница как между землей и небом. А вот поди ж ты: захотелось Горбачеву войти в историю, и он вспомнил о Герострате...

Во всяком случае, восстанавливать дореволюционные «нормы» я не готов. Я при тех «нормах» не жил, знаю только по книгам. Советские «нормы» знаю неплохо. В них было много хорошего, но и дряни хватало. Если бы можно было вернуться из сегодняшнего дня к тем «нормам» без всякой борьбы и крови и дать обществу несколько десятилетий для реальной перестройки — самосовершенствования, я был бы не против. Но это невозможно. Поэтому я и не говорю ни о каком восстановлении... А что еще может случиться в России, знает только Бог, если он, конечно, существует...

МЕЖУЕВ В. М.

Нет, ну да, вы не призываете назад вернуться...

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Я говорил в докладе о том, что делалось для свержения социалистической системы, которая, даже на взгляд многих американских политиков и исследователей, могла реформироваться, усовершенствоваться... Это неправда, что она была нерформируема. Это — идеологический миф.

МЕЖУЕВ В. М.

В каком направлении?

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

В направлении роста благосостояния людей, сохранения народа и его здоровья, национальной культуры и так далее. А в 1991 г. произошла контрреволюция, и то, что было достигнуто огромным трудом, потом и кровью, было разрушено силовым путем, объединенными усилиями изнутри и извне...

МЕЖУЕВ В. М.

Нет, понятно, но хотелось бы позитив какой-нибудь увидеть. Как вы видите себе страну? Все остальное спорно. А вот как вы ее видите?

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Вадим Михайлович, дорогой, еще в 1994 г. я написал по этому поводу небольшую книжку под названием «Куда идти России». Замечу: в утвердительном плане без вопросительного знака в конце ее названия. И потом было немало книг и статей. Хотите, чтобы я начал пересказывать их содержание?..

Я думаю, что новой социалистической революции, во всяком случае пока, затевать не следует. Тем более что согласно Конституции РФ государство наше — социальное, т. е. все его заботы должны и могут быть обращены прежде всего к обществу,

к человеку, его нуждам и интересам. Что из этого выйдет, мы с вами не увидим — не доживем, мне кажется.

Я думаю, что цели, которые сегодня провозглашает президент, в основном правильные. Другой вопрос — то, что выходит по факту. Вот олигархи... Рост бедности и нищеты... Неведомо, чем все это закончится для страны, для цивилизации в целом — русской, российской. Вот в чем проблема. Поэтому я думаю, что если бы социалистическая система не была настолько разрушена, а была бы действительно реформирована, то наш народ, страна находились бы сегодня на гораздо более высоком уровне развития, чем в 1985 г. Ведь на самом деле 70 лет — это миг истории, это даже не период становления. До периода развития мы не дошли. Это был период бесконечной военной ситуации, бесконечных разрушений. На самом деле социалистическая система не установилась, тем более она не развилась в направлении тех идеалов, которые провозглашались. Так я это понимаю. Постоянные войны на протяжении постреволюционной поры до Великой Отечественной войны, разруха и тут же — новая война, хоть и холодная — в этой ситуации трудно было устоять, да еще при сложившейся «пятой колонне» и с предателями на вершине власти. Но я говорил, что при умном, честном и ответственном руководстве, на мой взгляд, могло получиться совсем нечто иное, и мы не переживали бы тех проблем, которые переживаем сегодня.

МЕЖУЕВ В. М.

Мне это трудно понять. С критикой можно соглашаться: того не было, сего не было. А чего хотят? Вот ответьте, какую Россию вы видите? Вот я не могу этого понять. Честно, не могу понять!

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Вы вопрошаете или восклицаете?

МЕЖУЕВ В. М.

Восклицаю.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Восклицаете. Я думаю, что у вас есть шанс воскликнуть в развернутом виде и сказать, что вы сами думаете по этому поводу... Вы ведь философ, и, как считаю и всем говорю, один из лучших, если не лучший философ России.

Я вижу — хочу видеть! — мою страну и наш народ сытым, хорошо одетым и обутым, живущим в комфортных жилищах и в безопасности. Я хочу видеть Россию сильной, чтобы никакая сволочь не смела гавкать на нас, а тем более — угрожать.

МЕЖУЕВ В. М.

Я уже все сказал. Это мой главный вопрос... Извините, ради бога. Доклад был очень интересным.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Жаль, очень жаль, что вы не хотите говорить...

Я не могу далее тратить время на развернутый ответ на ваш вопрос. Это самый сложный вопрос на самом деле, и двумя словами, несколькими фразами, коротко на него ответить невозможно. Я ответил так, как понимаю. На мой взгляд, все было возможно. В уничтожение СССР только внешними силами не верили — читайте книги, — не верили сами американцы. Еще Кеннеди говорил, что СССР неразрушим извне. И после об этом говорили, например в книге «Главный противник», которую я составлял. Кеннан пишет об этом в своей «Длинной телеграмме». В различных доктринах об этом сказано не раз. Еще Карл Клаузевиц предупреждал, что Россию победить извне нельзя, с ней можно справиться, только разложив ее изнутри. Вот Запад во главе с США и сделал это. И продолжает делать. Все уже происходит. Созданы кибервойска численностью в 40 тыс. человек для войны в социальных сетях, созданы также информационные войска.

Слово просит Юрий Юрьевич Болдырев. Пожалуйста...

БОЛДЫРЕВ Ю. Ю.

Игорь Михайлович! Прежде всего огромное спасибо за замечательный доклад. Замечателен этот доклад не тем, что в нем

сказано что-то такое, что мы не можем услышать сегодня по нашему центральному телевидению. Замечателен этот доклад прежде всего вашим моральным правом говорить об этом так, как вы говорите, в отличие от большинства тех, кто говорит сегодня об этом по центральному телевидению, и в отличие от наличия или отсутствия тех, от чьего имени это все говорится. Мне кажется, что вот этот вопрос морального права является фундаментальным. У вас это право есть. Это право человека, жившего в те времена и последовательно говорившего то, что мы слышим сейчас, на протяжении всей вашей жизни. В том числе на протяжении более 15 лет существования нашего клуба. А вопрос, он, может, в чем-то перекликается с вопросом Вадима Михайловича. Просто я выскажусь эмоционально и немножко иначе. Дело в том, что, когда мы здесь 15 лет назад говорили то же самое, но это было неприлично и не могло прозвучать широко в стране, как бы не было вопроса о том, что мы встраиваемся в общий поток «Ура, вперед!»

Сегодня же, мне кажется, после вашего доклада естественно возникает вопрос: всерьез ли ведет Запад с нами эту холодную войну? Но более фундаментальный вопрос: всерьез ли наша нынешняя власть отвечает на эту холодную войну? Я переформулирую чуть-чуть иначе. Вот вы, человек с вашим опытом, вы всю жизнь в той или иной мере были включены в механизм государственного управления, который был в советской системе. В конечном счете партийный механизм коммунистической партии был механизмом идеологии управления всем государством. Вот в нынешнем — и моральном и институциональном состоянии чем наша страна может и должна отвечать на эту новую холодную войну? Спасибо.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Знаете, почему я и сказал, что надо поговорить об истории холодной войны? Чтобы обратить внимание на те моменты, на которые советское руководство не обращало внимания. Оно не воспринимало холодную войну как настоящую войну. Власти верили в то, что все автоматически произойдет в пользу Советского

Союза. Они не воспринимали информационную войну как задачу завоевания противником сознания населения СССР на свою сторону. Почему противнику удалось развалить страну? Потому что наш враг десятилетие за десятилетием последовательно бил в одну точку. Хочется думать, что какие-то уроки из истории холодной войны того этапа извлечены нашими властями. Хотя я знаю, что история учит тому, что ничему не учит. Но все-таки какие-то уроки должны быть выучены нынешними органами государственной власти. Надо понимать, что происходит на самом деле. Ситуация очень сложная. Согласно Конституции РФ в стране не может быть единой государственной идеологии. Хотя на самом деле такая идеология есть: уже 25 лет в России реализуется идеология либерализма. Как действовать в этой ситуации? Говорят: «Надо опираться на патриотизм».

Мы недавно беседовали с представителями администрации президента. Говорили о воспитании молодежи. Впервые. Об этом, кстати, говорится в новой Военной доктрине России. Впервые сказано, что надо противостоять нападкам на традиционные российские ценности. Надо противостоять. А каким образом? Буквально на днях распоряжением премьер-министра РФ принята Стратегия воспитания. Мы ее внимательно изучили. В конце концов получилось нечто приемлемое. А поначалу это была какая-то чушь. Я направлял на этот счет не одну записку в Госдуму, Совет Федерации, Президенту, выступал в прессе.

Буквально за две недели до выхода в свет этой Стратегии я выступал на Экспертном совете при Комитете Совета Федерации по образованию и науке, раздолбал ее проект в пух и прах. Но когда Стратегия была опубликована, я увидел в ней почти все из того, что хотел видеть. В основе своей это хороший документ. Теперь надо спешно наладить работу по его реализации.

Еще в декабре 2012 г. я имел возможность недолгого разговора с В. В. Путиным, когда Закон «Об образовании в Российской Федерации» еще не был принят. Я сказал: «Владимир Владимирович, это не закон об образовании, это закон об обучении!» Он удивился: «Как?» Я говорю: «Потому что там есть определение образования как “единого целенаправленного

процесса воспитания и обучения”, есть понятие обучения как целенаправленного процесса, есть понятие воспитания, но ни о какой целенаправленности здесь уже не говорится. Нет системы аккредитационного показателя “воспитание” и критериев, по которым оценивается воспитательная деятельность школ, вузов, средних профессиональных и высших образовательных организаций. Иначе говоря, из образования изъята одна из двух и очень важная компонента — воспитание. Из 111 статей Закона “Об образовании в Российской Федерации” нет ни одной статьи о воспитании». И до сих пор нет, хотя в новый закон внесено уже много поправок. Между тем Стратегия не равнозначна закону. Я говорил об этом с замминистра Минобрнауки Кагановым, с руководителем Рособнадзора Кравцовым, с председателем Комитета Госдумы по образованию Никоновым. Все твердят одно и то же: «Было бы неплохо сделать это, но это очень сложно». Действительно сложно. Но надо захотеть для начала сделать это, и невозможное станет возможным.

А ведь ситуация-то страшная в молодежной среде! 1 млн проституток — в два с половиной раза больше, чем в 2000 г. Это официальные данные. 2,5 млн наркоманов, 18 млн наркозависимых (ну это в общем населении), 5 тыс. человек умирают от наркомании каждый месяц. Вот вам новая социально-политическая система, новое государство, новое общество, новая Россия...

ОВЧИНСКИЙ В. С.
Вопрос можно еще?

ИЛЬИНСКИЙ И. М.
Да.

ОВЧИНСКИЙ В. С.

Игорь Михайлович, я опять, в продолжение тех же вопросов, которые профессор Межуев и профессор Болдырев задали. Мы, когда говорим о холодной войне... Холодная война, любая война — это защита чего-то. Мы что сейчас защищаем? Какие контуры нашего государства мы защищаем? Новороссию

мы защищаем или уже не защищаем? Мы Крым будем защищать или уже не будем защищать? Мы Приднестровье еще защищаем или не защищаем? Мы Курилы защищаем или уже потихоньку не защищаем? Мы острова спорные с китайцами защищаем или уже все, что можно, отдали?

Второе. Элиты общества. Мы будем продолжать увеличивать разрыв между элитой и обществом, когда узкая элитарная часть владеет почти всеми нашими национальными богатствами, распоряжается ими, а общество пользуется крохами, и с каждым годом эти крохи уменьшаются? Мы что вообще делаем? Мы технологии развиваем или мы технологически остаемся зависимыми? Даже в условиях санкционных ограничений мы собираемся развивать технологии? Мы строим настоящие технополисы? Мы создаем хотя бы «шарашки», которые при Берии создавали, или это не создается? Мы когда-нибудь признаемся себе в том, что мы не сделали самое главное после войны? Мы можем ругать Хрущева, мы можем ругать Брежнева, но мы должны определить претензию и к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Почему не была дефашизация проведена в стране, люстрации для тех подонков, которые оказывали содействие оккупационным немецким войскам? Почему не была искоренена бандеровщина? Почему не были искоренены эсесовцы в Латвии и Литве? Почему еще до 70–80-х годов схроны с оружием, с танками, со всем стояли нетронутыми? Кто это допустил?

Мы говорим о том, что строим общество. Мы должны признать исторические наши ошибки или нет? Мы до сих пор считаем Берию врагом народа, ругаем всех подряд, о нем не вспоминаем и не признаем того, что весь план китайцы по созданию своего общества создали благодаря плану, который Лаврентий Павлович разработал. Полностью на всех этих наработках!

Мы когда-нибудь вообще будем правду говорить о нашей истории, о том, что мы защищаем и куда мы движемся? Мы для кого сейчас ведем войну на Украине, для кого наших ребят кладем тысячами? Ради того, чтобы опять одни олигархи с другими распилили имущество? И что, холодная война в этом заключается? Это и есть новый тип холодной войны?

Поэтому, если мы не ответим как-то, хотя бы не обозначим эти вопросы, мы все время будем плестись в хвосте событий и гордиться тем, что вот мы сейчас говорим правду, а раньше мы этого не могли сказать, говорили только на кухне. Мы должны говорить правду. Вот сидит представитель Донецкой республики. Он знает свою судьбу? Он не знает свою судьбу. Его завтра отдадут фашистам на растерзание, и они повесят его, и еще неизвестно, что с его семьей будет и с другими.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Владимир Семенович, я бы назвал ваш эмоциональный душевный выброс не «вопросом», а выступлением в вопросительной форме. На некоторые вопросы вы сами же и ответили.

Будем ли мы защищать Крым? Уверен: если Украина начнет войну, то получит по зубам. О Приднестровье — тем или иным путем тоже будем защищать. Курилы? Не знаю. Спорные с Китаем острова? В нынешней ситуации превращать стратегического партнера в противника было бы глупо. Вообще-то заданные вами вопросы, по-моему, не по адресу. Я — президент Русского интеллектуального клуба, но не президент России. Может, вы на очередном выступлении по телевидению зададите их Владимиру Владимировичу Путину: вопросы войны и мира — в его компетенции.

Вы знаете, что меня совершенно вывело из себя больше, чем все телевизионные дискуссии? Я прочитал 27 мая в «Независимой газете» статью моего давнего знакомого, одного из активнейших агентов влияния Александра Ципко. Его статья называется «Коммунизм и человеколюбие несовместимы». В ней он как бы полемизирует с Владиславом Иноземцевым. Почитайте последовавшие публикации «Независимой газеты». Оказывается, все на Украине правильно делают: и уравнили социализм с нацизмом, и запретили символику советскую, и сносят памятники, и всё-всё-всё правильно. А России, говорят они, это предстоит сделать. «Решение, от которого не уйти» — это название статьи Иноземцева. Но и этого мало для Ципко. Иноземцев говорит о том, что Маркс, социалисты-утописты, теоретики и творцы

теорий не виноваты перед историей. Виноваты те, кто реализовывал их идеи. Маркс — не преступник, а Ленин — преступник, Сталин — тем более. Иноземцев говорит о том, что советский период нужно вычеркнуть из истории. Как это сделать, я, честно говоря, не представляю, потому что «время» — это категория не только социальная и политическая, но и физическая. Как это сделать?

Хочу сказать кое-что по поводу выступления Владимира Семеновича Овчинского.

В вашем выступлении, Владимир Семенович, я уловил странную для меня ноту в словах «мы **можем** ругать Хрущева, мы **можем** ругать Брежнева, но мы **должны** предъявить **претензию** и к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Почему не была проведена в стране дефашизация, люстрация для тех, кто сотрудничал с немцами? Почему не была искоренена бандеровщина? Почему не были искоренены эсэсовцы в Латвии и Литве? Почему еще до 70–80-х годов в этих странах были схроны с оружием? Кто это допустил?» Кажется, я успел правильно зафиксировать ваши слова на бумаге.

Вы тут, мне кажется, кое-что передергиваете. Коротко скажу. Сначала о Сталине. Под руководством Главнокомандующего Красной армией Сталина была разгромлена нацистская Германия и фашистские войска его союзников. Нацизм и фашизм, как идеологии, — вещи разные. СССР, его армия и флот, под руководством Сталина повергли в прах и фашизм (его отец — Муссолини), и нацизм (его «теоретики» — Розенберг, Гитлер и др.). Это первое. По-моему, это самый главный момент в дефашизации не только СССР, но и всего мира.

Второе. В канун и в ходе войны под руководством начальником Сталина в дальние края были переселены целые народы. Вы знаете, почему это было сделано: многие представители воювали против СССР на стороне Гитлера. В моей книге «Великая Отечественная: правда против мифов» в главе «Правда о «цене» Победы» названы цифры предателей. Их было более 500 тыс. человек разных национальностей СССР. Книгу вам всем вручили, почитайте. Сейчас на эту тему можно много рассуждать, лить

слезы, проклинать Сталина, пострадавших надо понять. Но тогда шла война, и ее надо было выигрывать. Совершались и ошибки. Но, по-вашему, Сталин должен был действовать еще жестче и в годы войны, и после нее. Я не берусь рассуждать на эту тему с позиций сегодняшнего дня.

Третье. Вы прекрасно знаете, что после войны по стране прокатилась новая волна репрессий. Арестованы или казнены сотни тысяч людей. Порой — невинных. Но в основном это были пособники гитлеровцев. Велась дефашизация и выкорчевывание бывших предателей на Украине, в Прибалтике, других республиках. Много крови было пролито. Вы думаете, надо было продолжать?.. Надо было еще и страну восстанавливать, и народ умиротворять, успокаивать...

Вы правы в том, что нацизм и фашизм — идеологии живучие. В середине 60-х годов я работал в аппарате ЦК комсомола. По служебным делам бывал на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии. Даже среди молодых людей я встречал ненавистников СССР и русских. Это поражало меня. Но я думал: пройдет еще 30–40 лет, националисты и фашиствующие старики повымрут, а молодежь остепенится. Национализм в его крайних формах (нацизм) карался в партийных, государственных и комсомольских органах. Кстати, таких людей было абсолютное меньшинство. Масса населения на Украине и в Прибалтике была вполне лояльна к советской власти. Эти республики постепенно русифицировались. Края-то благодатные!

Четвертое. Кто начал возвращать переселенные народы на их ставшие для многих уже неродными земли? Из литературы по этому вопросу я узнал, что многие не хотели возвращаться. Они уже обжились в новых местах и жили совсем неплохо. Великое и необдуманное переселение начал Хрущев, а продолжил Брежнев.

Помню одну из своих командировок на Западную Украину. В первом отделе ЦК мне дали телефон работника КГБ на Лубянке. Мы встретились. Майор обрисовал мне общую картину в Львовской области, куда я ехал, и заключил разговор словами: «Будьте осторожны». Дал телефон работника КГБ Львовской

области: «Обязательно встретьтесь с ним». Приехал во Львов, встретился с этим человеком. Он сообщил, что из дальних краев во Львовскую область (из ссылки) вернулось 20 тыс. бандеровцев. Рассказал про схроны с оружием, об охоте бандеровцев на партийных, государственных и комсомольских работников. Были уже убитые. «Будьте крайне осторожны. Грохнуть работника ЦК комсомола — милое дело для этих мерзавцев», — завершил он нашу беседу. Меня не убили и не ранили, но за несколько дней я наслушался много жутких историй... Это было в 1969 г.

У меня нет претензий к Сталину по этому поводу, хоть его тоже можно винить, но куда уж дальше-то? Мои претензии — к Хрущеву, Брежневу и особенно — к Горбачеву и Ельцину. «Джинн национализма», местами перерастающий в нацизм и фашизм, был выпущен из бутылки ими.

Очень многому, что происходит сегодня на наших глазах, нам надо противостоять. И я понимаю так, что, если война идет, если она фактически объявлена, значит, Россия должна иметь стратегию противодействия. Новая Стратегия национальной безопасности США — это же не бумажка, это документ. Если нам объявлена война, а мы говорим «войны нет» — это заведомый проигрыш. А вот как поступать в этой ситуации, что делать, давайте вместе рассуждать. Мне кажется, что вы слишком много от меня хотите. Вопросы, вопросы... Я подготовил доклад. И дело не только в моем моральном праве говорить *то* и *так*, как я думаю, как об этом сказал Юрий Юрьевич Болдырев. Я всегда — и в советские времена говорил так, как думаю, хотя большинство держали «фигу» в кармане. При этом я никогда ни на йоту не был диссидентом — противником существовавшего строя. Я говорил о проблемах и мерах, которые нужно предпринять, чтобы дела в стране пошли лучше. И кое-что сделал! Я остаюсь на этой позиции и сейчас. Так что спасибо за вопросы. Довольно. Прошу высказываться.

ФУРСОВ А. И.

Игорь Михайлович, спасибо за очень интересный доклад, который стимулирует мысль. Вот я хочу поделиться мыслями, ко-

торые ваш доклад вызвал у меня. В качестве эпитафии к докладу я хочу привести такую вещь. У нас понятие «холодная война» до сих пор пишется в кавычках и с маленькой буквы. На Западе холодная война всегда писалась с большой буквы и без кавычек. Это было принципиальное различие отношения верхов Советского Союза и Запада к холодной войне. У нас говорили: «Самое главное, чтобы не было войны», подразумевая, чтобы не было горячей войны. Для них война горячая и холодная были в этом отношении равны. Если говорить о холодной войне, нужно различать холодную войну в широком смысле и узком, конкретно-историческом смысле.

В широком смысле холодная война — это любое формальное мирное противостояние геополитическое, геоэкономическое, психоисторическое, т. е. только не горячая. И в этом плане холодная война ведется практически всю историю. В узком, конкретно-историческом смысле холодная война — это противостояние двух принципиально разных систем с разными идеологиями, и такая война действительно имела место тогда, когда существовал Советский Союз. В 1991 г. холодная война в узком смысле слова закончилась, потому что закончилось противостояние идеологий и систем. В Российской Федерации стали строить убудочный, бандитский капитализм на основе либеральной идеологии. В этом смысле мы действительно, как здесь цитировали Горбачева в исполнении Игоря Михайловича, действительно стали органической частью мира, которая все больше превращается в помойку. То, что имеет место сейчас в отношениях Российской Федерации и Запада, — это возвращение к холодной войне в широком смысле слова. Ну, например, каким было противостояние между Британской империей и Российской империей в различных частях мира, например в Центральной Азии.

Проблема заключается вот в чем: если ты противостояешь более сильному в военном и экономическом отношении противнику и играешь, а других противоречий вроде бы нет, то ты должен противопоставить противнику серьезную альтернативную программу в социальной и духовной сфере, причем сделать это ты

должен в мировом масштабе. Именно это, кстати, и было в СССР до 60-х годов, когда речь шла о принципиально иной программе социально-экономического мирового устройства.

А затем началась эрозия, и трудно даже сказать, что было более страшным ударом по советскому обществу: доклад Хрущева на XX съезде КПСС или то изменение, которое было внесено в Программу КПСС при том же Хрущеве в 1961 г. на XXII съезде КПСС, когда было записано, что одна из главных задач коммунистической партии Советского Союза — это максимальное удовлетворение растущих материальных потребностей советских граждан. То есть была сделана заявка на создание в СССР общества массового потребления. Это при том, что возможностей таких в условиях противостояния с Западом не было. Но такой шаг был сделан.

Но потом ситуация стала меняться: СССР начал интегрироваться в мировой рынок, прежде всего по линии «нефть — газ». Номенклатура стала превращаться из слоя в себе в слой для себя, в квазикласс. И я хочу еще раз обратить внимание на то, в чем была принципиальная слабость системного антикапитализма вообще и в холодной войне в частности. Дело в том, что у системного антикапитализма, которым являлся Советский Союз, как и у капитализма, была материально-техническая база.

Была ли у Советского Союза возможность прорваться на новый уровень материально-технического развития? Да, была. На рубеже 60–70-х годов прошлого века целый ряд выдающихся советских ученых (назову только две фамилии: Филимоненко и Глушков) создали научную основу для прорыва на совершенно другой производственный уровень. Очень показательны то, что травить этих ученых стали наша номенклатура и ее советники, которые были повернуты в сторону Запада, типа старшего Арбатова. Опасность со стороны академика Глушкова и его коллег быстро поняли как сторонники капиталистической системы в СССР, так и на самом Западе.

Журнал Time опубликовал специальную статью, чтобы пугнуть нашу номенклатуру, которая называлась «Академик Глушков хочет заменить Политбюро кибернетической системой». Работы

Глушкова, Филимоненко и других могли реально превратить системный антикапитализм в посткапитализм, но это не отвечало интересам значительной части советской номенклатуры, ну и, естественно, интересам верхушки мирового капиталистического класса. Эта попытка была пресечена, и дальше все пошло по той линии, которая привела к горбачевщине.

Ведь что такое горбачевщина? Это превращение структурного кризиса в системный. Когда система находится в состоянии структурного кризиса, очень легко этот кризис внешним воздействием превратить в системный, потому что при структурном кризисе ослабевают защитные функции системы.

В нынешней ситуации возврат к прежнему состоянию отношений России с Западом, как это было в ельцинский период и в начале «нулевых» годов, невозможен. Сирийский и украинский кризисы — это точка невозврата. Возможны только два варианта: либо дальнейшее ослабление России и ее распад, либо превращение России сначала в региональную державу.

Но здесь встает та проблема, которая обозначена у нас в качестве одного из пунктов: это проблемы «пятой колонны». Вообще вопрос «пятой колонны» значительно более сложный. Это не просто вербовка важных людей, которые когда-то сработали в интересах Запада. У «пятой колонны» есть серьезные социально-экономическая и политически-экономическая основы. В советское время это были базовые противоречия советского общества, которые порождали «пятую колонну» в определенной части самой номенклатуры, заинтересованной в интеграции в мировую систему.

И я хочу напомнить, что уже в 70-е годы возник целый ряд явлений, даже в сфере культуры, которые фиксировали появление этого слоя: блатные антисоветские песни Высоцкого, театр на Таганке, целый ряд других явлений. Если говорить о нынешней ситуации, то у «пятой колонны» (не только в СМИ, в шоу-бизнесе) тоже есть политико-экономическая основа. Дело в том, что с точки зрения структуры правящих групп постсоветской России можно выделить две группы, я их условно называю «приказчики» и «контролеры».

Приказчики — это те люди, которые готовы сдать свою страну транснациональным корпорациям и выступать при них в качестве приказчиков. Вообще это наивные люди, потому что, если в Россию придут транснациональные корпорации, этих людей вышибут в два счета из-за их некомпетентности. Я хочу напомнить, что написала одна из немецких газет о Германе Грефе: «Этого человека не возьмут бухгалтером даже на мыловаренную фабрику». Здесь будут просто другие люди.

И вторая группа: это «контролеры», т. е. люди, которые живут по принципу «медведь свою тайгу не отдаст». Это хороший принцип, но дело в том, что у «приказчиков» нет внутренних противоречий. Они сторонники либеральных реформ в экономике и сторонники мировой интеграции. А вот «контролеры» не хотят ложиться под транснациональные корпорации, более того — тот бизнес, который они развивают, предполагает укрепление суверенитета и экспансии. Но если ты противостояшь «приказчикам» и их хозяевам, ты должен иметь поддержку населения. А как ты можешь иметь поддержку населения, если ты проводишь непопулярные экономические реформы? И это базовое противоречие «контролеров», которое делает их очень уязвимыми.

Какие задачи стоят перед научным сообществом в этой ситуации, что могут сделать ученые?

Прежде всего, нам нужно очень хорошо понимать, что такое капиталистическая система, потому что капитализм, по крайней мере в нашей стране, не изучают с середины 50-х годов. Сначала мы изучали его сами, потом мы начали переписывать то, что пишут западные коммунисты и социалисты, потом пришло время такой неолиберальной шантрапы, как Хайек и Поппер. Этот период был объявлен пиком интеллектуального развития. Иными словами, нам нужно изучать систему капитализма, причем особое внимание уделять двум базовым вопросам: прежде всего — это второй контур власти, это наднациональные структуры согласования и управления. Потому что противостоят нам не отдельные государства (Великобритания, США и др.). Более того, США после ползучего переворота, который начался с убийства Кеннеди

и импичмента Никсона... США — это вообще не столько государство, сколько кластер транснациональных корпораций. Это нужно очень хорошо представлять.

И второе, нужно изучать и знать слабые места капитализма. Нельзя победить противника, если ты только обороняешься. Бить противника нужно на его территории, т. е. действовать по-сталински.

Еще один момент: нам нужно наконец всерьез заняться изучением системного антикапитализма. Чем был СССР?.. В Китае есть огромный институт, который изучает опыт СССР на предмет того, как бы им не развалиться. У нас опыт СССР не только не изучается, но это вообще закрытая, перевернутая страница. Я не говорю про проходимцев типа Иноземцева, которые говорят, что нужно стереть этот период. Стереть этот период невозможно. Вообще его никто не сможет стереть, ни Иноземцев, ни Горбачев, ни американцы. В истории вообще ничего нельзя стереть, даже если ты поливаешь что-то «чернухой», все равно правда рано или поздно вылезает. Так вот, нам нужно очень хорошо понять этот момент нашей истории. Чем это было? Что мы делали не так? Почему провалился системный антикапитализм, почему он не превратился в реальный посткапитализм?

Третье. Нам необходимо изучать историю холодной войны. Несколько лет назад в Израиле я купил огромный двухтомник по истории холодной войны. Там очень подробно излагалась история холодной войны. Очень показательной была последняя фраза этого двухтомника (он издан в 60-м году): «Вот поэтому Запад проиграл холодную войну Советскому Союзу». То есть на 60-й год на Западе люди воспринимали ситуацию как проигрыш холодной войны Западу Советскому Союзу. И действительно, тогда Советский Союз был на подъеме. Здесь очень важное значение имеет такой фронт холодной войны, как психохисторическая война. Термин введен Айзеком Азимовым в фантастическом романе «Foundation», у нас он переведен как «Академия». Этот роман является обязательным к изучению в академии Вест-Пойнт с 1954 г.

И в том, что на Западе очень серьезно относятся ко всем этим аспектам, я убедился буквально десять дней назад, когда я ездил в Совет Европы в Страсбург. Там проводилась вторая конференция «Молодежь и память о Второй мировой войне». У меня было три дня, я давно не участвовал в такой жесткой информационной войне с людьми по такому поводу, как «что такое память о Второй мировой войне». Программа, которая была предложена и которую мы с моими коллегами, как могли, ломали и в значительной степени поломали повестку дня, программа эта была очень простая. Вопрос первый: война — это трагедия? Ну конечно, трагедия. И тут же вам говорят: а раз трагедия, значит, нет победителей, есть только побежденные. То есть, русские, забудьте о своей победе.

Вторая вещь — это мультиперспективный подход, который заключается в том, что есть правда у всех, кто участвовал во Второй мировой войне. У всех есть своя правда! Ну это очень легко отбить. К сожалению, я этот тезис отбил в кулуарах — поторопился, надо было, конечно, по принципу засадного полка: потом действовать, но я не утерпел. И у той женщины из Румынии, по-моему, которая с пеной у рта это доказывала, я спросил: «Это универсальный подход?» Она сказала «Да, это универсальный подход». Я сказал: «Ну, вы только что встали на сторону тех, кто отрицает холокост, потому что, по вашей логике, у эсесовцев, которые гнали евреев в газовые камеры, у них есть своя правда». Тут наступил ступор, потому что за такие вещи на Западе наказывают. И она сказала: «Нет-нет-нет, это не универсальный подход». Ну раз подход не универсальный, мы в эту брешь стали бить очень активно.

Далее. Помимо мультиперспективного подхода существует традиционный взгляд: в войне виноваты оба тоталитарных режима. Мы с ними долго беседовали по поводу того, что такое тоталитаризм. Но дело в том, что доказать этим людям ничего нельзя — у них задача другая. Они солдаты и офицеры холодной войны, их задача заключается в другом: не давать навязывать себе чужие идеи и взгляды, а продвигать свою повестку дня. Здесь никаких других вариантов быть не может. И вот что делали люди из Совета Европы...

Как вы думаете, в чем состоит, по их мнению, главная проблема Второй мировой войны? Она, оказывается, не в финансовых интересах определенных групп, а в том, что некто Адольф Алоисевич Гитлер решил реализовать свои расистские взгляды. И главное в памяти о той войне — это ксенофобия. Ксенофобия. Потому что — кто главные жертвы войны? Естественно, это евреи, естественно, цыгане, гомосексуалисты, а теперь еще ислам и мусульмане. Когда я спросил: а кто же притеснял мусульман в Третьем рейхе? Известно ведь, что Третий рейх ставил на мусульманский фактор в борьбе с Британской империей. Ответить на мой вопрос никто так и не смог... В чем, на их взгляд, главная трагедия Второй мировой войны? Это массовое нарушение прав человека.

Вот по этим пяти пунктам у нас развернулись очень серьезные споры. Как действовала противоположная команда? Они не обращают внимания ни на какие аргументы, долбят свое. То есть психоисторическая война как элемент холодной войны продолжается, и здесь нет мелочей, здесь нельзя уступать ни миллиметра. Здесь нет мелочей.

Вот это и есть тот вклад, который могут внести ученые и исследователи. Мы живем в сетевом обществе, а в сетевом обществе нет границ между войной и миром, и нет границы между холодной и горячей войной. А это значит, что у мира уже совершенно другая перспектива. То есть, грубо говоря, любая научная структура, любая обучающая структура, любая образовательная структура — это субъект сетевой войны, нравится это кому-то или нет. Наш противник, или, называя вещи своими именами, наш враг, это прекрасно понимает. И вот когда Иноземцев, Ципко и им подобные пишут такие статьи, о которых только что говорил Игорь Михайлович, они выступают как агенты сетевой войны с враждебной нам стороны. И относиться к таким людям нужно по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе.

КОЛИН К. К.

Игорь Михайлович, спасибо за содержательный и подробный доклад. В повестке нашего сегодняшнего заседания в числе вопросов для обсуждения есть вопрос «Информационная война

как форма холодной войны». Я хочу сказать об этом несколько слов, навеянных вопросом, который задал Юрий Юрьевич Болдырев: насколько серьезно мы собираемся реагировать на эту ситуацию? Обратите внимание: с 4 декабря, когда Конгресс США принял этот закон, прошло полгода. Ну а что сделано в России? Мы знаем, что в декабре были утверждены два документа. Были утверждены основы культурной и государственной политики России, которые обсуждались целый год. Хороший или плохой документ, но он утвержден. Тем не менее смотрите: полгода прошло, а стратегии реализации этих Основ нет.

Второй момент. Была оперативно принята новая Военная доктрина России, в которой впервые отмечены гуманитарные аспекты, в том числе связанные с информационной войной.

Но в стране до сих пор нет Стратегии информационной безопасности! В России уже пятнадцать лет существует неплохой документ — Доктрина информационной безопасности. Там пора уже кое-что корректировать. Я уже пять лет пишу материалы для Российской академии наук, которые представляют Президенту России меры по укреплению национальной безопасности страны. Я говорю в своих записках, что нужна Стратегия информационной безопасности России, так как в Стратегии национальной безопасности России практически нет информационных компонентов. Нужен отдельный документ. Но этого документа нет. Доктрина — это концептуальный документ, а где стратегия? Где конкретные задачи, которые необходимо осуществлять?

Мало того, обратите внимание: в стране нет органа, которому было бы поручено руководить этим процессом. Какое министерство было первым создано на Украине по совету «американского обкома»? Министерство информации. А где наше министерство информации? У нас есть Министерство связи, которое занимается, фигурально говоря, проводами.

Во втором номере журнала «Стратегические приоритеты» опубликована моя статья совместно с академиком Лиховцевым о наступательно-информационной стратегии России. Мы все время оправдываемся, выжидаем, а нам нужно наступать, в том

числе наступать внутри страны. В первую очередь должна быть информационная политика внутри страны. Вовне тоже, но внутри — прежде всего.

Вот сейчас Дума уйдет в отпуск, ни тот, ни другой документ уже не будет принят до конца года. Значит, 2015 г. мы теряем. Мне кажется, что кроме таких глобальных вопросов, о которых говорил Андрей Ильич Фурсов, нужно думать и о локальных проблемах. В этом ключевая задача, об этом нужно говорить. И та статья, которая нами написана, она как раз о том, что нужно делать. Мы теряем время, а игра идет по-крупному.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Спасибо. Понимаете, американцы и в прежние времена, в той, проигранной войне, и сегодня используют один и тот же прием: они очень сильно врут. Они представляют все события, которые происходят вокруг России, в совершенно другом свете. Они дурят свой и наш народ страшным образом.

В давнем 1976 г. у меня был сюжет с Яковлевым, когда он был послом СССР в Канаде. Я тогда заканчивал обучение в Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР, приехал на преддипломную практику в Оттаву. Перед поездкой в Центральном комитете партии, в отделе пропаганды меня попросили ненавязчиво сказать Александру Николаевичу о том, что Посольство СССР в Канаде плохо пропагандирует советский образ жизни. Я слушатель, а Яковлев — посол, исполнявший до назначения послом в течение восьми лет обязанности заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Это большая фигура. Поэтому этот разговор «о советском образе жизни» я не сразу завел. А когда сообщил ему то, о чем меня просили сказать в ЦК партии, надо было видеть, как взбесился Яковлев, как он кандыбал по своему кабинету (ведь он был хромым) и буквально орал. Его ор был чистойшей антисоветчиной. Он кричал: «Какой это такой советский образ жизни? Кому? Про что? Про кого я должен говорить? Про Ростроповича с Вишневецкой? Про Солженицына? Про беглых разведчиков?.. Мне шлют какие-то материалы из АПН, мы их раздаем, кому можем, а потом видим эту макулатуру на помойках».

Вот вы, Константин Константинович, говорите об информационной, пропагандистской работе с нашим народом. Правильно говорите. Конечно, со своим народом надо работать, чтобы люди различали ложь, которую несут с той стороны, и правду жизни. Надо правдиво, честно рассказывать и о «забуторной» жизни, политике, и о ситуации в нашей стране. Но главное — делать жизнь лучше. Самая лучшая внутренняя пропаганда: изменять жизнь людей к лучшему.

ОВЧИНСКИЙ В. С.

У меня реплика.

Игорь Михайлович, дело в не том, кто больше врет — они или мы. Дело в том, что уровень документов, которые готовит наш стратегический противник — Соединенные Штаты и наш друг — Китай, порядком выше наших российских документов, что их нельзя даже сравнивать.

Вот только что, 26 апреля, министр обороны США презентовал новую Стратегию кибербезопасности. Американцы сразу же вывесили на сайт. Сорок пять страниц. Я спрашиваю в министерстве обороны: «Вы перевели эту Стратегию на русский?» — «Нет». В ФСБ: «Перевели?» — «Нет». В Совете безопасности: «Перевели?» — «Нет». Я собрал группу ребят, мы за три дня перевели Стратегию и разослали во все ведомства, в том числе и в нашу группу в ООН.

В этом блестящем документе расписано все: что делать, как вести информационную войну, как вести кибервойну вплоть до поражения объекта, где брать ресурсы, как восстанавливать. Почему наши ведомства над этим вообще не работают? Или это вспомнят через пять лет? Вот о чем речь.

Мы все время опаздываем в элементарных вопросах. Посмотрите, какого ублюдочного вида подготовлен проект Стратегии кибербезопасности в нашем Совете Федерации! А ведь он готовился несколько лет. И смотрите, что американцы сделали...

Мы сейчас собрали и перевели 14 американских стратегий, изданных в 2014–2015 гг., перевели на свои средства, и скоро выйдет книга объемом в 400 страниц. Там все — войны робо-

тов, войны в условиях города, асимметричные войны, гибридные войны — все! Этим стратегий нет, опять же, повторяю, ни в Академии Генштаба, ни в ФСБ, ни в Совете безопасности, ни в одном из наших специальных ведомств. Все сделано нами по своей инициативе. Так государство не должно работать! Так мы никакую холодную войну не выиграем, и никогда мы противника не опередим. В этом вопрос.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Что тут можно сказать? Молодцы! Спасибо. Так и должны мы действовать. Государство — государством, чиновники — чиновниками, но кроме них есть еще общество, есть граждане. Это — и мы с вами. В государственных структурах много посредственностей. У «серых» своя игра. Ведь главный принцип подбора кадров на более или менее ответственные должности в госструктуры ныне, к сожалению, это принцип «свой — чужой», «наш — не наш». И это тоже не случайно, вполне объяснимо. Ситуация в обществе сложная, оно расколото, атомизировано. Вспомним о «пятой колонне»... Управлять таким обществом крайне сложно.

Пожалуйста, Петр Федорович Алёшкин, Ваше слово.

АЛЁШКИН П. Ф.

Я хотел сказать несколько слов о самой уязвимой части нашего общества в холодной войне — о молодежи. Здесь уже начали об этом говорить, но я хочу сказать о молодежи не легкой, которую Игорь Михайлович упомянул. Кстати, у вас сведения о том, сколько у нас наркоманов, пятилетней давности. Дело в том, что недавно наш главный нарколог другие цифры назвал: в стране уже более 7 млн официально зарегистрированных наркоманов, а не 2,5 млн.

Я хотел бы сказать о молодежи думающей — о той молодежи, которая ищет свое место в жизни, пытается разобраться в том, что происходит в этом мире. Ей — этой молодежи — сейчас чрезвычайно сложно. Дело в том, что на прошлом этапе холодной войны, когда мы были молодыми, за наши умы боролись

иностранные средства массовой информации, в основном радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Би-би-си» и другие. А сейчас есть еще Интернет — мощнейшее оружие и наши «родные» средства массовой информации, такие как телеканал «Дождь», радиостанция «Эхо Москвы», «Новая газета». Эти СМИ очень активно работают на стороне наших противников, завоевывая умы нашей молодежи. Эти цифры, возможно, вы не знаете: молодых подписчиков у телеканала «Дождь» 700 тыс. человек, тогда как у Первого канала — всего лишь 500 тыс. То есть они выигрывают в этом отношении. Как писали в своих мемуарах немецкие военачальники, одной из важнейших причин поражения фашистов в войне было то, что они не смогли только в нашей стране создать «пятую колонну». А у нас сейчас она активно создается.

Совсем недавно Госдеп США собирал руководителей голливудских фирм, для того чтобы они в своих фильмах более активно вели информационную войну именно против России. Это понятно. Но почему наши руководители в Министерстве культуры приобретают и показывают в прокате фильмы, где русские показаны отъявленными мерзавцами, негодьями, — это вопрос. Я могу назвать вам несколько таких фильмов. Самый последний прошел два-три месяца назад: «Великий уравнитель». Там главный негодяй — Пушкин. Фильм поставлен так хорошо, что зрителю все время хочется, чтобы побыстрее этих русских уничтожили. И вот, наконец, простой негр приезжает в Москву и в квартире с видом на Кремль «мочит» в сортире Пушкина. И зритель радостно вздыхает: наконец-то Пушкина уничтожили. Такие фильмы воздействуют на умы молодежи. Более того, существуют подобные фильмы, созданные в России. И это при том, что есть много хороших сценариев, есть сценарии, в которых показаны активные молодые герои, но эти кинопроекты не финансируются. А финансируются, наоборот, фильмы безнравственные.

Вот прошел телесериал «Молодая гвардия». Молодые люди, которым сейчас 15–17 лет, смотрели фильм под таким названием впервые. Теперь для них «Молодая гвардия» — это не патриоти-

чески настроенные молодые люди, это не герои, а какая-то группа бандитов. Оказывается, в ту пору молодые люди шли в полицию, служили немцам, а эти, бандитствующие, стали почему-то воевать с немцами.

Думаю, вы не знаете, что на бюджетные средства наши библиотеки выписывают американские и европейские молодежные журналы Ooops!, Yes!, Playboy, Hello! и т. д. Эти журналы тоже «воспитывают» нашу молодежь, тоже готовят «пятую колонну». А наши патриотические журналы, которых у нас тоже достаточно («Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва» и масса других), вы не найдете в большинстве каталогов наших библиотек.

Я бы не сказал, что сейчас не ведется работа с молодежью. Есть несколько разрозненных молодежных организаций, которые работают с молодежью, но никакой информации о том, что они делают, найти невозможно, помимо Интернета.

Мы в своем журнале «Наша молодежь» пытаемся рассказывать о самых активных, интересных молодежных мероприятиях, о молодых людях, которые патриотически настроены и талантливы, пытаются сделать что-то хорошее для страны.

Два слова скажу о тех организациях, которые у нас существуют. Ну это в первую очередь Росмолодежь — Агентство по делам молодежи. В основном оно занимается организацией молодежных форумов типа тех, что проводились на озере Селигер. Но и «Селигера» больше не будет. Сейчас молодежные организации работают больше в регионах.

Российский союз молодежи не занимается политикой, проводит несколько интересных, на мой взгляд, мероприятий и постоянно работает с молодежью по некоторым направлениям. Но об этом в средствах массовой информации тоже не говорится.

Руководство нашей страны почему-то не считает, что нужно создавать молодежные СМИ, молодежные журналы, молодежные газеты. Хотя в прежние времена только в издательстве «Молодая гвардия» было двадцать два молодежных журнала.

Есть в России и политические молодежные организации: это «Молодая гвардия» «Единой России» и молодежная организация КПРФ. Они тоже работают, но об их делах тоже можно прочитать лишь кое-где в Интернете.

Я считаю, что если работа с молодежью будет продолжаться на таком уровне, при все усиливающейся информационной войне, то мы неизбежно проиграем.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Спасибо. Дорогие друзья, по поводу «пятой колонны». Когда у Гитлера спросили, есть ли у него «пятая колонна» в Советском Союзе, он сказал: «В СССР у меня нет “пятой колонны” — Сталин ее расстрелял». Это по поводу законов военного времени и прифронтовой полосы, о чем говорил Андрей Ильич...

Сделаем небольшой перерыв. *(Перерыв)*

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Давайте продолжим работу. Слово Аверьянову Виталию Владимировичу.

АВЕРЬЯНОВ В. В.

Спасибо, Игорь Михайлович, за возможность сказать слово, и особенно большое спасибо за доклад, который, безусловно, для вас не случаен, потому что те публикации, по которым мы вас знаем, очень многие, и те, которые представлены в книгах, которые мы сегодня получили и которые прежде выходили в различных изданиях, говорят о том, что вы об этой теме говорите уже много лет, даже еще до того, как вроде бы она стала такой актуальной.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Не столь уж часто говорю и пишу, больше думаю.

АВЕРЬЯНОВ В. В.

Ну, иногда ваши мысли о холодной войне просачиваются в ваши другие тексты... Последние полтора года тема холодной войны стала обсуждаться широко и на Западе, и у нас. Вы знаете,

наверное, что Изборский клуб, одним из учредителей которого я являюсь, в прошлом году подготовил по этой теме целый цикл. Мы книгу сегодня принесли (она вышла недавно), а также пять номеров журнала «Изборский клуб», где представлены основные доклады и работы по этой теме. Желающие потом могут взять, посмотреть. Некоторые тезисы, которые я сейчас озвучу, они как раз из этих наших разработок.

Игорь Михайлович, я хочу сказать, что с вашим докладом, по существу, я согласен. Там есть, возможно, несколько элементов, которые можно было бы оспорить, но суть не в этом. Я просто хотел бы оттенить некоторые моменты, которые, может быть, недостаточно широко, развернуто прозвучали, и высказать несколько мыслей по поводу того, к чему призывать и что сейчас нужно делать.

Во-первых, я соглашусь, или, вернее, я являюсь сторонником расширительного подхода к понятию «холодная война», потому что Россия в своей истории сталкивалась с «квазихолодными» войнами уже давно, я думаю, не менее чем пять веков. Если говорить о каких-то ярких примерах квазихолодной войны, фактически репетициях тех событий, которые состоялись в XX в., то такими событиями являются те, которые предшествовали Крымской войне в XIX в. Тут есть аналогии прямые. После ликвидации европейского континентального диктатора — тогда это был Наполеон, а в XX в. — Гитлер, мощь которых сокрушена именно Россией, наступает период дипломатической, пропагандистской войны, причем Россия пытается противопоставить западному блоку идею гармонизации мира. Именно с такой идеей вступил Александр I в Священный союз. И сталинский проект устройства Европы, что бы о нем ни говорили сегодня либералы и критики Сталина, был чрезвычайно мягкий и дружелюбный. До 47-го года — об этом сейчас мало кто вспоминает и говорит — в Восточной Европе создавались отнюдь не коммунистические правительства, а правительства широких народных коалиций, которые вполне могли вписаться в этот новый проект объединенной Европы. Однако в ответ на эту позицию гармонизации Россия получила американскую модель «Сдерживания».

В XIX в. ползучее противостояние Запада привело к Крымской войне и к поражению России, что заставило российскую власть осознать свое одиночество в Европе. В XX в. «Сдерживание» превратилось во всеобъемлющую затяжную войну почти на полвека, Запад принял стратегию так называемой war for attrition — войны на истощение. Во многом он был вынужден это сделать, потому что Советский Союз сумел быстро создать ядерное оружие. Так просто в открытой войне победить его было уже невозможно.

Эти аналогии с XIX и XX вв. наиболее ярко — хотя можно приводить и многие другие примеры — говорят о том, что момент столкновения цивилизаций — он воспроизводит себя в истории. Иногда холодная война становится таким подводным течением международной политики, иногда она переходит в фазу горячей войны, иногда она долго держится, как в XX в., в режиме войны на истощение, но тем не менее эти аспекты присутствовали всегда.

Приведу еще два примера. Собственно, наибольших успехов в подрывной деятельности Запад достигал в отношении России не тогда, когда вел против нее открытые войны, а тогда, когда вел конспиративные формы войны. Например, убийство императора Павла. Как известно, руку к этому приложили англичане и некоторые другие участники заговора из-за границы. Или восстание декабристов, которое в значительной степени имело корни в транснациональной сети интеллектуалов того времени.

Собственно, начало холодной войны, той, классической, с которой связывают именно это название в XX в., не в последнюю очередь было обусловлено тем, что Трумэн и Черчилль не были склонны выполнять обещание Рузвельта, данное им в Ялте, — что Россия должна была получить огромные репарации от Западной Германии. Советский Союз не получил эти репарации, и, собственно говоря, именно в этом контексте формировалась холодная война. Не хочу сказать, что при живом Рузвельте она бы не началась. Наверное, началась бы, но началась бы она, во-первых, значительно позже и носила бы поначалу гораздо более мягкие формы, чем то, что произошло при Трумэне.

В значительной степени имело место некоторое ослепление со стороны англосаксонских элит, потому что они явно недо-

оценивали потенциал России. На тот момент они адекватно оценивали обескровленность Советского Союза в результате войны, но они недооценили политическую субъектность. Ответы оказались асимметричными, в значительной степени удачными. Это касается не только, скажем, создания обновленной военной системы, не только овладения ядерным оружием и не только успешного восстановления народного хозяйства, но и очень эффективных действий Советского Союза в странах третьего мира.

Одним из величайших успехов является победа в 1949 г. коммунистов в Китае. Собственно говоря, тогда это была победа Сталина. Хотя, как сегодня правильно говорил Владимир Семенович Овчинский, это в значительной степени был проект Лаврентия Павловича Берии. Тогда эта победа Советского Союза предопределила в значительной мере историю, продолжающуюся до наших дней, и сегодня этот самый возросший Китай, который тогда по замыслу западных стратегов должен был стать квазиколонией, превратился в самостоятельную державу, под прикрытием Советского Союза сумел укрепиться и начать свой рост. Сегодня этот рост успешно продемонстрирован всему миру, и, таким образом, несмотря на то что Советский Союз разрушен, вот этот итог и плод Второй мировой войны — он налицо. И ныне, может быть, Китай уже может выступить в качестве какого-то прикрытия для России, хотя каких-то больших иллюзий по этому поводу испытывать тоже не стоит.

Сегодня задавали вопросы по поводу позитивной повестки дня. Ну, конечно, смешивать эти две темы трудно — тему начинающейся холодной войны и тему образа будущего для страны и тех политических мер, которые к этому образу будущего могли бы нас вести. В значительной степени это мог быть какой-то отдельный доклад или группа докладов. Действительно, трудно это все смешать воедино. И потом, не стоит преувеличивать момент какой-то исключительности той исторической ситуации, в которой мы сейчас оказались. Ведь и накануне Крымской войны наше российское общество отнюдь не было столь уж консолидировано, и наша политическая элита тоже была далеко не едина. Но именно тогда эта война стала ударом по западничеству

в России. Кстати говоря, по официальному западничеству, которое практически господствовало. Эти иллюзии, связанные с гармонизирующей ролью России, в каком-то смысле сегодня повторяются. Поэтому вопрос, наверное, нужно ставить не так — как можно воевать в холодной войне, если вы не видите цели и вы защищаете олигархов, вы защищаете этот огромный раскол в обществе, который у нас существует. Скорее, вопрос нужно ставить таким образом, что холодная война — это некое повторяющееся явление, связанное с борьбой цивилизаций, которое заставляет российскую власть возвращаться к более аутентичной программе развития. То есть если бы не эти жесткие внешние обстоятельства, то власть, видимо, к этой программе либо шла бы очень медленно, либо вообще к ней не пришла бы. Вот в чем правда жизни.

В свое время Николай Данилевский как раз по итогам Крымской войны писал, что поход против России во время нарушенного равновесия в Европе под руководством одного из величайших гениев — он имел в виду Наполеона — оканчивается полным поражением врагов. Но поход против России во время равновесия Европы, руководимый самыми отъявленными посредственностями, оканчивается полным их успехом, несмотря на то что Россия стала вдвое сильнее, чем в 1812 г. То есть получается, что для России страшны не гении Запада, а посредственности Запада, тогда, когда они сплочены, когда они могут игнорировать и правду фактов, и правду морали.

В добавление к тому, о чем говорил Андрей Ильич Фурсов, — что еще могли бы ученые-интеллектуалы сегодня предложить власти, — мы можем указывать на какие-то важные документы, которые тормозят развитие политического самосознания у нас в стране.

Не в последнюю очередь нужно понимать, что холодная война всегда имеет в качестве своего сопровождения локальные горячие очаги. Так было всегда. Есть ли у нас сегодня эти горячие очаги? Да, есть. Они возникают уже по периферии нынешних российских границ, в самом, так сказать, сердце, ядре восточно-славянской цивилизации.

Возникает вопрос: может ли быть на это симметричный или асимметричный ответ? На этот вопрос мы тоже в одном из докладов пытались дать ответ. Проанализировав ситуацию в Европе и США, пришли к выводу, что в принципе при горячей фазе такой войны такие симметричные ответы, такая русская контригра, или, может быть, восточная контригра — можно назвать это по-разному, — она вполне возможна и может приводить к очень серьезным результатам. Главной целью и результатом такой контригры, на мой взгляд, могла бы быть не столько попытка опрокинуть США или Европу, а, скорее, попытка отвлечь их от необходимости разрушать нашу страну — еще раз ее разрушать; отвлечь их от этой мнимой необходимости «пожаром в собственном доме». Только такой пожар, по всей видимости, может заставить нынешнее американское руководство (вынужденное заняться тушением этого пожара) отвлечься в значительной степени от разного рода эфемерных целей, которые не приведут ни к какому полезному историческому эффекту ни для них, ни для нас, ни для мира в целом.

Я этот анализ, естественно, не буду ни пересказывать, ни зачитывать. Это все можно посмотреть и на сайте Изборского клуба, и в наших журналах, и в книгах, которые мы сегодня привезли. Единственное, что я в качестве некоего примера приведу, что на сегодняшний день помимо тех событий, которые связаны с Фергюсоном, и не столь давних событий в других городах, достаточно большой размах в США имеет сепаратистское движение. Достаточно сказать, что в штате Техас порядка 31% жителей считают возможным отделение от США, а 25% готовы к этому немедленно; в штате Мэн 20% жителей поддерживают сепаратистское движение; в Калифорнии мощное сепаратистское движение возглавляет не кто иной, как губернатор Шварценеггер. Такое же положение во многих-многих других штатах. Но, может быть, наиболее ярким примером являются три штата, находящиеся к западу от Миссисипи, — так называемая Новая Мексика. Там один штат носит такое название, Нью-Мехико, где, безусловно, существует мощная латиноамериканская оппозиция американскому образу жизни.

На мой взгляд, то, что Обама провозгласил курс на смягчение в отношениях с Кубой, не в последнюю очередь объясняется тем, что сами американцы эту угрозу ощущают. Потому что в Латинской Америке в целом существует большое и мощное движение недовольства американской гегемонией, оно никуда не ушло. Если бы восточный блок держав — Китай, Россия и их союзники — вступили в настоящую холодную войну, такую, какой она была в XX в., то их союзниками там, несомненно, стали бы латиноамериканцы. Для этого есть все необходимые идеологические основания: это союз между, скажем так, антиглобалистским течением в Америке, традиционным лево-социалистическим в духе Че Гевары, ну и, наконец, латиноамериканским христианско-социалистическим течением, которое воспринимает навязанную Америкой идеологию как культ золотого тельца, неприемлемую для них.

Поэтому только лишь наступательная доктрина, на мой взгляд, здесь способна обрисовывать какие-то позитивные оптимистические сценарии. В противном случае в режиме, так сказать, обороны, в режиме постоянной попытки внутренней мобилизации и неких ответов на происки «пятой колонны» Россия, конечно, оказывается в проигрышном положении. И тем не менее, повторюсь еще раз, это будет моя последняя фраза в этом выступлении: холодную войну нужно рассматривать не только как угрозу, которая усиливается, скажем так, в связи с нашей некоторой деидентификацией и некоторой нашей бессубъектностью, а, скорее, как внешний стимул, который проявляет эту внутреннюю идентификацию и эту субъектность. Поэтому холодная война в каком-то смысле — это благо для России.

ШАБАЕВ Е. О.

Представляю: Шабает Евгений Олегович, представитель Донецкой республики, председатель антифашистского совета России.

Я бы хотел перевести дискуссию немного в другую сторону. Все говорят о том, что существует борьба между Российской Федерацией и Соединенными Штатами. К сожалению, холодная

война никогда не заканчивалась и не было никаких «отдыхов» в 90-е годы. США активно работали, они уничтожали прежде всего элиты: элиты экономические, элиты политические, элиты финансовые, элиты организационные. Собственно говоря, на Украине этот процесс был более обширен, более строго оформлен и привел к закономерному результату: когда все политики, все абсолютно политики страны перестали быть субъектом права, они не отражали никакой воли украинского народа, никакой ее части, за исключением определенных бизнес-элит.

Итогом подобного вида деятельности было то, что, когда Янукович, так скажем, отказался на короткий промежуток времени удовлетворять требования непосредственного руководителя Соединенных Штатов, и он тут же был отстранен от власти. При этом единственной системой, которая бы могла и должна была помогать в данном случае «коллективному Януковичу», это должна была быть Российская Федерация. К большому сожалению, Российская Федерация последние 23 года назначала на должности в Федеральной службе безопасности и в МИДе сотрудников на Украину по остаточному принципу — которые в своей стране уже были не нужны. Поэтому никакой политики Российской Федерации в Украине не проводилось. И мы получили то, что получили.

Крым... Я думаю, что и Путин, говоря в конце февраля о том, что Крым не будет в составе Российской Федерации, — он действительно так думал. Потому что не было такой задачи, не было полномочий у определенных чиновников проработать такой вариант развития событий.

Тот хаос, который сейчас привносят Соединенные Штаты в политическую жизнь мира, — это фашизм, который был переработан с 45-го года профессиональными учеными и пропагандистами. Они были введены в состав руководящих структур НАТО, продолжали свою профессиональную наработку. К сожалению, со стороны Советского Союза, а затем и Российской Федерации никакой контрпропагандистской деятельности не велось. Это вполне понятно, потому что нами руководили. Как заявил Путин, в России в 90-е годы работали 117 сотрудников Центрального разведывательного управления.

Сегодняшняя система экономики в России построена на идеях Высшей школы экономики, связанной с монетаристской системой, которую не признает ни одна страна в мире.

Мне, к сожалению, в 4 часа нужно встречать раненых ребят, размещать их в больнице. Скажу о том, почему я здесь. Я прошу вас (вы являетесь элитой, той частью элиты страны, которая может интеллектуально разрабатывать программы в экономической, политической, организационной, социальной сферах) объединиться и отражать свою точку зрения экспертного сообщества.

Либеральное сообщество организуется извне, со стороны Соединенных Штатов Америки. Оно имеет общие доводы, свои представительства, у них в России есть «свой человек» — руководитель Комиссии по правам человека Федотов. Это одна из площадок, через которые либералы доводят свою точку зрения до Президента Российской Федерации. К сожалению, — и это факт — вы не можете пока довести до него свои взгляды... Когда Президент России заявляет, что у нас нет экспертов, которые способны доказать, что Центробанк РФ действует неправильно (а это говорится в прямом эфире телеканала), — это более чем странно.

Умирующий регион Донбасса добивают. И если Российская Федерация не найдет в себе сил защитить нашу родину, в том числе и себя... Уже была в прошлом году ситуация, когда начали бомбить Донецк... в Ростовской области. Это будет продолжено, если Российская Федерация будет прятать голову в песок.

К сожалению, холодная война закончилась и началась горячая война. И эта горячая война придет в дом каждого россиянина. И в этот момент должна образоваться структурная единица, которая могла бы стать опорой для существующей власти, либо для той структуры, которая возникнет... А лидеры всегда найдутся...

Нельзя забалтывать проблемы, как это делают сейчас на телевидении. Два года нам говорят, как плохо на Украине, превращая это в шоу, которое уже надоело не только в России, но и на Донбассе. Извините, пожалуйста, за такое сбивчивое выступление.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

У Советского Союза была политика украинизации. Согласно этой политике при создании СССР в 1922 г. Украине подарили 16 русских городов, потом поднимали украинскую культуру, из специфического диалекта старались сделать литературный язык. Вот в этой книге «Главный противник», которую я держу в руках, содержится Директива СНБ США 20/1, есть глава «Целостность или раздробленность». Речь в ней идет о том, что делать американцам с Советским Союзом в случае военной победы США. И там есть пассаж на полторы страницы про Украину.

Что такое Украина в представлении американцев августа 1948 г., когда Трумэн был подписан эта директива? Что такой нации не существует. Это народ, который состоит из беженцев из-под польского и русского ига. У украинцев нет своего языка, есть диалект. Нет культуры — есть фольклор. Нет своей экономики, а существовавшая на тот момент экономика настолько тесно связана с экономикой всех республик СССР, и прежде всего России, что отделить ее возможно только военным и никаким другим путем. Вот взгляд на Украину. Думаю, они и сейчас не особо продвинулись в понимании, что это за страна — Украина.

Американцы говорили, что, конечно, желательно отделение Украины от России. За границей уже тогда были националисты, которые работали в направлении сепаратизма, и Америка, как говорилось в Доктрине, должна им всемерно помогать.

Украину мы проиграли. Это вина Ельцина, это вина российской власти. Потому что были поворотные моменты! Ведь тот же Янукович — он паша в Москве месяцами. Даже я встречался с ним по нечаянности то тут, то там. Он жил в Москве. Надо было его воспитывать, с ним надо было работать, привязывать к России, повязывать, если на то пошло. Так, чтобы не дергался никуда, понимаете... Так, как умеют это делать американцы.

Ярчайший пример — с канцлером Германии Меркель. Они ее подслушивали, но она не очень-то ерепенилась, когда это обнаружилось. Почему? Когда-то с ней, видимо, неплохо поработали, взяли на крючок... Дело, конечно, не только в этом, но...

КОНДРАШОВ В. В.

Игорь Михайлович, мы сегодня рассматриваем различные аспекты холодной войны, прошлой и настоящей, но мы не рассматривали возможность превращения холодной войны в вооруженную борьбу, ну как этому военная теория учит.

Мы знаем, что Запад обвинял Советский Союз в том, что он хотел внезапно напасть на страны Запада. Однако история, раскрытые документы, в том числе ваши документы, показывают, что ситуация была совсем другой. До 1949 г. было 11 планов ведения ядерной войны США против Советского Союза. Первый — 1945 г., 20 бомб. И каждый год все это сдвигалось. Наиболее известный у историков — это план «Дроп-шот», разработанный в 1949 г., где война должна была начаться 1 сентября 1957 г.

Почему война не началась? Она не начиналась из-за того, что американцы просчитывали советский ответный удар, просчитывали эффективность своего нападения, даже тогда, когда у СССР еще не было ядерного оружия. Американцы считали, что Советский Союз выстоит. Военный потенциал и боевые возможности Советской армии были достаточны для того, чтобы мы, будучи не способны в то время добраться до американского континента, могли нанести удар по Западной Европе, по Великобритании и прочее и прочее. Это мы могли. И война не начиналась именно из-за того.

После 1949 г., когда у нас появилось ядерное оружие, ситуация изменилась. Хотя, как и прежде, разрабатывались многочисленные планы, которые рассматривали возможность нанесения ядерного удара по СССР. Наиболее опасный момент — это Карибский кризис. Как мы с вами знаем, и на нашей стороне, и на той стороне уже было практически принято решение о начале войны. Еще не было моделирования, но ума и здравомыслия хватило как у американского, так и у советского руководства. Чего боялись американцы? Они боялись ответа. Их всегда сдерживал наш потенциал, только ответный ракетный потенциал, но никак ни миролюбивость американских президентов.

В вашей работе «Главный противник» подбор документов великолепный на всех исторических этапах. Началось все с «Длинной телеграммы» временного поверенного США в СССР Кеннана, в которой говорилось: нужно остановить Советский Союз, нужно уничтожить коммунизм. Снова вспомним план «Дроп-шот». В нем речь не о коммунизме, а о том, как оккупировать территорию Советского Союза. Мы должны были потерять, как считали американцы, от 60 до 80 млн населения, и вся территория должна была быть оккупирована. Бомбардировке и уничтожению должны были быть подвергнуты 300 крупнейших городов СССР. Это история.

Что же мы видим сейчас? Вот вы говорили о том, что происходило вчера. Я должен сказать, эта тенденция началась за несколько лет до украинских событий. На Западе уже давно вновь стали думать о возможности ядерной войны, но уже против Российской Федерации. Именно этим объясняется односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО, потому как, нанеся удар по Российской Федерации, нужно избежать ответа.

Сейчас появилась Концепция мгновенного глобального удара. Это очень опасная идея американской военной машины. Речь идет о том, что в течение одного часа после принятия решения президентом США неядерные стратегические высокоточные средства поражают все наши самые важные военные объекты: пункты управления, районы, где располагаются наши ядерные средства. Таким образом, наносится контрсиловой обезоруживающий удар, и мы не сможем ответить. А если мы чем-то сможем ответить, вот для этого и нужна так называемая глобальная система ПРО. Она действительно не перехватывает все, но, если полетят не сотни, а единицы наших ракет, система ПРО будет способна их перехватить. Даже в том виде, какова она на данном этапе.

Ну и последний момент. Еще до того, как выступил Обама, выступил главный военный руководитель США — председатель Комитета начальников штабов генерал Демпси. Он заявил о возможности размещения ядерных средств в соседних с Россией регионах — это Великобритания, Западная Европа и Азиатский

регион. Речь, по всей видимости, будет идти и о Японии, причем под предлогом того, что Россия нарушает договор РСМД, хотя мы абсолютно его не нарушаем. То есть мы вернулись в положение 1980-х годов, когда стояли «першинги», нацеленные на Советский Союз с подлетным временем до Москвы в 20 минут.

Что нам делать? Как нам с этой ситуацией бороться? Вот здесь разные были вопросы — куда двигать наше государство, какие ценности продвигать, какие цели. Что бы мы ни двигали, мы должны поддерживать наш оборонный потенциал на высоком уровне. Другого наши противники не понимают и никогда не поймут.

ГОРЕЛОВ А. А.

Я хочу сказать, что мы сегодня прослушали первый очень обоснованный доклад, в котором утверждался тезис, что холодная война сейчас идет. И это не наш выбор, мы не выбирали между войной и той ситуацией, которая сложилась сейчас. Нас перед этим выбором поставили наши партнеры, в кавычках. И наш выбор, который мы сами теперь можем сделать, — это выбор такой: защищаться от этого нападения или не защищаться. Вот, собственно, перед каким выбором мы стоим, и я хочу сказать, что ответ на вот этот выбор — он далеко не однозначен. И сегодня проходит наше обсуждение.

После первого доклада были заданы вопросы — вопросы о нормах, и один вопрос звучал так: «А что, собственно, мы защищаем?» И дальше обсуждение пошло в сторону критики того, что есть. У нас олигархи, коррупция, ну и так далее, и так далее, и так далее. И кто-то может сделать вывод: а собственно, что нам защищать-то? Зачем нам защищать такую страну, в которой разваливается промышленность, сельское хозяйство, наука? Стоит ли вообще ее защищать? И вот все наши недостатки, о которых мы можем говорить сколько угодно, днями и ночами, — они не исчезнут в один момент.

И вопрос, перед которым мы стоим, такой: в той ситуации, в которой оказалась наша страна, — нужно ли ее защищать? Готовы ли мы ее защищать и что именно? По поводу норм я хочу сказать,

что мы можем думать, что когда-нибудь мы создадим идеальное государство. Но если мы сейчас — когда оно не идеально — не будем его защищать, то тогда никакой возможности создать какие-то свои идеальные нормы у нас просто не будет. Потому что, если мы проиграем эту холодную войну, у нас уже не будет своего государства, и мы все будем жить по нормам совершенно другим, мы будем жить по нормам Запада. Поэтому нам есть что проигрывать. Хотя бы вот ту идеальную возможность какого-то лучшего будущего, которое может быть.

Я вспоминаю начало 1990-х годов: ситуация-то была точно такой же в принципе. Правда, страна была великой, это была держава, сейчас ее уже нет. А вот как относились к этой ситуации элита и общественность наша? Кое-кто радовался разрушению Советского Союза — это «пятая колонна». Сейчас эта «пятая колонна» стала гораздо более сильной, чем она была в 1990 г. Были люди, которые понимали, что очень много плохого в нашей стране, и они поэтому, собственно, и не думали ее защищать. Они надеялись, что вот не будет Советского Союза, и все недостатки тогда как бы сами собой исчезнут, потому что мешает руководство Советского Союза. А что получилось? Получилось, что ситуация сейчас в России намного хуже, чем она была в Советском Союзе. Но эта группа людей, которая в общем-то хотела, чтобы стало лучше, и поэтому не защищала Советский Союз, она тоже объективно оказалась на стороне наших врагов. В результате выходит, что в общем-то никто из населения Советский Союз (по разным причинам) не защитил.

Сейчас наше общество находится в гораздо более расколоте состоянии, чем оно было в 1991 г. И поэтому надеяться на то, что вот сейчас все будут защищать уже Россию не стоит. Даже судя по сегодняшней дискуссии, мы обсуждали в основном те недостатки, которые имеют место.

Я бы поставил вопрос так: имея в виду все те недостатки, которые сейчас есть в нашей стране, готовы мы ее защищать? Понимая отлично, что у нас есть и олигархи, и коррупция, и преступность, и все такое, защищать-то мы ее будем? Или нет? Ответить надо именно на этот вопрос. Дело не в том, что мы создадим какие-то

системы вооружения. Это важно, но в общем-то это не наша задача. Это задача государства. А сами люди — с их духовным потенциалом, готовы ли они защищать свою страну? Если они не готовы, нам не поможет никакое вооружение. Фактически идет битва за умы людей, за то, как себя будут вести наши люди.

А что нам защищать? Ну, конечно, представители «пятой колонны» — они делают вид, что нам защищать-то в России нечего. Не было у нас никогда никаких высших форм общественной жизни, которые стоило бы защищать.

Мы можем перечислять — и очень долго — то, что мы можем и должны защищать. Мы можем защищать свою свободу. Собственную свободу. Свободу жить в независимой суверенной стране.

Мы можем защищать своих близких, свой народ и народы всего мира, потому что перед ними, перед большинством народов, не считая Запада, стоят те же самые проблемы сохранения себя и своей независимости. Не будет России — и другие народы вряд ли сохранят свою собственную независимость. Причем мы должны защищать не свободу абстрактного человека, а реальную свободу жить в своей собственной стране, в своем национальном государстве. Мы можем защищать не просто свободу, мы фактически защищаем свои собственные жизни. Потому что, если мы не будем защищать себя, то в конце концов мы будем так же свободны, как свободны сейчас индейцы, живущие в резервациях, и наша судьба будет точно такой же. И вот гитлеровский план «Ост», о котором сейчас широко известно, по сути дела, будет осуществлен. То, что не удалось сделать Гитлеру, сделают США.

Мы должны защищать историю России, ее цивилизационный выбор, который был сделан тысячу лет назад. Мы должны защищать способы хозяйствования, традиционные для России, — общину, артель, в которых способы хозяйствования были основаны на принципе социальной справедливости.

Что мы еще должны защищать? Мы должны защищать нашу культуру, наших святых, наши православные заповеди. Мы должны защищать наших культурных героев, наш русский национальный характер и национальный характер всех народов, которые

живут в нашей стране. Мы должны защищать нашу русскую идею, тот идеальный образ града Китежа, который мы несем в своем сердце. Мы должны защищать нашу культуру, которую называют самой человеческой культурой мира. Мы должны защищать нашу территорию, наше жизненное пространство, защищать именно то, что у нас хотят отнять. Мы должны защищать наши природные и геополитические ресурсы. Мы должны защищать наши бытовые особенности характера — неприхотливость, нестяжательство и другие. Мы должны защищать наш менталитет, даже наши способы питания. Потому что русская цивилизация — носит название «ржаной цивилизации», в отличие от «пшеничной цивилизации» Запада. Мы должны защищать нашу отчизну, которую мы любим, как писал Лермонтов, странной любовью...

Вот это мы защищаем для себя, и в то же время это мы защищаем и для других народов. Потому что, если бы не было Советского Союза, то сохранилась бы мировая колониальная система. А сейчас задача Америки или даже — более широко сказать — задача Сверхвласти заключается не только в том, чтобы победить Россию, — это только часть общей задачи. А общая задача — создать новую колониальную империю, в которой будет одна метрополия — Запад и одна колония — все другие страны, включая Россию. Вот это все мы и должны защищать.

И второй вопрос: а кто будет защищать? Защищать не будет «пятая колонна». Наоборот, она будет, как и в 1991 г., радоваться. И таких радующихся будет гораздо больше, чем было в 1991 г. Не будет защищать страну «болото» — это, как всегда, очень большая группа населения, которая не будет участвовать ни на той, ни на другой стороне. Не будут защищать миллионы русских, и не только русских — советских, можно сказать, людей, которые уехали за границу в последнюю четверть века. Они уже не вернуться в Россию и не будут ее защищать. Не будут защищать Россию очень недовольные нынешней внутренней ситуацией в России. Они настолько недовольные, что будут считать: пусть погибнет Россия, лишь бы не было всего того, что вызывает их недовольства. Не будут защищать страну многие далекие от политики люди, которые не хотят подняться над

своими обыденными проблемами. Не будут защищать циники, не будут защищать святоши, о которых уже сегодня говорили. Эти будут доказывать: «Да зачем нам воевать? Война — это плохое дело. Не будем мы в этом участвовать. И в общем-то людей, которые способны защищать свою страну, если на этот вопрос посмотреть вот так — всерьез, оказывается, не очень много. Вот за умы этих людей, которые еще могут стать защитниками нашей страны, по существу, и идет сейчас борьба наших противников. А что делаем мы?..»

Ну и последнее, что я хотел сказать по поводу самой холодной войны. Холодная война есть, она идет. Но тот этап, о котором мы сейчас говорим, он сильно отличается от той холодной войны, которую мы называем первой. Во-первых, цель той войны была — победить в этой войне: или мы, или они — кто кого. Сейчас же война США и Запада с Россией — это только часть общей глобальной войны. И победа над Россией — это только часть того, чего на самом деле хочет Запад. И вот в этом смысле, в общем плане речь идет не только о холодной войне России с Западом. Речь идет о холодно-горячей глобальной войне. Где-то она холодная, как в России. Пока. А чуть немножко за нашей границей — и она уже горячая. Формы этой войны очень резко меняются от одного места к другому.

Средства войны. Если раньше, в первой холодной войне средства были в основном информационные, то сейчас к ним добавляются уже и все другие средства. Всевозможные средства. В любой момент информационные средства войны могут быть дополнены другой войной. Особенности этой войны. Особенность ее заключается в том, что фактически уже речь не идет о том, что одним войскам противостоят другие войска. Мирного населения в этой глобальной войне гибнет гораздо больше, чем военных. Пусть фактически участвуют в этой войне все. И это уже не просто война вооружений, это уже биологическая война, война на выживание. Поэтому и у той холодной войны, и у нынешней холодной войны есть своя специфика, и эту специфику нужно учитывать, для того чтобы адекватно ответить на угрозы, которые сейчас вызрели в отношении России.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Прекрасное выступление!.. Вадим Михайлович Межуев захотел выступить, он много раз уже руку поднимал.

МЕЖУЕВ В. М.

Во-первых, я хотел пояснить смысл вопроса, который я задал. Но сначала несколько слов о докладе. Я в первую очередь хочу сказать, что мне в высшей степени симпатичен докладчик, которого я считаю блестящим ректором этого учреждения. Во-вторых, я хочу сказать, что я всегда очень серьезно отношусь ко всему, что говорит Игорь Михайлович, потому что это все продумано и прожито в его личной жизни. Это не значит, что я со всем согласен, но мне кажется, когда хвалишь доклад, надо хвалить его не за то, с чем все согласны, — это плохая похвала, а с чем хочется дискутировать. Вот такой доклад возбуждает дискуссию. Это вообще высшее качество любого научного доклада. А когда все согласны, значит, доклад провалился. Вот это я хочу сказать.

Теперь что касается самой темы. Хочу сразу сказать: я ни в коей мере не считаю себя специалистом по международным вопросам и отношениям. Я никогда не был никаким дипломатом вообще, ни политиком, в партиях я никогда в жизни не участвовал, я абсолютно не являюсь специалистом по технологии холодных войн. Всякая война имеет большие технологии. Вот тут говорили — информационные, дипломатические, — но это технологии.

Вообще-то холодная война ведется ради идеологий. Это идеологическое понятие. И если вы помните ситуацию — вот тут я специалист — и если вы помните в ситуации первой холодной войны, которую вел Советский Союз, главное — и нам тогда прожужжали все уши этим — это была идеологическая борьба. То есть все проходило через призму борьбы идеологий. И должен сказать, кстати, — я тоже никогда, как и докладчик, никогда не был ни антисоветчиком, ни диссидентом. Меня в Китае вообще считают последним марксистом в России. У меня там все книги мои перевели, я там несколько раз был. Так что вы должны понять, что то, что я говорю, это тоже с каким-то опытом связано.

Так вот, это была борьба идеологий, и были идеологии, которые боролись. Да, была идеология, называйте ее капиталистическая, либеральная — как угодно, и была идеология — называйте ее коммунистическая, социалистическая. Можно было тогда спорить, что понимать под социализмом, что понимать под коммунизмом. Недоспорили. Кстати, я абсолютно согласен с докладчиком, что мы примитивизировали нашу идеологию. Она была намного интереснее, сложнее, чем то, что преподавалось в высших учебных заведениях. Марксизм до сих пор не понят в России до конца, чтоб вы знали; и что такое коммунизм — не понятно, и что такое социализм — не понятно, потому что все было примитивизировано. Я знаю, Брежнев однажды, когда ему попытались в доклад вставить цитату из Маркса, сказал: «Вы что, с ума сошли? Кто поверит, что я хоть строчку оттуда читал?»

Фурсов сказал интересную вещь, я к ней сейчас вернусь.

Сейчас идеология ушла. Да, я не считаю, что мы закончили холодную войну с поражением, но это ладно. Идеология ушла. Та, либеральная, осталась. И мой вопрос заключался в том: а какую идеологию сегодня мы противопоставим? Если это холодная война. Кстати, в какой-то степени я благодарен холодной войне за то, что, если бы ее не было, возможно, была бы уже давно горячая. Она в какой-то степени микшировала это. И уж лучше холодная война, чем горячая. Да, тогда за идеологиями стояли две системы, и меня больше устраивала социалистическая. У меня были претензии к ней и к той власти. Мне кое-что хотелось поменять, я совсем не принимал ее целиком. Она действительно нуждалась в каком-то реформировании. Но не в уничтожении, конечно. Какую систему сегодня мы противопоставим? Вот это я не понимаю. Мне не хватает позитивной России, позитивного образа. В нашей пропаганде, в нашей идеологии сегодняшней я не понимаю, какую Россию мы защищаем. И тогда прав Андрей Фурсов — действительно борьба идеологий, т. е. холодная война, простите, — это не проблема, конечно, только XX в. Поэтому я с ним во многом согласен, но у него есть настоящее профессиональное ухо историка, и он хорошо понимает, что для России это не проблема только XX в. и не XXI в., это проблема всей ее истории. Это он сказал первым, и абсолютно точно сказал.

Россия к Западу относилась — я много написал работ по поводу взаимоотношений России и Европы, и Запада, — Россия, конечно, всегда видела в Западе и соперника, и противника, и нечто такое, от чего она отталкивалась всегда, с чем она себя всегда сравнивала. Но во всяком случае, после войны с Наполеоном Европа становится как бы зеркалом, в которое Россия смотрится, и то ли ей там нравится это изображение, то ли не нравится, она тут же раскололась на две части — были славянофилы, были западники. И сравнение, сопоставление себя с Европой — это для России, конечно, коренной вопрос ее истории. Это совсем не только холодная война. Это проблема действительно ее существования в мире и в истории.

Я написал массу статей про русскую идею и очень пытался понять, что за этой идеей стояло, что Россия хотела сказать миру, что она хотела донести до этого сознания, почему ее не устраивало. Ведь в Европе очень много великого. Из Европы пришла наука. Изучая физику и математику, мы что, станем западниками от этого? И не только физическая там, математическая или химическая наука, но и социальная наука пришла оттуда. Из Европы пришло, в конце концов, право — это два великих вклада Европы и Запада в мировую копилку. Мы что, от этого отказываться будем? Или давайте уже и науку отменим, и право отменим. Много заимствовано в плане искусств. Но Россия чего-то еще хотела. Вот ей этого было мало. Надо понимать, откуда идет спор, и эти вещи надо доводить до сознания.

Давайте посмотрим на нашу церковь. Вы что, не понимаете, что отсюда все проблемы растут? Давайте посмотрим на нашу церковь и пойдем, что такое православие. Почему православию легче найти общий язык с мусульманами, с буддистами и даже с иудаистами, и почему ему так трудно договориться с католиками и протестантами? Почему? Я вам скажу. Вы знаете, что такое холодная война России и Запада в XX в.? Это продолжение войны Византии и Западной Европы, католической Европы. Это оттуда идет. Это оттуда православие и еще что-то такое. К сожалению, наша церковь это до сознания не доводит. Есть нечто такое,

что действительно совершенно противоположно духу и смыслу западной цивилизации. Что? Я вам скажу, что. Это просто два разных типа морали.

Вы знаете, что главное для людей верующих — это спасение души. Так вот западная этика, т. е. католическая и протестантская, говорит: каждый спасается в одиночку, каждый спасается кто как может — одному повезет, другому нет. Русская православная этика говорит о том — вот здесь идет раскол: ни один не спасется, если не спасутся все. Это идея коллектива. Нельзя быть счастливым в этом мире, если рядом столько горя и страданий. Нельзя выжить в одиночку. Русская идея — это не идея справедливости. Справедливость и в аду есть. Русская идея — это идея милосердия. То есть можно спастись всем вместе, нельзя спастись в одиночку. Вот вся русская идея на этом была построена.

Вы знаете, что разделило Восток в виде Византии — ну мы же наследники все-таки Византии по религиозным понятиям — и Запад? Вот сейчас, может быть, поймете.

Вообще-то мы, конечно, Европа, только восточная, а не западная. И не надо нам совсем быть на Запад похожими. Кого я отношу сюда? Любую страну и народ, которые отвечали на вопрос: почему погиб Первый Рим? Вы знаете, что мы наследники Рима? Византия — это был второй Рим, мы — третий. А тот — первый. Вот что их разделило! Все они отвечали на один вопрос, и было два ответа. Первый — его дала западная Европа: Рим погиб из-за того, что изменил своим республиканским идеалам и впал в цезаризм, и поэтому вся Европа дальше пыталась вернуться к идеалам Римской республики. Между прочим, так написана американская конституция. И люди, которые ее писали, подписывались римским именем — Публий. Главное, как не впасть в режим личной власти? Это для них главный вопрос. И вся история Европы — это возвращение к Римской республике, к праву, к правовому государству. Хороший ответ.

Но был и другой. Не менее мудрый. Рим погиб от того, что впал в бездуховность. От язычества он погиб, которое развратило и граждан, и власть. Ответ дала Византия, создав православие.

И вся проблема мировой истории заключается в том, нужно ли нам ссорить друг с другом правовую и гражданскую общину с духовной общиной, на страже которой стоит Россия. Или их надо примирить как-то? Вот в чем вся проблема.

Когда представитель Изборского клуба говорит: «столкновение цивилизаций, и мы от этого уйти не можем», — он должен бы понимать, откуда эта проблема возникает. Столкновение цивилизаций — это идея Тойнби, и ее подхватил Хантингтон. Тойнби сказал, это действительно самое страшное, что угрожает человечеству, когда цивилизации столкнутся лбами. Тогда, говорит он, дело дойдет (это Тойнби первый сказал) до ядерной войны.

И тогда надо ставить вопрос: а что можно противопоставить столкновению? Да, Россия действительно представляет какой-то совершенно другой цивилизационный тренд, другую мораль, другое видение будущего. Это все так. Это в культуре видно. Об этом можно говорить. Хотя это лишь часть более великой правды. Надо ведь сказать: и на Западе правды нет! Правда и над нами, и над ними. Она общая — правда.

Так вот, что можно противопоставить столкновению цивилизаций: холодную войну. И так она и будет вестись вечно, поскольку есть разные идеологии, разные религии. Они будут спорить между собой. Боги будут спорить, и идеи будут спорить.

Но как не довести холодную войну до горячей войны? Что здесь сделать надо? И мировая общественность нашла выход. А нельзя ли столкновение цивилизаций перевести в диалог цивилизаций? В диалог, о котором сейчас весь мир говорит. Почему в Изборском клубе такая мысль не пришла в голову, что можно не оружием решать, а диалогом?

ВОЗГЛАС НЕИЗВЕСТНОГО ИЗ ЗАЛА

Изборский клуб проводит на Родосе вместе с Якуниным «Диалог цивилизаций»!

МЕЖУЕВ В. М.

Якунину я доклад писал, чтоб вы знали, по диалогу цивилизаций. И он меня цитировал. Так что откуда Якунин взял идею

об этом, мне хорошо известно. Я диалогом занимаюсь (извините меня, мне уж много лет), полжизни этим занимаюсь. Надо понять, как строится диалог. Это огромное, сложное дело. Я очень понимаю пафос людей, которые будут защищать страну, те, кому действительно дорога русская культура. Но все дело в том, что — почему обязательно с оружием? А почему нельзя русскую культуру защищать по-другому? Когда культура прибегает к оружию, она уже не права.

ВОЗГЛАС НЕИЗВЕСТНОГО ИЗ ЗАЛА

Человеку присуща агрессивность.

МЕЖУЕВ В. М.

Если мы по такой логике рассуждаем, тогда мы противоречим именно русской культуре, потому что русская культура очень хорошо понимала, чем человек отличается от животных, значительно лучше, чем это понимала европейская культура.

ГОЛОС НЕИЗВЕСТНОГО ИЗ ЗАЛА

Кто с мечом к нам придет — тот от меча и погибнет.

МЕЖУЕВ В. М.

Вот с мечами и сидите. Мечи должны быть. Есть люди военные. Но я говорю как человек культуры — человек, занимающийся культурой. Я говорю: культура ищет невоенные способы решения сложных проблем, она ищет диалог. И самое главное — очень важно понять, что Запад тоже имеет какие-то свои заслуги в мире. Я никогда не любил капитализм. Капитализм — это действительно кризис Запада. Я здесь с Марксом согласен. Кстати, русские славянофилы, ранние во всяком случае, никогда не были антиевропейцами. Киреевский даже журнал издавал — «Европеец». И когда они предлагали свою русскую идею, они понимали, что эта идея не только для русских. Это идея для всех, она вселенская. И они противопоставляли ее чисто просветительской деятельности, либеральной, и они говорили: это надо не сшибить, а соединить. То есть страна, которая найдет

решение проблемы, как совместить мораль и право, правовую общину и моральную общину — соборность, как мы говорим, — и гражданское общество, вот та страна выиграет в истории. Вот моя точка зрения.

ГОЛОС НЕИЗВЕСТНОГО ИЗ ЗАЛА

Вадим Михайлович, а вот такой вопрос: скажите, людей ведь сближает и общая беда. Вот какая сейчас есть общая беда и для западной, и для восточной цивилизации? Это нарастание глобальных проблем. Может быть, пока — знаете, как звери на водопое, когда пожар, там никто ни на кого не нападает. Мне кажется, нет худа без добра. Как отодвинуть сейчас эти разногласия, как выжить вообще на этой земле?

МЕЖУЕВ В. М.

А скажите, можно глобальные проблемы решить не глобально?

ГОЛОС НЕИЗВЕСТНОГО ИЗ ЗАЛА

Но для этого надо понимать, что любое противостояние их только усугубляет.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Спасибо, Вадим Михайлович, за блестящее выступление. Пожалуйста, Юрий Юрьевич Болдырев.

БОЛДЫРЕВ Ю. Ю.

Уважаемые члены клуба, ученые, коллеги, товарищи, хочу внести свой небольшой вклад в вопрос о диалоге цивилизаций.

Уважаемый Игорь Михайлович, я как раз о диалоге цивилизаций. Скажите, пожалуйста, видели ли вы когда-нибудь, чтобы кошка вела диалог цивилизаций с мышкой, которую она хочет просто съесть? Когда мы говорим всерьез о новом этапе холодной войны, не впадаем мы в ересь на уровне представления мышки о том, что кошка ведет с ней холодную войну? Я также к вам обращаюсь, уважаемый Вадим Михайлович, тут ведь проблема

в том, что для того, чтобы против тебя вели холодную войну, для того, чтобы с тобой вели всерьез диалог цивилизаций, надо стать еще достойным того, чтобы с тобой вели диалог всерьез, на равных. А не прижали тебя демонстративно и говорили: «Так ты сдаешься за три копейки? Не сдаешься? Еще хвост прижмем. Опять за три копейки не сдаешься? Еще хвост прижмем, ты же хвост всюду расставил свой, и мы тебе его прижимаем, прижимаем, прижимаем». Значит, ситуация значительно хуже, чем может показаться, если со стороны смотреть на наше заседание.

Если со стороны смотреть на наше заседание — я сегодня не слышал выступление молодого человека, который сразу после перерыва выступал, — но слова, которые я услышал, когда вернулся, — они были о субъектности. Так вот ключевой вопрос: а кто мы как субъект? Ведь один из эффективнейших методов войны (не на равных, а методов ведения войны в этом мире, как покорения) — это расстановка своих продажных марионеточных режимов, которые за тебя все сделают, ими только управляй.

Давайте представим себе, что американцы не решили бы на этом этапе, что нас уже пора дожать. Вот они были бы толерантны и терпеливы. В этом случае мы продолжали бы эффективно развиваться и стремиться к звездам? Или мы, оглядываясь на тенденции последних 15–20 лет как минимум, возьмем последние даже 10, неуклонно деградировали бы сами? В этом смысле новый этап холодной войны напоминает мне ситуацию, когда бандит напал на человека, который и без того собирался сам повеситься. Мы-то стремительно деградировали, но просто терпения у бандита не хватило дожидаться, когда мы додеградируем до конца. Вот ведь какая ситуация.

Здесь есть в нашей тематике вопрос о «пятой колонне» — давайте бесконечно обсуждать «пятую колонну». А можем задаться вопросом, а где первая колонна, вторая, третья, четвертая? Являются ли первая, вторая, третья, четвертая отдельными от пятой? Это все равно вопрос нашей субъектности. Кто мы? Насколько мы являемся субъектом, осознающим свои интересы, сплоченным, готовым вести войну?

Я глубоко солидарен с постановкой вопроса — нам, безусловно, есть что защищать. Я глубоко согласен, что есть цивилизационные различия. А предположим, их не было бы. Предположим, у нас нет ничего такого особенного, что защищать, а просто себя, свое право на жизнь — разве мы не должны защищать? Разве кроме междувидовой конкуренции не существует внутривидовой? Предположим, мы ничем от них не отличаемся, но мы просто хотим быть самостоятельными и жить. У нас на это должно быть право. В этом смысле споры между западниками и антизападниками имеют отношение к междувидовой конкуренции. Но внутривидовая-то тоже существует. Если так случилось, что мы занимаем такую огромную территорию — не просто, не случайно, а потому, что наши деды и прадеды ее завоевали и освоили, — мы просто не вправе согласиться с тем, что теперь все общечеловеческое. Вот просто не вправе. Нам предки не давали такого права. Значит, у нас отличие заключается в том, что мы просто владеем чем-то, что является ценным для других на этой земле, и этого ответа, безотносительно всех других отличий, уже достаточно для того, чтобы мы четко понимали, что мы должны быть самостью, самостоятельностью, нам есть что защищать. В этом смысле я понимаю, что неправильно судить мне со своей колокольни, своего представления о реалиях, нынешнюю тематику к вопросу о том, ведут против нас войну или не ведут, а исключительно к тому — а мы ведем ли ответную? а кто такие мы? и как мы должны вести эту войну? Может быть, этому стоит посвятить отдельное заседание.

Но я специально хочу подчеркнуть: ключевой вопрос для нас в современном вопросе мироздания не в том, что Запад агрессивен, а в том, что мы не самостоятельны, не дееспособны, не сплочены.

Следующий вопрос. Игорь Михайлович говорил, что сейчас некоторые наши выступления могут быть похожи на выступления на первом канале телевидения. Потому что в пиаре, в пропаганде в отличие от того, что говорил мой коллега, мне кажется, наша власть преуспела чрезвычайно. По сути, она ни в чем так

не преуспела, как в пиаре и пропаганде. Но за пиаром и пропагандой должно быть реальное действие. Когда Петр решил противостоять Западу — он же противостоял не с абсолютной самостью, он пытался научиться у Запада всему, что Запад делает эффективно.

Скажите, если современная война — это не война сено-солома, это не просто рытье окопов. Вот взять нашу тематику. Здесь половина пунктов, требующих свободного интеллектуального труда. Требующих быть конкурентными с Западом в организации свободного высококонкурентного труда. Скажите, а можем ли мы этого добиться, имея абсолютно закостенелую, абсолютно неконкурентную внутри себя политическую систему? Можем ли мы стать конкурентоспособными, имея абсолютно неконкурентную в современном понимании экономическую систему, больше похожую на феодальную? Ведь вот ключевые проблемы. В откатной экономике невозможно написать доклады о нашей оборонной, информационной и прочей стратегии, хотя бы сопоставимые с тем, что пишут США, потому что уровень паразитизма и откатности в их экономике на порядок ниже, чем у нас. Вот ведь проблема. Ключевая проблема.

Специально обращаю внимание: я не говорю о копировании западной системы, я не говорю о том, что у нас должна быть система, в которой банкиры расставляют марионеток, которые затем решают все проблемы, а избирателям кажется, что вроде как конкуренция между партиями. Но я говорю о том, что есть фундаментальная проблема: совсем неконкурентная политическая система ведет к принятию таких решений — и кадровых, и стратегических, и тактических, которые просто обрекут нас на поражение. Наша ключевая задача — создать современную, адекватную нашей цивилизации, адекватную каким-то общинным идеям коллективной ответственности и так далее, но высококонкурентную, не менее высококонкурентную, чем западная, и экономическую, и политическую систему. Вот это ключевой вопрос, без которого обсуждать ведение холодной или, не дай Бог, горячей войны просто бессмысленно.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Слово Юрию Алексеевичу Дашкину.

ДАШКИН Ю. А.

Благодарю, во-первых, за возможность принять участие в вашем заседании. И еще раз можно подтвердить и убедиться в том, что в России всегда было, а исходя из того, какой разговор ведется сегодня, и есть много очень умных, интересных людей. И в зависимости от того, какую позицию занимали именно эти граждане страны, Россия либо выигрывала, либо терпела какие-то поражения. Я думаю, неспроста на одном из российских орденов были написаны слова «Польза, честь и слава». Можно быть умным для самого себя или для узкого круга окружающих людей, а можно быть умным и полезным для страны.

Я вот думаю, что Русский интеллектуальный клуб полезен для страны, тем более что сегодняшняя дискуссия говорит о том, что клуб взялся за изучение, освещение очень важной для сегодняшнего дня в России проблемы. Я думаю, что если бы России, как говорил Столыпин, дали 20 лет мирной жизни, Россию не узнали бы. Очень многие изъяны, о которых сегодня говорилось, удалось бы преодолеть, потому что людей умных много, и они имеют желание творить на пользу отечества. Не дают России мирно жить. Я полагаю, что с учетом тех угроз, о которых сегодня много уже говорилось, разноплановых угроз, конечно, далеко не всех, но тем не менее нужно согласиться с тем, что Россию с ее ресурсами в покое не оставят, и в XXI в. в том числе. Слишком это лакомый кусок для многих, и отказываться от тех возможностей, которые может предоставить завоевание России, не намерены.

Возможно ли умиротворение противников, точнее говоря, наших врагов какими-то усилиями? Наверняка — нет. Тешить себя иллюзиями нет смысла. Значит, если бы мы понимали, что есть реальные угрозы разрушения России, так, как это было в прошлом веке для Советского Союза, значит, надо эти угрозы понимать, принимать и действовать адекватно. Причем, как сегодня уже говорилось, на всех фронтах.

Вопрос, который сегодня обсуждается, относительно холодной войны, хотя классификация войн различной бывает, наверное, очень своевременный. Холодная война в том понимании, как сегодня мы ведем разговор, — очень специфическое явление, и силы и средства, которые применяются в этой войне, тоже специфические. Причем надо заметить, если в так называемой, как мы сегодня говорим, горячей войне, есть определенные ограничения в виде международных договоров относительно применения оружия массового поражения — ядерного, химического, бактериологического и многих других, то в холодной войне в том понимании, как сегодня мы говорим, ограничений нет никаких, имея в виду идеологическое оружие, информационное оружие, экономическое и многие, многие, многие другие, которые в такой войне применяются. Наверное, это не случайно, определенные умы пришли к мнению, что эффективнее, безопаснее вести войну холодную и добиваться желаемых целей, чем войну с применением оружия массового поражения, т. е. войну горячую. Именно по этой причине появились двойные стандарты, двойная мораль, именно по этой причине переписывается история, навязываются чуждые нам, и не только нам, но и другим странам жизненные интересы, религиозные устои и многое другое.

Почему противник, или я более конкретно говорю — враг, сегодня избегает войны горячей и навязывает нам и втягивает нас в войну холодную? Да потому что, опираясь на опыт XX в., да и предыдущий в том числе опыт, он понимает, что в горячей войне и он, в том числе, не выживет, а выжить хочется. Более того, хочется не только выжить, но и победить. Поэтому и предложен такой вариант развития событий, такой вариант, такой тип войны, в которой возможно достичь заявленных целей, самим выжить, да еще и обогатиться.

Полагаю, что самое главное сейчас — определить цель, ради которой эта война ведется с нашей стороны. И сегодня об этом говорили: сохранение России, сохранение русской цивилизации, сохранение народов, их культуры и т. д. Надо определить тех союзников и врагов, а также нейтралов, с которыми либо по пути, либо не по пути. Важно определиться относительно того оружия,

которое мы планируем использовать, тех инструментов, которые в этой войне нам необходимы. Естественно, нужно определить, кто эту войну должен возглавить.

Сегодня много говорилось относительно элит. Я предполагаю, что такую войну может возглавить в стране только реальная элита, а не мнимая. Олигархи не являются элитой страны, это всего лишь те, кто обладает большими финансовыми ресурсами. У России духовным вождем всегда была интеллигенция. Присутствующие в зале — это лица, которые относятся к этой категории.

Что требуется в этом случае сделать и каким оружием воевать, раз уж эта война развязана? Это идеи, жизненные смыслы, ради которых Россия существовала и была привлекательна всегда не только для своего народа, но и для многих других стран. Кто создатель этого оружия? Конечно, ученые, деятели культуры, искусства и политики, которых надо вооружить этим оружием, как и всю интеллигенцию, весь народ России. Способны мы на это? Явно способны. Споры, которые ведутся друг с другом, должны не разъединять, а объединять, чтобы оружие быстрее наработать, вооружить им тех, кто обладает реальной политической властью. Споров может быть много, и сегодняшнее заседание клуба — подтверждение этому.

Надо сосредоточить мысль на том, что в этой войне ключевую роль играют не столько вооруженные силы, а ученые, учителя, преподаватели, деятели культуры, которые творят идеи, концепции, связанные с формированием и реформатированием сознания людей.

Я считаю, что в этой войне воином является каждый, в том числе присутствующий в этом зале, который ведет в этой холодной войне свой бой и так или иначе его выигрывает или проигрывает. Каждый на своем месте, если, конечно, он гражданин и патриот этой страны. И тогда останется меньше шансов у любой колонны — первой или пятой — работать против страны.

То, чем сегодня занимается Русский интеллектуальный клуб, позволяет вооружить руководство и граждан страны теми знаниями, которые позволяют эту войну вести. России всегда

нужны какие-то позитивные наработки. Нашему населению, как показали события последних лет, очень нужны позитивные эмоции и позитивные дела, будь то какие-то чемпионаты, конкурсы, олимпиады. Большие и малые победы вселяют оптимизм, укрепляют моральный дух населения. Если Русский интеллектуальный клуб и многие специалисты в области науки, образования и культуры будут предлагать подобные мероприятия, где Россия будет явно выигрывать, тогда и в холодной войне мы сможем уверенно и достойно победить. Благодарю вас.

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Уважаемые коллеги, есть ли еще желающие выступить? Нет. Думаю, все, кому есть что сказать по поводу холодной войны, имели возможность изложить свою точку зрения в полном объеме.

Первое, что я хочу сделать, подводя итоги нашей дискуссии, — поблагодарить абсолютно всех ораторов за прекрасные выступления. Всякий раз я испытываю чувство гордости за людей, которые состояли в нашем клубе, с которыми общаешься и дружишь уже более 15 лет.

Сегодня мы почтили память Игоря Николаевича Родионова, Владимира Андреевича Лукова, Леонида Ивановича Шершнёва. Двумя годами раньше ушел из жизни Владимир Васильевич Серебрянников — один из крупнейших теоретиков войны, генерал-лейтенант в отставке.

Давайте вспомним тех, кто первыми откликнулся 15 лет назад на мое предложение создать в нашем университете Русский интеллектуальный клуб, кто его возглавлял с первых дней, — сначала Никита Николаевич Моисеев, выдающийся математик и мыслитель, академик Академии наук СССР, а потом — Российской академии наук. В «лихие 90-е» Ельцин предложил ему возглавить Совет по науке при Президенте России. Никита Николаевич согласился. Но вскоре, видя, как вопреки его усилиям «реформаторы» уничтожают российскую науку, хлопнул дверью и в знак протеста оставил эту должность. Вскоре мы стали сотрудничать,

и он возглавил Русский интеллектуальный клуб. Память о нем жива. Мы учредили медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке», которую ежегодно вручаем лучшим ученым и педагогам страны.

После того как Никита Николаевич покинул наш грешный мир, президентом клуба стал Александр Александрович Зиновьев, только что вернувшийся тогда из 20-летнего германского уныния и тоски, где он оказался не по своей воле, на родную землю. Это был всемирно известный мыслитель, логик, писатель.

В память об Александре Александровиче на главном учебном корпусе установлена мраморная доска.

Сегодня наш клуб обогатился еще четырьмя незаурядными личностями, которые уже в ходе заседания продемонстрировали вполне свой мощный духовный запал и глубокий ум.

Теперь несколько фраз об итогах нашей дискуссии. Очевидно, что мы кое в чем расходимся во взглядах на холодную войну. В основном это детали, иногда достаточно крупные. Я хотел бы зафиксировать кое-что важное, в чем мы едины во взглядах.

Первое: все согласны с тем, что холодная война не просто вызревает, она уже идет. Это понимание надо донести до российского общества. Ибо тиражируются и другие точки зрения. Недавно я читал интервью академика РАН Андрея Кокошина, моего давнего знакомого. В свое время он был заместителем директора Института США и Канады, а в ельцинскую пору — замминистра обороны России. Он считает, что с заявлениями о холодной войне не надо торопиться. В таком мнении он не одинок.

Второе: мы согласились с тем, что холодная война — это самая настоящая война, от исхода которой зависит судьба России, ее тысячелетней истории и будущее российской, русской цивилизации. Нам есть что защищать.

Третье: основной целью нового этапа холодной войны является население России, сознание которого (особенно молодежи) должно быть перепрограммировано, переформатировано с традиционных российских ценностей на ценности западного, и прежде всего американского, общества. Смысл: получать в свое неограниченное пользование не пораженную радиацией огромную

территорию, сырьевое богатство, послушное население, говорящую на английском языке подневольную и дешевую рабочую силу.

Четвертое: никто не отрицал, что война холодная может в какой-то момент (какой — никто из нас сказать не может) перерасти в полномасштабную горячую войну.

Пятое: в холодной войне на стороне противника будут участвовать многообразная «пятая колонна» и откровенные предатели, которых ныне в нашей стране гораздо больше, и они сильнее, чем накануне Великой Отечественной войны и даже в холодной войне в годы горбачевщины.

Шестое: необходимо вести резко ускоренную работу по созданию способов и методов как в информационном пространстве по противодействию кибервойскам США, так и по созданию новейшего оружия для борьбы с врагом на воде, в небесах и на суше.

Седьмое: соотношение сил по всем позициям пока в пользу противника. Так было и в начале Великой Отечественной. Победной — в конце концов! Великой, Отечественной, Священной и победной — во что бы то ни стало! — должна стать и эта, набирающая свои темпы, пока еще холодная война.

Благодарю всех за работу.

Следующее заседание клуба состоится в ноябре. Предлагается обсудить вопрос воспитания в России. Подготовить доклад поручим Валерию Андреевичу Лукову.

До свидания.

США: ЧЕСТНЫЙ ВЗГЛЯД НА УКРАИНУ ИЗ... 1948 ГОДА

От нынешней внешней политики США исходит удушливый запах кромеишной лжи. Врут и обманывают направо и налево. Но когда читаешь некогда совсекретные, а теперь открытые американские доктрины и стратегии, удивляясь, отдаешь должное точности содержащихся оценок настоящего. Конечно, были и ошибки, но, как говорится, в пределах допустимых погрешностей. Нынешним бы аналитикам поучиться!

Вот американский проект «Украина», который, как полагают иные эксперты, радио- и телекомментаторы, начался с первого евромайда 2004 г. и обрел форму гражданской войны после свержения Януковича. При этом за горестное положение соседней страны в экономике, политике и других областях винят не столь американцев, сколь российских дипломатов и политиков: «Проглядели националистов и диверсантов!», «Упустили братскую страну!» Не без того. Верно. Но лишь отчасти...

Как ни удивительно, проект «Украина» задуман американцами почти 70 лет назад, у истоков холодной войны. Он был «упакован» в совершенно секретную директиву Совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 г. «Цели США в отношении России». Речь, понятно, о Советском Союзе, в состав которого в числе других 15 республик входила и Украинская ССР. В многоплановой по содержанию директиве есть раздел под названием «Раздробленность или территориальная целостность». Его авторы размышляют, что надо будет делать США, если они победят СССР «в результате военных действий, но политические процессы в России пойдут своим собственным курсом».

Думаю, читателю интересно знать, как представляли американские аналитики и футурологи, «что такое — Украина». Интересно не только с исторической точки зрения. Думаю, с тех пор в их представлениях об Украине (как, впрочем, и России) мало что изменилось, если не сказать — не изменилось ничего. Для страны «уникальной» и «исключительной» с «богоизбранным

народом», как видят себя США, все человеки — «недочеловеки», а государства — «недогосударства». Что особенного может произойти за какие-то 70 лет в этих «недостранах»?..

Хочу привести весь текст названного раздела без каких-либо комментариев. Лишь напомню: директива написана в августе 1948 г. Итак:

«Прежде всего, важно определить, что именно при подобном развитии ситуации будет для нас более выгодным: сохранение территории Советского Союза под управлением одного режима или территориальная и политическая раздробленность. Более того, если территории останутся под единым управлением (по крайней мере, в своем большинстве), то каковой должна быть степень федерализации будущего правительства России? И что делать с основными меньшинствами, **например с Украиной?**

Мы уже касались проблемы Балтийских стран. Балтийские страны не должны остаться под властью коммунистов после окончания войны. Если сопредельные Балтийским странам территории будут подконтрольны некоммунистическим российским властям, то нам следует исходить из пожеланий балтийских народов и из степени умеренности, которая будет присуща новой российской власти по отношению к Балтийским странам.

В случае Украины мы сталкиваемся с другой проблемой. Украина — это наиболее продвинутая страна, которая находилась под властью России в последнее время. Как правило, Украина была недовольна российской властью. Украинские националистические организации вели бурную деятельность за границей. Очевидно, что **Украина должна быть освобождена от влияния России, она должна развиваться как самостоятельное независимое государство.**

Однако нам следует обращаться с подобным утверждением крайне осторожно. Его простота может быть осуждена в рамках реалий Восточной Европы.

Очевидно, что Украина была не в восторге от российского правления. Также очевидно, что **что-то должно быть сделано для защиты позиций Украины в будущем.** Однако не стоит упускать из виду и следующее. До тех пор пока украинцы являлись важной

и особой составляющей Российской империи, **они не демонстрировали признаков нации**, способной взять на себя ответственность независимости перед лицом великорусской оппозиции. **У Украины нет четких этнических или географических рамок.** Сейчас население Украины, которое в основном складывалось из людей, бежавших от российского или польского деспотизма, незаметно растворяется среди тех же русских и поляков. **Какой-либо четкой границы между русскими и украинцами нет, и провести ее не представляется возможным.** Города на территории Украины были в основном русскими или еврейскими. Так что основой чувства национальной самобытности является чувство «отличия», основанное на **своеобразном крестьянском диалекте и незначительных различиях в традициях и фольклоре.** Политическая агитация — это работа нескольких «романтиков-интеллектуалов», которые не имеют большого представления об ответственности правительства.

Экономика Украины тесно связана с экономикой всей России. Там никогда не было экономической обособленности, и с тех пор как эти территории были отвоеваны от кочевников-татар, экономика соответствовала оседлому образу жизни населения. Поэтому **попытки отделения украинской экономики от экономики России и ее дальнейшего развития как самостоятельной будут столь же неестественными и столь же пагубными** для нее, как, например, попытки отделить Кукурузный пояс, включая промышленную зону Великих Озер, от экономики США.

Более того, народы, говорящие на украинском диалекте, были разобщены, так же как и те, кто говорил на белорусском диалекте. В Восточной Европе основным фактором, определяющим национальную принадлежность, всегда была религия. Если и можно провести какие-либо границы, то это должны быть границы между приверженцами католицизма и приверженцами православия.

В конце концов, **мы также не можем быть безразличны к чувствам самих великороссов.** Они были основной национальной составляющей в Российской империи, они являются таковой и в Советском Союзе. Эта нация останется на этих территориях основной вне зависимости от того или иного статуса.

Следовательно, любой политический курс США, рассчитанный на долгосрочную перспективу, должен строиться на принципах сотрудничества с ними. **Территория Украины является частью их национального наследия**, и они прекрасно это осознают. Поэтому решение о полном отделении Украины от остальной России вызовет лишь протесты и негодование, и по этой причине его осуществление возможно **только с помощью силы**. Однако существует вероятность того, что великороссы будут вынуждены смириться с вновь обретенной независимостью Балтийских стран, так как они спокойно относились к независимости этих территорий от русского влияния в течение долгого времени в прошлом, и на подсознательном уровне они осознают, что эти народы способны справиться с требованиями, предъявляемыми к независимым государствам. **В случае с украинцами ситуация иная. Они слишком близки к русским, и это не позволяет им позиционировать себя как что-то отличное от русских, и хорошо это или плохо, но судьба вынуждает их иметь соответствующие отношения с Россией.**

Кажется очевидным, что оптимальным вариантом будут отношения, построенные на принципе федерализма, при котором Украина будет иметь определенную степень политической и культурной свободы, но будет зависимой в экономическом и военном плане. Подобная модель отношений будет отвечать и интересам русских. Следовательно, скорее всего, цели США в отношении Украины могут осуществляться в указанных рамках.

Следует отметить, что данный вопрос имеет гораздо большее значение в долгосрочной перспективе, чем может сейчас показаться. Группы украинских и русских эмигрантов, стоящих в оппозиции к нынешней власти, уже сейчас борются за поддержку США. Манера, в которой они запрашивают у нас помощь, может оказать существенное влияние на развитие движения, борющегося за политическую свободу в России. Поэтому нам важно принять определенное решение и четко следовать выбранной линии. **Мы не должны занимать прорусскую или проукраинскую позицию.** Наша позиция должна признавать исторические,

географические и экономические реалии, и исходя из этого мы должны будем подыскать для украинцев приемлемое и достойное положение среди народов Российской империи, **неотъемлемой частью которой они всегда являлись.**

Однако следует подчеркнуть, что хотя мы и не должны преднамеренно стремиться к усилению сепаратистских настроений на Украине (о чем говорилось выше), тем не менее **мы также не должны препятствовать какому-либо независимому режиму на Украине, если таковой появится там без нашего вмешательства.** Так как если мы будем противиться этому, то это будет означать для нас нежелательную ответственность за вмешательство в развитие России. Кроме того, Россия постоянно будет бросать вызов подобному режиму. Если бы Украина смогла успешно обеспечивать себя, это позволяло бы говорить, что вышеприведенный анализ был неточным и что Украина имеет моральное право на независимый статус. Мы должны занимать нейтральные позиции до тех пор, пока наши военные или экономические интересы не будут как-либо затронуты. Нам следует начинать выступать за федеральное устройство только в том случае, если станет очевидным, что ситуация зашла в тупик. То же самое можно сказать и о попытках достижения независимости любыми другими национальными меньшинствами, проживающими на территории России. Однако нам представляется маловероятным, что какие-либо меньшинства смогли бы реально сохранять независимость в течение какого-либо времени. Но стоит им лишь попытаться (а вполне вероятно, что народы Кавказа именно так и поступят) — наше отношение к этому должно быть таким же, как и в случае Украины. Нам стоит проявлять осторожность и не противостоять подобным попыткам, так как это навсегда лишит нас симпатии тех или иных национальных меньшинств. **С другой стороны, мы не должны считать себя обязанными помогать им, особенно если станет ясно, что для этого нужна наша военная помощь».**

...Сегодня американцы, конечно, в бешенстве. Еще недавно их планы состояли в том, чтобы напрочь оторвать Украину от России (и это им в немалой степени удалось), выдавить из

Севастополя Черноморский флот, разместить в Крыму и на Украине базы НАТО. Но теперь Крым в составе России, а Черноморский флот где стоял, там и стоит — в российском порту. В связи с этим «национальные интересы» США и сместились в сторону юго-востока Украины, прямо на границу с Россией. Похоже, авторы анализа 1948 г. были более реалистичны.

Необходимое дополнение

Исторический нонсенс

Фундаментальная ошибка в нашем государственном строительстве, если оценивать ход событий исходя из последствий принятых решений, была совершена 30 декабря 1922 г. Тогда Российская СФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР подписали договор об образовании СССР. До этого Украина была частью России, украинцы — русскими. Понятия «Украина» как государство фактически не существовало. Малороссы (украинцы) не имели земельных территорий и городов. Ими наделили их русские цари: Алексей Михайлович в 1630 г. построил крепость Харьков, а в 1656 г. основал Харьковское воеводство; он же в 1655 г. указал малороссам, бежавшим от поляков, селиться в городе Сумы. В 1754 г. Елизаветой Петровной заложен Кировоград. Екатерина II в 1770 г. основала Александровскую крепость — ныне Запорожье; в 1776 г. она же основала центр Азовской губернии — ныне Днепропетровск. В 1794 г. по приказу Екатерины II была основана Одесса, а в 1795 г. — Луганск. В 1789 г. князь Григорий Потемкин начал строительство верфи в устье реки Ингул, где затем вырос Николаев. Александр II в 1869 г. основал поселок, на месте которого вырос Донецк. Как результат Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крымское ханство было признано независимым от всякой посторонней власти, в 1783 г. его земли вошли в состав России. После разделов Польши в 1772–1795 гг. Галиция перешла во владение австрийских Габсбургов, а остальная часть Правобережной Украины, в том числе Подолье, Волынь, — во владение Российской империи. На присоединенных к России в разные времена степных землях Запорожья, Север-

ного Причерноморья и Тавриды, на месте казацких и татарских поселений основываются русские, в том числе ныне крупные, города Кривой Рог (1775), Херсон, Мариуполь, Севастополь (1783), Симферополь, Мелитополь (1784).

Осенью 1939 г. Западная Украина по договоренностям СССР с Германией была занята Красной армией и присоединена к УССР. В 1940 г. после вступления советских войск на территорию Румынии к УССР были присоединены часть Бессарабии, Северная Буковина и область Герца.

В 1945 г. согласно договору СССР с Чехословакией к Украине была присоединена Закарпатская область. В 1954 г. в честь ознаменования «300-летия дружбы Украины с Россией» из состава РСФСР в состав УССР была передана Автономная республика Крым.

В еврейских средневековых памятниках упоминаются города Приднепровья и Крыма, в которых жили евреи: Алушка (Алубика), Алушта (Алус), Гурзуф (Грузив), Керчь (Керц), Киев, Мангуп, Партенит (Бартенит), Судак (Сугда), Солхат, Феодосия (Каффа), Чернигов, Чуфут-Кале (Каркери) и другие.

Теперь многие из названных городов (кроме крымских) принадлежат Украине... Вот такая историческая «загогулина»... А по Украине бродит миф, будто не украинцы от русских, а русские от украинцев произошли.

На деле же именно благодаря дореволюционной России, а затем советской власти Украина обрела огромную территорию и десятки городов, многомиллионное население, из аграрной стала преимущественно индустриальной. Украинизация, которой советская власть, по сути, не препятствовала, резко повысила уровень грамотности жителей, превратила украинский язык из бытового диалекта в литературный, появились национальная интеллигенция, обостренное национальное самосознание, переросшее у части граждан в нацизм.

Если в начале XX в. в рядах националистов было несколько сотен радикалов, то в годы советской власти, особенно в период Великой Отечественной войны, их счет пошел на десятки и сотни тысяч. Царская, а затем советская власть из-за

недальновидности взрастили себе ярых врагов. Идеи превосходства своей нации в итоге оказались для многих украинцев привлекательнее идей интернационализма, равенства и дружбы народов. Бывший президент Украины Кучма даже выпустил книгу «Украина — это не Россия». Исторический нонсенс! Не точнее ли утверждать, что Украина — это просто не обычный фантом?

*Игорь Ильинский,
президент Русского интеллектуального клуба,
профессор*

ПРАВДА О «ЦЕНЕ ПОБЕДЫ»

Великая Отечественная война стала для СССР страшной трагедией. Всем известны ее масштабы. Урон от нанесенных войной разрушений в 20 раз превысил национальный доход страны в 1940 г. Страна лишилась 30% национального богатства. В денежном выражении — 260 млрд долл. Это половина стоимости всех разрушений во всех странах мира за годы Второй мировой войны.

Однако, когда разговор заходит о «цене Победы», об этих цифрах как будто забывают. Вроде бы понятно, почему: разрушенное восстановили, понастроили новых городов и сел, заводов и фабрик, электростанций и мостов, создали атомное и водородное оружие, запустили в космос «спутник», а потом и человека. И все это в фантастически короткие сроки. Советский Союз стал второй сверхдержавой мира, им восхищались сотни миллионов людей планеты, ему хотели подражать целые государства, а иные откровенно побаивались...

Советские люди гордились страной, но в их душах незаживающей раной жила и непреходящей острой болью ныла память о родных и близких, погибших на той проклятой войне, хоть и была она воистину Отечественной и Священной.

Цифра 7 млн человек, оставшихся навсегда лежать в родной и чужой земле, в сталинские времена почти не росла.

И вдруг на XX съезде партии Хрущев потряс умы и души людей известием, что на фронте, в партизанских отрядах, в плену и на оккупированных территориях погибли 20 млн воинов и мирных граждан. Позднее Брежнев подтвердил эту цифру. Общество мучительно осмысливало страшную новость, проясняя в жестоких спорах вопросы «Почему так много?», «Кто виноват?..» В конечном счете все списали на ошибки Сталина и сталинизм: «Ведь был же XX съезд партии, ведь Хрущев сказал...» Тем в основном и успокоились. Казалось...

Но грянула яковлевская «гласность», горбачевская «революционная перестройка», а следом — ельцинские «коренные реформы». В пору «гласности» и впоследствии у некоторых

журналистов, писателей, политиков, историков и беглых разведчиков произошло большое умопомрачение. Соревнуясь друг с другом в злобно-слезливых публикациях по поводу вдруг опостылевшего им советского строя, ненавистного Сталина, они вываливали на головы ошалевшего народа горы цифр о Великой Отечественной, делая их все страшней и страшней. В начале 1990-х дотянули соотношение советских и немецких военных потерь до 1:3, что означало, по их мнению, будто СССР потерял на фронте втрое больше солдат и офицеров, чем немцы. Уже эти цифры вызывали в народе грустные и гневные мысли. А потом и вовсе словно с цепи сорвались!.. «...*Советские солдаты буквально своими телами загородили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мертвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата...*» — писал футуролог И. Бестужев-Лада. «...*В конечном счете — и это скорбный факт — на одного погибшего немца приходится четырнадцать наших воинов*», — утверждал социолог А. Уткин.

Всех удручала и удручает поныне прежде всего общая цифра людских потерь в ходе Великой Отечественной войны: 26,6 млн человек. Это — официальная цифра, на которой после долгих дискуссий сошлось большинство военных историков и политиков. Однако некоторым «аналитикам» она казалась заниженной. Появились цифры общих потерь в 37 и даже почти 45 млн человек. В чем смысл? Сказать все то же, только снова и громче: «Страной управляли, армией командовали жестокие недоумки, кровожадные параноики, не щадившие народ, солдат и офицеров, завалившие трупами путь победоносной немецкой армии. Какая же это Победа, да еще — Великая? Как можно ежегодно праздновать такую «победу»?» И не празднуют, как в Прибалтике, Молдавии, Грузии, или объявляют День Победы «Днем поминовения павших... в борьбе с коммунизмом», как это сделали современные нацисты, наследники Бандеры, на Украине...

Статистика, даже такая скорбная, вещь лукавая. Ее надо тщательно анализировать и беспристрастно объяснять. Только тогда можно понять суть вещей. Для начала цифру 26,6 млн человек

необходимо разделить на две крупные части, из которых она складывается: **потери вооруженных сил и потери гражданского населения.**

Кто лучше воевал, кто хуже, в конечном счете можно понять из сравнения потерь вооруженных сил СССР и Германии на советско-германском фронте от начала войны до ее конца. И что же выясняется?

Принято считать, что безвозвратные боевые потери **Германии** (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговорам военных трибуналов, не вернулись из плена) за 1418 дней войны составили 8 млн 876,3 тыс. военнослужащих, а вместе с потерями ее союзников — **10 млн 344,5 тыс.** человек. Безвозвратные боевые потери **СССР** за те же 1418 дней войны — 11 млн 444 тыс. человек, а вместе с потерями союзников (76 тыс. человек) — **11 млн 520 тыс.** человек. Обратите внимание: союзники Гитлера потеряли на советско-германском фронте 1 млн 467,5 тыс. человек, союзники СССР — 76 тыс. человек. Таким образом, **соотношение безвозвратных боевых потерь Германии и СССР 1:1,1.** Различие не столь разительное, но в пользу противника. Чем это обычно объясняется?

Во-первых, безусловно, сказались внезапность нападения, просчеты военно-политического руководства СССР в первый период войны. В принципе так и есть. Хотя роль этих факторов значительно преувеличивается.

О том, что Гитлер может начать войну внезапно, Сталин понимал. Он говорил об этом на совещании командного состава Красной армии в мае 1940 г., т. е. всего через восемь месяцев после подписания с Германией 23 августа 1939 г. пакта о ненападении. Чего не понимали (не хотели понимать?) прежде всего начальник Генштаба РККА Жуков (в чем он признался в книге «Воспоминания и размышления») и нарком РККА Тимошенко? Не понимали того, что суть внезапности «проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает» (К. Клаузевиц), что главными элементами внезапности являются скрытность сосредоточения и быстрота

действий в направлении главного удара. В плену иллюзий, что ему удастся переиграть Гитлера, находился и генсек ВКП (б) Сталин. Но все-таки, на мой взгляд, в первом ряду виноватых за эти просчеты должны стоять военные, а не политик Сталин.

Говорят, будто Сталин симпатизировал Гитлеру, хотел с ним сотрудничать. Это ложь. Сталин изо всех сил пытался создать антигитлеровскую коалицию с Англией, Францией и США, но — безуспешно. Поэтому, когда Гитлер предложил ему заключить пакт о ненападении, Сталин, думаю, лишь скрепя сердце пошел на это. Страна не была готова к войне, надо было выигрывать время.

Говорят, будто Советский Союз не готовился к войне. И это — ложь. Подготовка к войне с потенциальным противником шла полным ходом. В 1928 г. в СССР было 46 военных заводов, в 1938-м — 220. В 1939 г. военный бюджет составлял 25,6% от общего бюджета СССР, в 1940 г. вырос до 32,6%, а в 1941 г. — до 46,6%. В производстве находились самолет-штурмовик Ил-2 («летающая крепость»), реактивная артиллерийская установка «Катюша», несколько заводов производили танк Т-34. Для полной готовности к войне с Гитлером нужны были еще год-полтора. Сталину, надо думать, не верилось, что Гитлер, находясь в состоянии войны уже два года, решится на войну на два фронта. Тут он ошибся. Но и Гитлер, напав на СССР, совершил смертельную ошибку — для страны и лично для себя.

Говорят, будто Сталин не верил данным разведки о начале войны. Это тоже ложь. Не вполне доверял — это правда. Почему? Данные разведки нередко были весьма приблизительными.

Вот легендарный разведчик Рихард Зорге. 6 мая 1941 г. Зорге, работавший в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио, сообщает начальнику Разведуправления Генштаба РККА: «Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией». В мае — это близко к истине, хотя говорится не о том, что война начнется в мае, а что «решение о начале войны будет принято в мае». Когда же она начнется? Из слов Зорге

не ясно. Тем более странно выглядят слова «либо после войны с Англией». Кто мог сказать, когда закончится эта война?.. Позднее Зорге прислал несколько точных сообщений, но их не приняли во внимание. Почему? Еще в 1937 г. руководство Разведуправления РККА сообщило Сталину, что Зорге разрешили работать на разведку Германии. Таких разведчиков тщательно перепроверяли.

21 июня 1941 г. начальнику Разведуправления Генштаба РККА поступило сообщение: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна». «Неизбежна». И все. Между тем до начала войны оставалось несколько часов. Надо понимать и то, что с обеих сторон шла изощренная игра по дезинформации противника.

Во-вторых, в еще большей мере на соотношение 1:1,1 в пользу фашистской Германии повлияло количество советских военнопленных, уничтоженных и умерших в нацистских концлагерях из-за нечеловеческих условий содержания и голода, — **2 млн 722,4 тыс.** человек. Эта цифра **в пять раз (!)** выше количества военнослужащих противника, умерших в советском плену, — 579,9 тыс. человек. Хотя количество попавших в плен советских и немецких военнослужащих почти одинаково: 4 млн 559 тыс. человек — советских и 4 млн 376,3 тыс. — немецких.

Спросят: при чем тут военнопленные, когда речь идет о безвозвратных потерях? Дело в том, что после войны часть оставшихся в живых пленных обеих воевавших стран вернулась на свою родину. Однако из 4 млн 559 тыс. советских военнопленных возвратились **только 1 млн 836 тыс.** человек, а у немцев с союзниками — **3 млн 572,6 тыс.** человек. В результате этого количество безвозвратных потерь у каждой из воевавших стран соответственно уменьшилось на эти цифры.

Казалось бы, заниматься математическими выкладками далее не стоит, тем более, как принято считать, история не имеет сослагательного наклонения. Но это не абсолютная истина. Да, переделать свершившиеся события мы не можем, как не можем воскресить мертвых. Но размышлять о том, как могли бы развиваться события, «если бы...», имеем право.

Представим: «если бы» в немецком плену не было убито и заморено голодом в пять раз больше советских военнопленных, чем немцев в советских лагерях, «если бы» в СССР возвратились не 1 млн 836 тыс. человек, а, скажем, на 2 млн больше, т. е. 3 млн 836 тыс. человек, то картина с безвозвратными потерями советских войск изменилась бы существенно и составила бы 7 млн 608 тыс. человек, а не 11 млн 444 тыс. И тогда безвозвратные потери СССР были бы близки к таким же потерям немцев с их союзниками.

Кроме того, как считают специалисты, в немецких архивах и разных публикациях приводятся приближенные, а не точные данные людских потерь вермахта. Наиболее достоверны они лишь до января 1945 г. На последнем этапе войны, когда немцы терпели крупные поражения, им было не до учета убитых и раненых. Но «если бы» были известны точные потери немцев за этот период, соотношение боевых потерь СССР и Германии еще более изменилось бы в нашу пользу.

Далее (и это чистая правда), захватив страны Европы, Германия использовала их население для усиления мощи вермахта. В этих целях были мобилизованы свыше 1 млн 800 тыс. человек. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов. На 1 июня 1944 г. численность этих формирований составляла 486,6 тыс. человек, из которых 333,4 тыс. воевали на советско-германском фронте. В войсках «СС» состояло 26 добровольческих дивизий, в которых служили албанцы, голландцы, датчане, венгры, бельгийцы, французы, латвийцы, литовцы, эстонцы, украинцы. Все эти соединения входили в состав вермахта. Их потери учитывались, но, как считают специалисты, их точность сомнительна. Но «если бы» их уточнить, то...

Далее (и это правда) в опубликованных документах ничего не говорится о потерях гитлеровцев в таких чисто немецких формированиях, как военно-полевая полиция, СД (служба безопасности), гестапо, общие силы СС. Между тем в каждом из этих воинских объединений числилось не менее 250 тыс. человек. В целом общая цифра может колебаться от 800 тыс. до 1 млн человек. Но «если бы...».

Правда в том, что не учтены потери вермахта за последние месяцы войны в Европе (в том числе Восточной), хотя только с 1 января по 30 апреля 1945 г., по данным немецкого командования, его безвозвратные потери составили **1 млн 277 тыс. человек**.

И наконец, парадоксальный, но истинный факт: в число потерь вооруженных сил Германии не включены воевавшие на ее стороне **советские** предатели — Русская освободительная армия генерала Власова (РОА), Отдельный русский корпус генерала Скородумова, сформированный из бывших белогвардейцев, 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, русский пехотный корпус генерала Штейфона, объединения украинских националистов под руководством Бандеры. Более того, эти предатели (500 тыс. человек), воевавшие против СССР, уничтожавшие военнослужащих и мирных граждан, входят в число безвозвратных потерь... Красной армии.

С учетом всех названных «если бы» **безвозвратные потери германской армии и других вооруженных сил в действительности значительно больше тех, о которых знает мир**. Во всяком случае, они выше потерь Красной армии.

Я думаю, что после сказанного рассуждать всерьез о том, чьи войска воевали лучше — советские или немецкие, не стоит: неоспоримую победу над фашистской Германией (с запоздалой помощью наших «союзников поневоле») силами своих войск одержал Советский Союз.

Только с 1 января по 30 апреля 1945 г. советские войска взяли в плен 20 генералов, 1014 офицеров, 59870 унтер-офицеров и 1 млн 235 тыс. 440 солдат, а в целом — 1 млн 305 тыс. 344 человека. Только с 1 по 9 мая 1945 г. советским войскам сдались в плен 634 950 военнослужащих вермахта, в том числе 66 генералов и 10 424 офицера. Уже после 9 мая 1945 г. перед Красной армией сложили оружие почти 1 млн 600 тыс. немецких солдат и офицеров.

Самая страшная для обычного человека — это цифра **26,6 млн человек** — советских военнослужащих и гражданского населения, погибших в ходе Великой Отечественной войны. В это число демографических людских потерь входят убитые в бою, умершие

от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся в страну рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны. У Германии и ее сателлитов эта цифра — 11,9 млн человек. Наши потери в 2,2 раза больше. Без анализа и беспристрастных рассуждений цифры «26,6 млн» и «2,2 раза» наводят на печальные размышления...

Однако чисто арифметический подход и здесь недопустим. Существует целый ряд обстоятельств, которые нельзя не учитывать.

Во-первых, это коренное различие в целях войны.

Германия во главе с Гитлером была единственным врагом за всю историю нашей страны, открыто поставившим задачу физического истребления славян — русских, украинцев, белорусов, поляков. В отношении русских в гитлеровском плане «Ост» («Восток») говорилось: «Или **полное уничтожение русского народа**, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы».

«Философия» германского фашизма концентрированно изложена в следующих словах Гитлера: «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развивать технику, истребляя население... Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви». Эта «философия» и была основой политики Гитлера на временно оккупированной советской территории.

Одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе была «Памятка немецкого солдата», в которой содержались такие призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, **убивай всякого русского**, не останавливайся, если перед тобой **старик или женщина, девочка или мальчик**... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы

Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

В конечном счете гитлеровцами было преднамеренно истреблено 7 млн 420 тыс. 379 человек. Погибли на принудительных работах в Германии 2 млн 164 тыс. 313 человек. От жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) погибли 4 млн 100 тыс. человек. А всего — 13 млн 684 тыс. 692 человека. Во время ленинградской блокады только от голода умерли от 641 тыс. до 800 тыс. человек, от артобстрелов и бомбежек погибли более 30 тыс. человек. К числу общих потерь гражданского населения отнесены 451 тыс. так называемых невозвращенцев, завербованных в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы, США.

Таким образом, **из 26,6 млн общего числа жертв войны в Советском Союзе одну треть составила убыль военнослужащих (8 млн 668,4 тыс.), а две трети — 17,9 млн человек — гражданское население.**

В отличие от нацистской коммунистическая идеология утверждала дружбу и равенство всех народов и рас, отвергала теорию национальной исключительности. Именно поэтому **перед советскими войсками не стояла задача уничтожения немецкого народа**, они боролись с армейскими соединениями Рейха, и когда вошли на территорию Германии, гибель мирных людей происходила в ходе боевых действий, но не была преднамеренной. За убийство мирных граждан и мародерство советских солдат и офицеров судили и сурово карали вплоть до расстрела.

Заметим, что военные действия на советской территории длились более трех лет, а на немецкой — менее пяти месяцев. В целом за всю Вторую мировую войну (с 1 сентября 1939 г. по 9 мая 1945 г.) вооруженные силы Германии потеряли убитыми и ранеными (по неполным данным) 13 млн 448 тыс. человек, из которых, как уже говорилось, 11,9 млн человек — на советско-германском фронте. Это 75,1% от числа мобилизованных в годы войны и 46% всего мужского населения Германии, включая Австрию.

Вот «цена поражения». А позор, стыд и унижение немецкого народа перед всем человечеством?.. Вот о чем надо говорить, а мы молчим. Корим себя, великодушные. А зря.

Кто скажет мне: а какой она должна была бы быть — «цена Победы»? Всерьез этот вопрос не возьмется обсуждать ни один здравомыслящий человек. Скажу так: как вышло, так и вышло. Главное, как мыслят простые люди (я один из них), мы одержали Победу, и Победу эту иначе как Великой назвать нельзя. Ибо речь шла и о том, быть или не быть советскому общественному строю, которому не дали вызреть и вполне развиться внутренние и внешние враги. Речь шла и о еще более важном: **быть или не быть русскому народу, России как таковой со всеми ее другими народами, нациями и народностями**, которые, по определению Гитлера и его идеологических глашатаев, считались «человеческим мусором», место которому в душегубках и газовых печах.

В этом смысле рассуждать о «цене Победы» перед памятью тех, кто отдал за нее свои жизни, аморально и грешно. Великая Победа в Великой Отечественной войне бесценна.

Нет на карте мира великой державы Советский Союз, но есть Россия, есть еще мы, «дети войны», есть новые поколения, а значит, у России и ее народа есть будущее.

Печаль по отдавшим свои жизни за наше право жить на белом свете, плодиться, растить детей и внуков, возвышать роль России в агрессивном мире теперь, уже в XXI в., не может затмить нашу гордость за героев, погибших за нашу Родину, за Великую Победу. А «побежденным, — как говорил когда-то канцлер Германии О. Бисмарк, — мы оставим только слезы, чтобы было чем плакать...»

*Игорь Ильинский,
ректор Московского гуманитарного
университета, доктор философских наук,
академик Российской академии военных наук,
доверенное лицо Президента РФ В. В. Путина*

БЕЛАЯ ПРАВДА БУНИНА (Заметки о бунинской публицистике)

Иван Алексеевич Бунин с полным основанием живет в сознании миллионов (в моем тоже) как великий писатель и поэт: волшебник слова, классик русской литературы, первый из российских писателей нобелевский лауреат... Национальное достояние. Национальная гордость.

И мало кто знает Бунина как публициста: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. на излете горбачевской «перестройки» были опубликованы «Окаянные дни», основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Однако десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя. Кроме всего прочего и потому, что Бунин **завещал не переиздавать** свою публицистику после его смерти.

Нашлись люди, нарушившие этот завет. Так появилась книга «Великий дурман», напечатанная в России в 1997 г. В 2000 г. издательства «ИМЛИ РАН» и «Наследие» опубликовали книгу «И. А. Бунин. Публицистика. 1918–1953 годы».

Теперь каждый может составить свое и полное представление о Бунине-публицисте, и о самой его публицистике, которая, на мой взгляд, требует гораздо более глубокого анализа, чем сделан пока в немногочисленных хвалебных статьях. Дело в том, что в нынешней России Бунин, как художник, почти что канонизирован, неприкасаем. «Окаянные дни» и остальная его публицистика используются как своего рода акт обвинения Октябрьской революции и советской власти.

Между тем Бунин-публицист — нечто иное, чем Бунин-художник; бунинская публицистика — что-то совершенно особое, стоящее в стороне от его собственно художественного творчества, хотя исходит из того же ума, той же души, и в этом смысле художественное и публицистическое вроде бы должны представлять органическое целое. Но не представляют. Вот об этом «ином» и «особом» в бунинском творчестве я и хочу порассуждать.

Думаю, что дискуссии о публицистике Бунина еще впереди, и они будут проходить в жестких спорах.

Никто не может стать великим писателем или поэтом, не будучи одновременно глубоким философом и мыслителем. Я не встречал статей, в которых о Бунине говорилось бы в таком роде. Может, потому, что доказывать это и не требуется. Именно в силу выдающегося ума, уникальной наблюдательности и прозорливости бунинская публицистика великолепна не только по форме, стилю и языку, чем Бунин славен прежде всего, но также по точности многих оценок тех событий, свидетелем которых он был.

Публицистика Бунина, несомненно, **художественная**. Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило в ходе Октябрьской революции 1917 г., что творили, как он говорил, эти «полудикари», эти «хамы», эта «чернь» в годы Гражданской войны; из бури бунинских эмоций, едва успевавших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и «страшные слова», неумеренные выражения, поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встает фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека — фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая **свою правду** и готовая ради нее идти своим путем до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но и бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать «Окаянные дни» мне было тяжело, а временами — крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там остались все лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намека на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на негативном, грехах и темных сторонах революции, новой власти и революционной «толпы». Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всем, что происходило вокруг, старательно собирал все дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно — в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Слишком. Несогласие и протест вызывают именно пережест, нарушение чувства меры. «Люблю и ненавижу» одновременно — вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. «Кто смеет учить меня любви к России?» — возмущенно вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: «Мщениа, мщениа!»

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Разумеется, есть немало вещей, где Бунин прав, с ним должен согласиться любой разумный человек. Как можно, например, возражать его яростному протесту против восстаний, революций, войн и всякого насилия? Да, именно в эти моменты истории из человека вырывается все низкое, животное, зверское, происходит одичание и варваризация народа.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II

от революции, советовал ему: «Любите врагов своих!..» «Идите по пути христианского исполнения воли Божией...» И так — во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всем, слепо и безрассудно, нельзя. Бунин не все понимал. Бунин кое в чем заблуждался, кое в чем крупно ошибался. А кое-что (ради «художественности»), судя по всему, домысливал, а то и выдумывал...

О документальности

Как известно, публицистика — это литература по общественно-политическим вопросам современности. Но в какой степени публицистика как род **литературы** может быть художественной? Конечно, прежде всего — это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься **в политику**, а значит, **и в идеологию** — особые и сложнейшие сферы жизни и области специального знания. Представить, будто «Окаянные дни» — это «художественное произведение», в котором есть страницы, «которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным»¹, как это писал М. А. Алданов, — это слишком. На мой взгляд, «Окаянные дни» — документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю, и главное — **ответами** на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил. Рефлексировал, рисовал...

Безусловно, публицистика — неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, **документ времени**. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин **не раз**

¹ Алданов М. А. И. А. Бунин. Собр. соч. «Петрополис», 1935. Т. 9, 10 // Современные записки. 1935. Кн. 59. С. 472.

вносил **многочисленные** правки — стилистические, документальные, идеологические. Мало того что сам текст «Окаянных дней» лишь **основан** на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918–1920 гг. его жизни, а в основном **написан заново** в 1925–1927 гг. уже в Париже по просьбе редактора газеты «Возрождение» П. Б. Струве, Бунин, «готовя “Окаянные дни” для берлинского собрания сочинений, значительно **переработал** текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной...»¹. «Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и **идеологический** характер»². Многократное и тщательное исправление текста все-таки не могло не исказить документальное начало. «В тексте “Окаянных дней”, — замечает Д. Риникер, — обнаруживаются **пласты**, различающиеся по **происхождению** и по **времени написания**»³.

Стоит задаться вопросом: что служило главным **источником** глубокомысленных выводов и ожесточенных высказываний Бунина? Газеты и слухи.

«Всё слухи и слухи», — пишет он в «Окаянных днях» 12 апреля 1919 г. в Одессе. «Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе»⁴. Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц «Окаянных дней»⁵ от 28 февраля 1918 г. «Вести со Сретенки — немецкие солдаты заняли Спасские ворота»; «Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение»⁶; «В Петербург будто бы вошел немецкий корпус»; «Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта» (на самом деле этого не было. — *И. И.*). «Рассказывал в трамвае солдат...»; «Д. получил сведения из Ростова...»;

¹ Иван Бунин. PRO et Contra. СПб., 2001. С. 629.

² Там же. С. 629.

³ Там же. С. 641.

⁴ Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 6. С. 309.

⁵ Там же. С. 292, 293.

⁶ Там же. С. 293.

«Д. прибавил: “Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестер милосердия”; ну, если не шестьсот, то все-таки, вероятно, порядочно»; «Повар от Яра говорил мне...»; «Вести из нашей деревни...». И так — едва ли не на каждой странице.

Читаешь — и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что кроме газет и слухов других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?»¹

Люди, конечно же — люди! Только другие люди — господа, люди других сословий, других интересов, чем интересы просто-народа, «полудикарей», «черни».

Бунинская публицистика, особенно «Окаянные дни», — это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где наверняка и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в «Окаянных днях» запись: «Толстой сказал про себя однажды: “Вся беда в том, что у меня **воображение** немного живее, чем у других...” Есть и у меня эта беда»².

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, — самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от нее?.. Правда, сказанная

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 282.

² Там же. С. 296.

злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемен от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду, хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна все же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив, и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не «икона», кто только что почитался «иконой», да перешел в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное, безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля — нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О революции

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам школьникам рассказывают, что никакой «великой» и «социалистической» революции в октябре 1917 г. в России не было, а был «большевистский переворот», «захват власти», да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

«Тихонов рассказывал мне, — пишет Бунин, — как большевики до сих пор изумлены, что им удалось **захватить** власть и что они все еще держатся»¹. «Луначарский после **переворота** недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести, и вдруг такой неожиданный успех!»² Позднее Троцкий писал в дневнике: «Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции»³.

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 297.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 414.

«**Неизбежна была революция или нет?**» — спрашивает Бунин. И говорит: «**Никакой неизбежности, конечно, не было**, ибо, несмотря на все недостатки, Россия **цвела, росла**, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, **ломившийся от всякого скарба дом**»¹.

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался.

Проблема, которую не хотел знать и понимать Бунин, состояла в том, что в XX в. Россия вошла **с феодальной идеологией, с представлением о божественном происхождении царской власти, неограниченным самодержавием, отрицанием Конституции**, необходимости парламента и политических партий. На фоне того, что произошло в Европе уже сотни лет назад, это был вызов, которого царь даже не скрывал, напротив, открыто бросил обществу.

17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II прямо сказал: «Бесмысленно мечтать о всякой Конституции». В том же году царь твердо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: «Спасибо молодцам-фанаторийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убежден, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция», и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как говорил Ф. Энгельс, станет «поворотным пунктом во всемирной истории»; о том, что в «Письмах издалека» В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го должны привести Россию к революции социалистической, — царь Николай знать не знал — что за «людишки»? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

¹ Бунин И. А. Миссия // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 8. С. 391.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: «Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что **России грозит революция**, я бы только улыбнулся. Нынче **я вынужден смотреть на положение иначе**». В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново сообщал самодержцу, что «в случае неудачной войны в России **неизбежна социалистическая революция**».

Откуда мог знать обо всем этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию «чернь» провоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя в ту пору уже случились революция 1905 г., Февральская революция 1917-го, которые давали повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: «Ключевский отмечает чрезвычайную **повторяемость** русской истории»¹.

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: «Что породило революцию? (французскую. — *И. И.*) Честолюбие! Что остановило ее? Честолюбие!»

«Честолюбие!..» Нет же, «повторяемость» причин **любой** революции, будь то английская, французская или какая-то иная: нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодальных и (по сути) все еще крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участвовали 694 тыс. рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 млн. Поэтому Февральская революция была буржуазно-демократической, нарождавшийся рабочий класс не мог смириться с угнетением, эксплуатацией и невыносимыми условиями труда на фабриках и заводах. Царь был вынужден издать «Манифест» (компромисс! — *И. И.*) и обещать народу новые свободы.

«Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона», — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую поговорку. «Из нас» — это из кого? Или «дубина» — из «черни», «икона» — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 343.

«Если бы я эту “икону”, эту Русь (? — *И. И.*) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу»¹.

«Икону» Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел «Дубинушку»?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только «иконы», а из других — только «дубины»; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни, и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря что ли брат его Юлий водил в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем хотеть, если ты, хоть обедневший, но все же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, «сыт, пьян и нос в табаке»?

«Честолюбие!..» Если б только! «Повторяемость»: нищета и голод постоянно и остро давали знать о себе в российских деревнях, где в начале XX в. проживало 85% населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожай, а вслед за ними — голод. В 1891–1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 млн человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 млн богатых крестьян. Немало! Еще около 3 млн относились к середнякам. Но 10 млн (две трети) крестьян были бедняками: ни кола, ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей батраки — все те же крепостные, хоть и «свободные», вынужденные гнуть спину на новых хозяев, еще вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую еще более жестокими и безжалостными, чем прежние бары. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, «человек с ружьем» стал естественным резервом тлевшей революции. А когда революция грянула, встал под знамена тех, кто обещал мира, земли и хлеба. Это были большевики. Это был Ленин.

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 311.

Ленин, большевики прекрасно понимали «шаткость», переменчивость настроений, расколотость народа на несколько слоев: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекатную, «проклятьем заклеянных» на то, чтобы рождаться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться «в люди». Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьянства, деды и отцы которых всего полвека назад еще пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? «Чернь» и «не-людь» сознавали, что они «никто» и «ничто». И когда провозгласили, что «никто» станет «всем», они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Наверное. Почему бы нет? Человек, лишенный честолюбия, не добьется ничего в какой угодно области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

«Всё спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?» — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: «Попытка французов восстановить (? — *И. И.*) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращенное поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления...»

«А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — *И. И.*) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...»¹ И добавляет от себя: «То же было во Франции с ее Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке,

¹ Бунин И. А. Еще об итогах // Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 380–381.

в России... Посредством убийства осуществлять человеческое благо! Достигать равенства насилием, тогда как насилие самое резкое проявление неравенства»¹.

Стоит ли возражать сразу трем великим людям — Шиллеру, Герцену и Бунину, — не находясь на той же высоте общественного признания, что и они? Тем более что во многом они правы... Нельзя полагать восстание и революцию благом. Нельзя не согласиться с тем, что революции развязывают в людях темные инстинкты и ведут к неизбежному разрушительству. Нельзя не согласиться с тем, что «насилие есть самое резкое проявление неравенства». И это далеко не все, что надо признать истинами, по поводу которых спорить было бы глупо и смешно. Но эти истины — истины не полные, не окончательные, признанием которых можно было бы остановить бесконечную череду народных бунтов, восстаний и революций, происходящих во всех странах от древних времен до нынешних дней. Революции, увы, все же свершаются, доказывая этим фактом свою неизбежность, а порой и необходимость — «в конце концов».

Все неимоверно сложнее, чем это представлено в статьях и дневниковых записях Бунина. Даже Лев Толстой, Герцен и Шиллер тут ему не в помощь, во всяком случае, положение дел не спасают.

Вряд ли человек рождается революционером. Вряд ли кто со школьной скамьи мечтает совершать революции. К сожалению, человеческие общества устроены так, что сами формируют спрос на людей такого толка, которые с некоторого момента своей жизни становятся на путь «профессиональных революционеров». И коль скоро такие люди в обществе существуют, то по мере накопления их количества революция становится неизбежностью, рано или поздно — в зависимости от того, как себя чувствуют люди в верхнем эшелоне власти рядом с верховными правителями, как живет людям второго и третьего сословий, а также простонародья, которое в любом обществе обычно составляет большинство.

Исследователи революций, которых в пору жизни Бунина было еще совсем немного и труды которых он не мог читать, заметили, в частности, что у каждой революции есть **общие и особенные причины, свои движущие силы**. И это почти всегда — **люди высшего света, либо высшего духовного слоя**, недовольные устройством экономической и политической жизни, но никак не «чернь», не простой народ сам по себе, от которых можно ждать бунта, восстания, но не революции, ведущей к переустройству всех основных форм, а значит, и сущности существующего строя. Замечено, что за революцией всегда следует **контрреволюция, откат назад**, к исходным позициям, попытка **реставрации** прежних форм жизни, порой удающаяся, но не навсегда. Замечено, что **длина отката** в прошлое зависит от того, **насколько далеко** шагнула революция в своем стремлении к «обновлению» и разрушительстве существовавшего образа жизни. Замечено, что высшие цели революции достигаются через **компромисс** между революционными и контрреволюционными силами, и происходит это **не враз, а постепенно**, в ходе их борьбы год за годом, на которую уходят **десятки, а то и сотни лет**.

Вот **Великая английская революция**, на которую, цитируя Герцена, ссылается Бунин... Не ясно, почему он берет отсчет английской истории (быть может, самой кровавой из всех в мире, в том числе российской) именно от Кромвеля? Ведь эта революция была лишь продолжением и завершением целой серии революций и гражданских войн, потрясавших Англию с гражданской войны 1258–1268 гг., в результате которой **в 1265 г. был создан первый в мире парламент**, состоявший сплошь из знати. В нем не было места «народу», часть которого была на стороне короля и феодалов, а часть — на стороне нарождавшейся буржуазии, хотя такого понятия в тот момент еще не существовало. И причина, по которой «народ» дрался сам с собой и убивал друг друга, была вовсе не в том, чтобы защитить интересы своих господ, нет. Этой причиной были **нищета и голод**, которые всегда влекли и загоняли обездоленных в тот стан, где им заманчивей пообещали будущую сытость и крышу над головой. Что касается борьбы между Парламентом и династией

¹ Бунин И. А. Еще об итогах. С. 381.

Стюартов с ее сторонниками — феодалами за абсолютную королевскую власть, то «народ» об этом мог и не догадываться: зачем это господам с обеих сторон?.. И разве не то же самое было в борьбе «белых» и «красных» в русской революции? В разгар Гражданской войны и «красные», и «белые» ввели воинскую мобилизацию. К лету 1919 г. в Северной армии «белых» из 25 тыс. человек 14 тыс. были пленными красноармейцами. Альтернатива была простой: попал в плен — или с винтовкой против «красных», или пуля в лоб. То же происходило у Деникина, Колчака и Врангеля. То же — и в «красном» стане...

В разрыве времен почти в 400 лет между 1295 г., когда в Англии был создан «Образцовый парламент» при абсолютной власти короля (компромисс!), и началом очередной революции и гражданской войной 1642 г. страну потрясли множество восстаний и революций. В 1641 г. казнен граф Стаффорд, фаворит короля. Парламент победил лишь потому, что за ним стоял восставший «народ», и прежде всего Лондон. Страна и народ были поделены на две части, две Англии. Весной 1648 г. вспыхнула новая гражданская война, которую принято именовать Великой английской революцией. И произошла она не по воле «народа» и Кромвеля, который только тут и появляется на политической и общественной сцене, а вследствие попытки Карла I взять реванш и вернуть себе власть. Парламент победил Карла I. В 1649 г. король был казнен. А Кромвель в конце концов стал диктатором, разогнал парламент, восстановил палату лордов (реставрация! — *И. И.*) и чуть было не возложил на себя королевскую корону, но заболел, умер, мертвый извлечен был из могилы и повешен... 19 мая 1649 г. Англия стала **первой в мире парламентской республикой**: высшая **цель революции 1258–1268 гг. была наконец-то достигнута**.

Тем не менее в 1660 г. совершилась реставрация (! — *И. И.*) королевской династии Стюартов; король согласился санкционировать основные завоевания буржуазной революции (компромисс! — *И. И.*). Но «народные» волнения не утихали: в 1688 г. началась «славная революция», результатом которой в 1689 г. стал компромисс (! — *И. И.*) между представителями феодальной монархии (старое) и неплохо державшейся на ногах буржуазией (новое).

Вот штрихпунктирное изложение истории «английской революции» (четырёх революций!) длиной почти в 400 лет, в ходе которой погибли действительно миллионы человек, но Кромвель тут хоть и заметная, но проходная фигура. Все гораздо значительней, масштабней и мрачней в истории этой страны, давшей миру «образец» революционного переустройства общества...

Это сейчас Великая Британия, от которой остались только Англия, Шотландия и уже скоро 700 лет воюющая с центральной властью Ирландия, выглядит такой мирной, сытой и особо заманчивой для новых российских богатеев. Но когда я, путешествуя по этой стране, посещал ее замки и музеи, слушал гидов, зная то, о чем только что поведал, мне временами становилось жутко, хотелось крикнуть окружающим меня людям: «Слушайте! И это вы сейчас учите нас, русских, правам человека, свободе и демократии? Вы, сотни лет топившие свою страну, а потом и многие другие страны в океане крови? Вы, тогда наши «союзники» во Второй мировой войне, холодно и расчетливо наблюдавшие за тем, как русский народ истекает кровью в борьбе с фашизмом, выжидавшие, кто кого победит: Гитлер — СССР или Сталин — Германию? Вы, задумывавшие вместе с США еще в ходе этой войны, в 1942 г., напасть на Советский Союз, а потом планировавшие начать третью мировую войну сразу по окончании Второй мировой — 1 июня 1945 г.? Вы смеете учить нас?!»

Но, поостыв, думал: «В каком-то метафизическом смысле, быть может, все же такое право они имеют, ибо пострадали его. Только почему все сваливают на Русь, Россию и русских? Почему про свой горький опыт сказать “стесняются”?..»

Вот что думаю я, когда читаю размышления Бунина о революции и грехах «большевиков», действительно существующих, но не исключительных.

Бунин не понимал (не хотел понимать?), что «окаянные дни» наступили не «вдруг», а стали искуплением грехов и ошибок российской самодержавной власти, копившихся столетиями. Думать, будто для постижения смыслов истории и логики общественного развития достаточно лишь писательской

наблюдательности и писательского таланта, мне кажется, весьма наивно. А Бунин, видимо, именно так и полагал. В его записках и статьях, кроме имен Льва Толстого да не слишком чтимых им Достоевского и Герцена, из значительных фигур не встречается никто. Маркс и Ленин как знатоки общественной жизни для Бунина существа ничтожные, отрицательно-негативные. А это были, что ни говори, великие умы. Между тем сам Бунин был не более чем тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добро-совестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желания излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда «дурман» и «окаянство» вырвались наружу и разнесли в клочья все, что рисовал он в своей знаменитой «Деревне»...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человек... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свысока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни «красной», а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из СССР в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику «Белое Дело», изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не «вооруженная контрреволюция»; не «ре-

акция», не «реставрация»; дело не «сословное», не «классовое», дело не «личное», не «партийное», не «имущественное», не «мстительное».

«Белое Дело, — утверждал Ильин, — это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном... Мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому негодующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением». **«Россия была духовно больна перед смутой, революция явилась, как обострение и развитие этой болезни».**

Прекрасные слова!

Но! «Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя **правыми** перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и **несет ему меч...**»

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как о «беспрекословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения»¹. «Белые», по Бунину, — это те, «у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры...»² «Белые» — это Авель; «красные» — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: «...Я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве», «...все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство»³.

¹ И. А. Бунин. Публицистика 1918–1953 годов / ИМЛИ РАН. М. : Наследие, 2000. С. 5.

² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 318.

³ Там же. С. 8.

Абсолютно «своим» считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от имени правительства Вооруженных сил Юга России пригласил Бунина в белый Крым: «...Мы решили, что такая сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей»¹. Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля. И что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил свое политическое «кредо» в таких словах: «Я не правый и не левый — я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни и злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило». Но кажется мне, что это позиция не человека, а Бога, парящего надо всем и надо всеми. Осмысливая бунинскую публицистику, надо понять (скажу в третий раз!), что Бунин был хоть и выдающийся, но только человек, а не Бог.

Понимал ли Бунин, что «русская революция» победила не соблазнами большевиков, а потому что в стране был общенациональный, как говорят сейчас, «системный кризис»? Что народу осточертела война, что крестьяне изголодались, что царь и его власть до самого дна исчерпали доверие подданных? 240 тыс. солдат Петроградского гарнизона перешли на сторону революции — это как? Когда в непримиримом конфликте сошлись Красная идея и Белая идея, то почти половина русских армейских офицеров и больше половины офицеров и генералов **Генерального штаба** (цвет армии!) пошли служить в Красную армию. Это — как? На сторону революции перешла бóльшая часть Центрального аппарата русской **военной разведки** во главе с генерал-лейтенан-

¹ Бунин И. А. Окаянные дни.

том Н. М. Потаповым!.. Царские генералы и офицеры не были большевиками, и почти никто из них не вступил позднее в партию. Их выбор определялся гражданским долгом, любовью к России и ее народу.

30 мая 1920 г., когда на польском фронте сложилось угрожающее положение, знаменитые генералы А. А. Брусилов и М. Д. Бонч-Бруевич вместе с большой группой генералов издали обращение «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились»: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

В силу неопровержимой пристрастности Бунин видел все происходившее в России в годы революции, Гражданской войны и советской власти под своим углом зрения и объяснял его сообразно своим взглядам и убеждениям пятидесятилетнего знаменитого человека и помещика. Что ему не нравилось, того он не замечал или с ожесточением опровергал, и наоборот, выпячивал выгодное его представлениям.

Например, Бунин «упускает из виду» тот факт, что Гражданскую войну в 1918 г. развязало Белое движение, изначально надеясь на решающую помощь Антанты, т. е. **интервентов**. Бунин наверняка знал, но «не придавал значения» тому, что без западных поставок вооружения, обмундирования и материалов, особенно Англией, Белое движение вообще не могло бы образоваться. Бунин то ли не знал, то ли знал, но не хотел признавать и понимать, что ненависть к России всегда жила на Западе и «белый проект» вынашивался там задолго до Февральской и Октябрьской революций.

Бунин знал, что Колчак назначен Верховным правителем России Англией и США; что Деникин сознательно работал на Запад. Бунин должен был понимать и то, что иностранные державы используют Белое движение в борьбе с революционным народом, не жертвуя своей «живой силой», но в случае победы «белых» им гарантирована возможность «обустройства» России на свой лад и **в своих** интересах.

Где были в тот момент русские чувства и патриотизм Бунина? В годы Октябрьской революции и Гражданской войны они словно испарились из его души.

Пусть придут любые иностранцы — немцы, англичане, французы, финны, поляки, все равно, кто! Пусть захватят Москву и Кремль, Петербург и Зимний дворец! Пусть оккупируют хоть всю Россию, только бы избавили от русской «черни», «полудикарей», от большевиков. «Лучше черти, чем Ленин!..» — пишет Бунин. Читаем в «Окаянных днях»: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: “Ах, если бы!”... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то **польских** легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а “просто едут по железной дороге” — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации

банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками **вместо того, чтобы идти оккупировать** Россию» и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

«Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, **французский** броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

О народе

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. «Чернь» и «полудикари»¹, «проклятые обезьяны»², «скотина без пастуха»³ — вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

«Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих — один святой...»⁴. «А в красноармейцах главное — распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает “шевелюр”. Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля»⁵. «...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиническими глазами...»⁶. «А народ

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 342.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 322.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Там же. С. 317.

не виноват!.. Народ будет впоследствии валить все на другого — на соседа и еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на все это дело подбили”»¹.

«Ну, а “белые” — они, конечно же, сплошь орлы!» — полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому «белых» представляли именно так. Вспомним атаку каппелевцев в фильме «Чапаев» (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры — рослые, в парадных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулеметы им не страшны!..

А ведь о «белых» в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинтова: «Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и еще какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать ее веревкой. Вот какие “балы” и какие “эполеты” мы в то время имели!»

Гражданская война была трагедией для всей России: для «белых» и «красных». Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Как тысячи корнетов и поручиков, вставших «За Веру, Царя и Отечество!», певших гимн «Боже, царя храни!», они были «пушеч-

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 306.

ным мясом», «военной рукой» Антанты, которая упустила свой шанс раскромсать Россию только потому, что внутри каждой из стран, входивших в этот союз, в тот момент вызрели свои восстания и революции. Генералы — основатели Белого движения (Корнилов, Краснов, Деникин, Колчак, Кутепов, Врангель и другие) меньше всего собирались разрешать проблемы, которые привели к революции. Первое, чего они хотели, — вернуть «свое», прекрасно понимая, что собственными силами, без иностранной помощи им не победить.

Волею Запада Верховный правитель России адмирал Колчак, «дитя Февраля», писал о русском народе буквально следующее: «...обезумевший дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ». При власти Колчака в Сибири было построено 50 концентрационных лагерей, около 1 млн человек были брошены в тюрьмы.

Бунин же перед Колчаком и Деникиным, с которыми встречался позднее, просто млея, пел им дифирамбы как национальным героям. Хотя даже злейший враг Советов З. Н. Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 г.: «На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком все знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши “белые генералы”, старые русские “остатки”, — если они не будут честно и определенно **поддержаны Европой**». По существу своему Белое движение выступало как прозападная сила, принявшая от Антанты материальную и военную помощь в форме иностранной интервенции. Умом своим Бунин был куда как посильнее Гиппиус, был способен смотреть на вещи поглубже... Или не так?..

В рассуждениях об отношении Бунина к народу было бы ошибкой забывать: Бунин — дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно. После отмены крепостничества в 1861 г. имения его матери в Воронежской и Орловской губерниях были на грани разорения, но существовали и позволяли господам жить вполне сносно: держать хорошие связи, путешествовать, бывать в свете,

на званых обедах, в театрах, иметь хорошую одежду, знать вкус «налимьей ухи, розовых рябчиков в крепко пожаренной сметане», «дорогих вин и коньяков». Прекрасно, прекрасно!.. Но это все — не для городских и сельских обывателей — людей низших сословий, которые составляли почти 90% населения России и звались «народом», который Бунин наблюдал, изучал и описывал, глядя на него со стороны, сверху и свысока. Себя самого Бунин к «народу» не причислял. Сказать о себе «чернь», «полу-дикарь», «обезьяна»?..

О Ленине

Заблуждался Иван Алексеевич и по поводу Ленина, который для него был «бешеный и хитроумный маньяк»¹, «планетарный злодей», «всемирно известный палач, который вовсе не кусается, а только «подавляет оппозицию путем чрезвычайки» (из ответа Б.-Г. Уэллсу). Его высказывания в адрес Ленина, мягко говоря, грубые. «Читал статейку Ленина. Ничтожная и жульническая»²; «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это [...]!»³; «...Читаю Ленинотра. Сент Жюст, Робеспьер, Катон... Ленин, Троцкий, Держинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские»⁴; «Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных... Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих?..» «Кажется, и впрямь все готово... к канонизированию этого козла плута, который... “так чудесно хохочет”, стоя по горло в крови и грязи!»⁵ «Боже, и это вот к этому дикарю должен я идти на поклон и служение? — вопрошает он. — Это он будет державным хозяином всея новой Руси?..»⁶ «Древние говорили: “А вултум витиум” — порок на лице. Сотни древних изречений говорят

¹ Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 393.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 350.

⁵ Бунин И. А. Многогранность // Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 2006; Из «Великого дурмана». С. 297.

⁶ Бунин И. А. Миссия. С. 392.

о всеобщей антипатии к рыжим и скуластым. Сократ ненавидел бледных. По уголовной антропологии, у огромного количества так называемых “прирожденных преступников” — бледные лица, большие скулы, “грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза...” Посмотрите же на рыжего, скуластого, с маленькими косыми глазами Ленина»¹.

«Главное же надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот “планетарный” скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?.. Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга...»²

А по моим понятиям, Ленин — великий человек и великий политик. Без Ленина не было бы Великой Октябрьской социалистической революции, изменившей ход истории не только российской, но и мировой. Эти выводы принадлежат не мне, признаны в мире. Я с ними согласен. Человечество, в том числе нынешние так называемые «развитые» страны, должно быть благодарно русской революции, Ленину и Советскому Союзу за то, что они указали вектор движения человечества в будущее: к устойчивому развитию через установление более справедливых и равноправных отношений между странами, народами и людьми. Только оголтелый ультралиберал не захочет сегодня признать, что именно благодаря семидесятилетнему историческому опыту Советского Союза в капиталистических странах резко сдвинулось в лучшую сторону решение социальных вопросов, чем уберегли они себя от социальных потрясений и социалистических революций: слишком ужасной была Гражданская война в России и вся последовавшая за ней действительность — разлад всего

¹ Бунин И. А. Еще об итогах. С. 383.

² Бунин И. А. Миссия. С. 393.

и вся, анархия, хаос, разруха, преодолеть которые было невозможно без насилия. Капиталисты и землевладельцы, правительства и партии шли на уступки низшим классам, выращивали средний класс, а вместе с этим и устойчивость общества.

Весной 2009 г. государственный (!) телеканал «Россия» осуществил проект «Имя Россия», задача которого состояла в том, чтобы определить личность государственного деятеля за всю отечественную историю, имя которого наиболее ассоциируется с именем «Россия». Интернет-голосованием миллионов телезрителей было определено 500 выдающихся людей России, в числе которых Бунина не оказалось; затем таким же путем были отобраны двенадцать имен, и среди них — Ленин. Выиграл «конкурс» Александр Невский, второе место занял Столыпин, третье — Сталин, а шестое — Ленин. И это на 18-й год строительства «новой» России...

В 2005 г. фонд «Общественное мнение» проводил социологическое исследование с общероссийской выборкой в связи со 135-летием со дня рождения Ленина. На вопрос: «Как вы оцениваете вклад Ленина в российскую историю?» — 81 процент опрошенных ответили: «Положительно». Такое же количество респондентов согласилось с тем, что «Ленин — хороший человек». Ну, и чего стоят бунинские филиппики о Ленине в свете хотя бы этих цифр?

Так чья же взяла? Кто прав? «Красные» и Ленин, которые победили в 1917 г. и строили «новый мир» более 70 лет? Или «белые» в 1991 г., развалившие Советский Союз и взявшие «возродить» Россию? Что нам делать теперь с историей нашей? Поменять все бывшие «плюсы» на «минусы»? Всех бывших героев объявить преступниками, а вчерашних врагов — героями?

Вот канонизировали царя Николая II: теперь он причислен к лику святых. За что? Большевики расстреляли его и семью. Зверство, слов нет. Но англичане в ходе революции казнили двух королей, французы — короля и королеву. И ничего, голову свою пеплом не посыпают. О казненных английских и французских революционерах вообще молчу. Ведь это по их вине начались революции. Если бы кто-то начал следствие о причинах

русских революций 1905-го, Февральской и Октябрьской 1917 г., то, не сомневаюсь, вывод был бы один: вина полностью лежит на самодержце Николае II и государственном строе, который он представлял и рьяно отстаивал, а потом вдруг безвольно скинул и отдал власть.

В гражданской войне Правды нет, есть две, три, пять — много правд. Побеждают политические фигуры, а народ всегда в дураках. Ибо революция — всегда разрушение, меч, раскалывающий узел, завязанный неумелыми руками действовавших до нее правителей.

По моим понятиям, Ленин — совсем не враг России. Пусть себе лежит в мавзолее, уж коль так случилось. Корнилов, Деникин, Колчак и Врангель — тоже не враги России. Маяковский, Есенин и Блок, которых презирал Бунин, не враги России. Бунин — конечно же тоже не враг России. Каждый любил Россию, **свою** Россию, любил по-своему, а столкнула их и сделала врагами меж собой, как и миллионы других, стихия революции, которая вовсе не была случайной, но разобраться в том, кто прав, кто виноват, куда и с кем идти, в момент землетрясения, было ох как не просто любому, но особенно — человеку с прочно сложившимся миропониманием, которое вдруг «почему-то» надо было менять. Бунин был в ряду значительных личностей, и никто не вправе судить его за сделанный выбор и его суждения...

Если вникнуть в существо всех бунтов, восстаний, революций, именуемых «народными», то ведь получается, что и в самом деле целый народ нельзя ни хвалить, ни винить, ни судить. Народ всегда ведомый. В конце концов виноватых (или победителей) — сотни, ну тысячи, а Главный преступник, как и Главный герой, — всегда один.

О «возрожденной» России

В публицистике своей Бунин не раз обращается к Герцену, то укоряя его в ускорении революции, то восхищаясь его пророчествами. 20 апреля 1919 г. Бунин записывает «замечательные строки» Герцена: «Нами человечество протрезвляется,

мы его похмелье... Мы канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...» Бунин заключает: «Нет, отрезвление еще далеко».

Следуя герценовской и бунинской мысли, «опохмелились» и «отрезвились» мы ельцинской ультралиберальной и ультра-демократической революцией 1991 г. Можно сказать, что Белая идея восторжествовала. Белое дело совершено. Бунинские мечты осуществились, бунинские страдания вознаграждены...

Но вернемся к Предисловию философа И. А. Ильина «Белое дело», уже цитированному мною. В 1926 г. И. А. Ильин писал: «Да, Белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая, утверждая народное спасение и народное достоинство, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имущества, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и приумножать; приумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам великою, — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примиренною — установившей мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий.

Она предносится нам **возрожденною** — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая великая, примиренная, **возрожденная**.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится».

Красиво сказано!

Ну, вот — осуществилось! И что же? «Отрезвилась» Россия?

Незначительная часть населения «возрожденной» России живет представлением, будто в стране наконец-то установился «естественный» строй общества, сменивший советский — «искусственный», установился навсегда, что капитализм победил социализм окончательно и никаких возвратов в похожее на него прошлое быть не может, что никаких великих потрясений никогда уже не случится. Ох, как хотелось бы и мне, чтоб жизнь наша шла в мирном русле, текла, будто вода среди зеленых берегов, поворачивая то чуть влево, то немного вправо, но становилась все полнее, шире, привольнее. И никаких перекаатов, водопадов...

Но вряд ли так оно и будет.

Ельцинская революция 1991 г. чрезвычайно похожа на революцию 1917 г. и все, что ей предшествовало (слабость власти, неспособность накормить народ, видеть новое, изменяться самой и изменять общество и т. д.). Так же как в октябре 1917 г., советская Система рухнула при первом дуновении ветров перемен, а сам зачинщик «гласности», глашатай свободы и затейщик «перестройки», возжелавший изменить мышление народов огромной страны и всего человечества лишь болтовней с экрана телевизора, элементарно струсил и сдал власть точно так же, как Николай Второй, испугавшийся замарать свои ручки в белых перчатках в борьбе за трон и «свой народ».

Трагедия (и революция) России начала XX в., как уже говорилось, была predeterminedена тем, что страна вошла в новое время с не желавшими изменять себя феодализмом и самодержавием.

Бедра России XXI в. в том, что она встретила его под лозунгами ультралиберализма в форме «дикого капитализма», которые давно исчерпали себя, и, следуя этой дорогой, можно прийти только к катастрофе. Ельцинскую революцию 1991 г.,

если мыслить законами революций, нужно рассматривать не как шаг вперед, а как огромный по меркам времени **откат назад** к старым формам бытия в новых, превращенных формах, как **реставрацию** дореволюционной России. Что, собственно, существенно нового появилось в «новой» России? Компьютеры? Интернет? Мобильники? Это — несомненно. Президент? Тот же царь. «Элита» общества? Та же знать: князья, графья, дворяне, духовенство, генералитет. Власть? Такая же малоспособная, как при царе и на закате СССР, только еще более алчная, беспринципная и безответственная.

«...Новая Россия страшна... Особенно молодежь... Много холодных убийц... Много спекулянтов, дельцов, хулиганов, головорезов...»

«“Россия будет!” — Да, но какая? И новая ли? **Так ли уж ново наше новое?**»

Согласитесь, звучит куда как современно. Но это слова Ивана Алексеевича Бунина, им уже под девяносто лет.

«Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей». Это одно из древнейших дикарских верований. И, право, оно звучит теперь не так уж архаично. Тоже понравившаяся Бунину мысль, но как подходит она к нашим дням, когда, пожалуй, самым затертым стало словосочетание «новая Россия» («Белая Россия!»), в которой миллионы бедствуют, нищенствуют и мрут не из-за неурожаев, как в царской России, негодуют из-за нехватки товаров и продуктов, как бывало временами при советской власти, а потому что одни (ничтожное меньшинство) жрут от пуза, лопаются от жира, состязаются в том, у кого дворец на Рублевке больше, яхта в Средиземноморье длиннее и дороже, а другие (огромное большинство) не знают, как прокормиться, собрать ребенка в первый класс, где жить, как жить и — зачем жить? Имущественный разрыв между «возрожденной» российской знатью и народом беспрецедентен в новейшей мировой истории, если мыслить Россию в ряду «цивилизованных» стран. А именно этот разрыв и порождает недовольство, протест, возмущение, гнев и ненависть, именно в этом разрыве вновь возникают

мысли о несправедливом устройстве общества и разного рода идеи о том, как устранить эту несправедливость. И появляются люди, способные чувствовать чужую и общую боль острее, чем собственную. Их принято называть революционерами. Можно сколько угодно проклинать революционеров и революцию, но народ государства, жить в котором становится невыносимо, в силу правового основания необходимой обороны своего права на человеческую жизнь имеет право восстания, право революции, отменить которое не дано никому. Это ведь совсем не случайно едва ли не в каждой американской семье числится по нескольку единиц огнестрельного оружия: народ вооружен и тем опасен. Демократия, т. е. власть народа (говорю это вообще, а не в похвальбу политсистеме США), должна иметь возможность защитить себя.

«Новые белые», как и обещал И. А. Ильин, полагаясь на свою безусловную правоту, принесли возрождаемой ими России не мир, но меч — меч управляемого Хаоса, меч ускоренной Глобализации, меч тотальной, не виданной ни в одной стране мира по своим масштабам преступной приватизации.

«Но взойдет наше солнце — нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!» — писал Бунин. Вот оно взшло, Ваше солнце, Иван Алексеевич!.. И что же мы видим в его сияющих лучах?

Воистину сказочные богатства страны разворованы, розданы в загребущие, но неумелые руки по преимуществу бездарных и порочных людей, ухлопаны на взятки, заказные убийства, на рекламу, на выборные технологии и откровенную пропаганду нового режима, на создание бандитских телесериалов, развращающих молодые поколения...

Могучая экономика, мощнейшая промышленность, построенные за небывало короткие сроки, с крайним перенапряжением сил за счет здоровья и жизней миллионов людей, уничтожены.

Десятки миллионов людей, и прежде живших кое-как, ныне пребывают в полной нищете, болеют, не имея денег на лекарства, ускоренно уходят на тот свет, а у родни нет даже денег, чтобы похоронить их по-человечески.

Под видом реформ развалена некогда лучшая (утверждаю!) в мире система образования, и теперь посреди землетрясения, когда все вокруг только рушится и невозможно вести никакое строительство, сверху беспрестанно талдычат о том, что все это сделано во имя повышения качества образования, требуют и далее его повышать. Да разве ж можно жить и строить на вулкане? Что это, если не сумасшествие? А если все же нет, то — замысел? Обезумить, оглупить народ, обезглавить нацию, дабы легче было управлять... «черню», «полудикарями», «обезьянами»? «Слишком много образования, слишком много науки в России», — все еще слышу я слова Егора Гайдара, «отца» шоковой терапии. С образованными-то да умными, глядишь, и новая революция подоспеть может, а темный люд, «чернь» — дело известное: ему довольно «хлеба и зрелищ!» С «хлебом» пока откровенно плохо, зато телезрелищ — невпроворот. Пошлых, но много: есть из чего выбирать. Свобода выбора! Свобода!..

Чего не смог сделать Гитлер почти за пять лет войны, сделали отечественные интервенты и колонизаторы, правда, и тут не без злого совета и крепкой помощи Запада...

Но хватит «страшных слов»! В ход идут страшные цифры...

К 2007 г. на социальное дно в России опустилось 14 млн человек: 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных и привокзальных проституток.

300 тыс. детей в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести. Свыше 1 млн детей не посещают школу.

720 тыс. детей содержатся в сиротских домах (после Великой Отечественной войны и гибели 27 млн человек в сиротских домах было 680 тыс. детей).

Ежегодно в стране пропадают до 80 тыс. человек всех возрастов, из них 30 тыс. — бесследно.

По данным МВД России, в организованную преступность вовлечено 6 млн человек, которые контролируют более 80% банков, 41 тыс. предприятий, практически все предприятия сферы услуг и торговли, всего около 550 фирм.

Ежегодно официально регистрируется более 30 тыс. убийств, в том числе 20 тыс. — заказных. По количеству убийств Россия занимает первое место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 млн трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 млн наркоманов, более 1 млн отбывают сроки в тюрьмах и лагерях. На 100 тыс. жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире¹.

Будущим поколениям грозят маразм, одичание, вырождение — не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Грозит, грозит!.. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками «Наших» (чьих «наших»-то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты «возрождения России»... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору, из газет — они снова под жестким госконтролем. Если верить им, жизнь становится все радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше Белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом «господин». Даже президент России и ее премьер-министр предпочитают слово «коллега», хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но все же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — «чернь», «белая чернь».

¹ Пугачев В. День грядущий на закате. Механизм скрытого национального самоуничтожения в современной России // Советская Россия. 2008. № 147. 10 января.

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать «Окаянные дни», читать одну за другой бунинские статьи, до самых краев налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 г., в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдал жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование мое чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, «вышел в люди»...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь «большевиков», которые между тем сотворили «советское чудо» — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса, — боже, да разве надо перечислять все великое, что сотворили «большевики»?.. И все это псу под хвост?!.

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею случая, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, что такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моем уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало еще выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днем в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возму-

щалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется, все же росла... И Бунин — злой, холодный, отстраненный, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувствовал **человека**, от боли и страданий у которого вот-вот разорвется сердце. То и дело Бунин отмечает это свое состояние: «омертвление головы, сердцебиение, дрожь в отваливающихся от бешенства, от обиды руках и ногах»¹; «как никогда раньше страшно плакал»²; «хватал газету прыгающими от волнения руками», «писал дрожащими, холодными руками»³. Жаловался: «потерял всякий вкус к жизни»⁴. «Я просто погибаю от этой жизни и физически, и духовно. И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не все ли равно!»⁵

В такие мгновения я злорадно подмечал: «Вот именно: несешь “черт знает что” и “что попало”». Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал «как сумасшедший», — нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: «Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении? И признавался: пожалуй, таким же».

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: «И все-таки: почему же не бросишь читать?» И отвечал: Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как ни противно это твоему уму. Но отчето ж «противно»?.. У Бунина **своя** правда. Да, бунинская правда **не вся** Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых — «белая» правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И все-таки — правда. По-человечески Бунина нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 331.

² Там же. С. 408.

³ Там же. С. 310.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 374.

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда «черни», правда «полудикарей», как говорил Бунин, — правда «красная». И две эти правды никогда не сольются воедино. «Белая» правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду — «красную». И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда — снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова — революция... Тут все зависит от того, кто и как будет управлять страной. Но это — другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, **ниже Бунина-художника**. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой — революционной и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застилали ему глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристрастно, более объективно. И это понятно: он потерял все, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, что такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца проявила художественное начало, характер его героев, манеру письма — «холодность», «отстраненность», «сарказм», «надменность», «консерватизм» и другие подобные изъяны творчества, о которых писали критики и которые порой невозможно не заметить. И все же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости и мужеству говорить то, что хочется сказать, все-таки проигрывает прозе и стихам его безнадежно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? «Физически» это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей натуры, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты

вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моем представлении ничуть не упали. Гений — это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нем обычными способами невозможно.

Вот строки из «Исповеди» Л. Н. Толстого: «Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...» Страшные признания. Но Толстой остается Толстым. Так и Бунин. Великий художник слова. Публицистика? Несомненно, художественная. Остальное отставим в сторону. Как говорится, не за это ценим и любим...

* * *

В 2009 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом создал комиссию, призванную бороться с фальсификацией истории «в ущерб интересам России».

Наконец-то власть заметила, что у государства и народа украли не только нефть, газ, золото, бриллианты, заводы, фабрики, промышленность и сельское хозяйство, одним словом — экономику, но потихоньку, с помощью соросовских наемников, умыкнули самое главное — историю страны в ее истинном содержании и сущности, нафаршировав Прошлое баснями, мифами и чистопородной ложью — в интересах Запада и «в ущерб интересам России». История СССР представлена как совокупность преступлений, безрассудств, безумств и несчастий, как сплошной криминал...

В указе Президента говорится прежде всего о новейшей истории России и истории Великой Отечественной войны. А я-то думаю, что проверке на объективность, на истинность следовало бы подвергнуть всю советскую историю, начиная с Великой

Октябрьской социалистической революции, не обеляя, но и не очерняя ее. Сказать однажды твердо и навсегда: «Все, что было в Прошлом России, — это наша история. В этой истории были героические и великие события и личности, были события трагические и постыдные, были люди мелкие и ничтожные. Так или иначе у нас нет другой страны, нет и другой истории. Но в целом история России от дней ее возникновения и поныне оказала и оказывает огромное и благотворное влияние на облик всего человечества. Мы можем и должны гордиться своей историей».

Для фальсификаторов годны даже липовые источники, а тем более — авторитеты в науке, литературе, политике. Бунин как нельзя лучше подходит на эту роль, хотя сам Бунин вовсе не думал о «фальсификации» истории, напротив, он был абсолютно убежден в том, что речет абсолютную правду, и делал это с неистовой страстью, талантливо, включая на всю мощь свою феноменальную наблюдательность и безудержное воображение. Перед нами уже не писатель и поэт, а идеолог и политик с талантами истинного художника, излагающий собственные философские, политические, социальные и исторические воззрения со всей беспощадной жестокостью своей натуры.

Завлабам «молодой российской демократии» бунинские «Окаянные дни» пришлись как нельзя кстати, ибо создавали ужасные образы Великой Октябрьской революции, Ленина, большевиков и шедшей за ними «черни», чем на корню, как мнилось им, уничтожали коммунистическую идеологию. Не имея возможности ни согласиться, ни возразить, Бунин начал «работать» на идею «возрождения» России, хотя на самом деле его втянули в новую русскую революцию, во главе которой встали странные и страшные люди, для которых Россия — не любимая Родина, а открытое географическое пространство, огромный «кормящий ландшафт», «зона для свободной охоты» в поисках добычи; место утоления непомерных политических амбиций и жажды власти.

Бунинская публицистика способна захватить внимание читателя почище детективного романа, переворачивать мозги в удобном автору направлении. Без сомнения, в ельцинскую революцию

1991 г. Бунин помимо своей воли внес немалую лепту. «В ущерб интересам России...» Увы.

Вчитайтесь в тексты повестей и рассказов Булгакова, Куприна, Платонова, Пришвина и того же Бунина, который сейчас в центре нашего разговора. Мало того что сами эти (и не только эти!) писатели, но и их лирические герои представлены как эталон достоинства, долга, чести, совести, любви к России. «Поручик Голицын...» «Корнет Оболенский...» «За Веру, Царя и Отечество!..» И вот этих-то чистых мальчиков и их высокопородных предков растоптали и уничтожили серые революционные мужички, красноармейцы, большевики и советская власть?!..

Пропагандистская машина «возрожденной России» (прежде всего — телевидение, видеопродукция, а сейчас еще и Интернет) поработала весьма умело, переняв все формы и методы современных социальных технологий влияния на сознание человека. И многие дети из простонародья всем своим наивным умом восприняли новые мифы и — возненавидели дела своих дедов и отцов: революцию, Гражданскую войну, все советское — вещи, заводы и фабрики, идеи, героев тех времен, образ жизни и самих людей — «совков», не отдавая себе отчета в том, что вот теперь-то они **навсегда** простонародье, воистину «чернь», путь которой «в люди», «наверх», во власть перекрыт уже не тонким слоем новых «господ», новой «элиты». Так далеко Бунин, конечно, не заглядывал, но то, что он является ныне одной из числа избранных опор формирования «нового сознания» молодых поколений, это факт.

Бунин был человеком совести, и она, как внутренний закон, вела его по жизни, не позволяя выйти за рамки правил и собственного понимания смысла жизни, определяла все его поступки на поворотных этапах жизни: неприятие Октябрьской революции, советской власти и — эмиграция; отказ от сотрудничества с немцами в годы войны, грозивший ему смертью, — и нищета; отказ от возвращения в СССР, обещавшего ему новую огромную читательскую аудиторию, материальное благополучие, — и тоска по Родине до самой смерти.

В публицистике Бунин был неистово страстен и одержим, бесстрашен и мужествен, вел себя как герой, упрямо шел дорогой одиночества с гордо поднятой головой, хотя с каждым годом все глубже сознавал, что силы и нервы его уходят в пустоту, на борьбу с ветряными мельницами. Дон Кихот русской культуры...

С годами бунинское неистовство, бессильное и невостребованное, затихало, время заставляло порой размышлять над ранее сказанным, иногда, наверное, рождало сомнения в излишней категоричности своих прежних высказываний. Во всяком случае, этому есть некоторые свидетельства.

В воспоминаниях поэта и писателя К. Симонова «Об Иване Алексеевиче Бунине» есть такие строки: «Сколько мне помнится, Бунин два раза возвращался в разговорах со мной к своим “Окаянным дням”, даже спросил меня, читал ли я их. Я сказал, что нет, хотя на самом деле читал. Он сказал, что в этой книге много такого, под чем он сейчас не подписался бы, но она писалась в другое время и в других обстоятельствах, а кроме того, даже и тогда он в этой книге не позволил себе писать о большевиках много такого, что писали в то время о них другие литераторы»¹. И еще пишет Симонов, что Бунин сказал ему: «...вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года (начало Великой Отечественной войны. — *И. И.*) я, написавший все, что писал до этого, в том числе “Окаянные дни”, я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, **навсегда вложил шпагу в ножны...**»²

В другом месте К. Симонов писал, что «в сорок шестом году Сталин был для него (для Бунина. — *И. И.*) после победы над немцами национальным героем России...»³. Во время одной из встреч с Симоновым Бунин предложил тост: «Выпьем за великий русский народ — народ-победитель! И еще — за полководческий талант Сталина!»⁴

На самом деле Бунин с тропы войны не свернул, еще много раз выступал со статьями, враждебными СССР. И это естественно для Бунина. Издал книгу «Воспоминания» по тону своему сродни всем прежним публикациям, в 1953 г. готовил к переизданию «Окаянные дни».

Бунин-публицист и Бунин — писатель и поэт — это единая и целостная Личность, в творчестве которой художественное выше публицистического, но берет свое начало из бурлящей страстями и мыслями природы этого человека, включая страсти политические и социальные. Снова скажу: Бунин-публицист ничуть не принизил в моем сознании Бунина-художника, напротив, я лучше понял его как человека, стал уважать за смелость и мужество.

Но не станем канонизировать Бунина! Не сотворим себе кумира! Скажем: жил да был на белом свете очень русский человек со своею Белой правдой — Иван Алексеевич Бунин. Красивый и умный, бывал велик и мал, добр и зол, любил и ненавидел, страдал и наслаждался, был бесстрашен и пуглив, милосерден и жесток... Скажем: Бунин был Человек, обыкновенный Гений.

Игорь Ильинский,
Август — сентябрь 2009 г.

¹ Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 423.

² Там же. С. 422–423.

³ Знамя. 1988. № 3.

⁴ Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М.: Молодая гвардия, 1989. С. 342.

Научное издание

ИДЕТ ВОЙНА ХОЛОДНАЯ

**Стенограмма 29-го заседания
Русского интеллектуального клуба
9 июня 2015 г. с приложением других материалов**

Под научной редакцией профессора И. М. Ильинского

Корректор Н. М. Шешеня
Верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать 17.08.2015. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Изд. № 439. Заказ № 176

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5